КРЕМЛЁВСКИЕ

ТЕЛО ХРАНИТЕЛИ

МИХАИЛ ДОКУЧАЕВ

Я ОХРАНЯЛ БРЕЖНЕВА И ГОРБАЧЕВА

ОТКРОВЕНИЯ ГЕНЕРАЛА КГБ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой книги Михаил Степанович Докучаев занимал должность заместителя начальника 9-го Главного управления КГБ СССР, обеспечивающего охрану высших руководителей Советского Союза.

В своих воспоминаниях М. С. Докучаев прежде всего рассказывает о Л. И. Брежневе и М. С. Горбачеве, которых ему довелось охранять, — об их характере, ближайшем окружении, стиле работы, повседневной жизни; о попытках покушений на них и различных инцидентах, связанных с ними. Далее, раскрывая секреты легендарной «девятки», М. Докучаев показывает, как работают профессионалы высшего класса, охраняющие жизнь руководителей государства, и сообщает уникальные сведения о личной охране всех советских вождей — от Ленина до Горбачева.

Кроме того, он приводит интересные подробности об охране американских президентов Р. Рейгана и Дж. Буша, приезжавших в СССР и приглашавших к себе с визитами советских лидеров, а также о М. Каддафи, Я. Арафате и ряде других известных деятелей.

- Михаил Докучаев
  - Чего не понимал Киссинджер
  - План «Прометей»
  - Агенты и контрагенты
  - 9-е Управление КГБ СССР
  - Как создавалась служба охраны
  - Безопасность Кремля
  - Охрана И. В. Сталина
  - Л. П. Берия
  - Смерть Сталина
  - Кто убил Сталина
  - Охрана Н. С. Хрущева
  - Охрана Л. И. Брежнева
  - Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин
  - Обострение обстановки
  - Ю. В. Андропов
  - Охрана М. С. Горбачева
  - Встречи с Рейганом и Бушем
  - Кто стоял за «августовским путчем»
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Михаил Докучаев
Я охранял Брежнева и Горбачева. Откровения генерала КГБ

Чего не понимал Киссинджер

Моя чекистская деятельность началась после окончания известного Военного института иностранных языков, и первые ее годы проходили в одном из информационных центров под названием «Специальная служба при ЦК ВКП/б/». Работа была новой, интересной, связанной с весьма секретными документами, которые готовились для И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и Генерального штаба Советской Армии.

Через мои руки ежедневно проходили десятки важных документов по Японии, Филиппинам, касающиеся боевых действий в Северной Корее и Вьетнаме и других вопросов. Мне в то время казались просто поразительными оперативно-технические и агентурные достижения советских спецслужб, которые оперативно получали, обрабатывали и докладывали советскому руководству и высшему командованию Советской Армии чрезвычайно ценную информацию.

Работали мы самоотверженно, не считаясь со временем, личными и семейными делами. Начинали в 9.00 утра и кончали порой далеко за полночь. Как правило, разъезжались по домам на последних поездах метрополитена. Придя домой, валились спать, чтобы хоть как-то восстановить свою работоспособность для завтрашнего дня. К таким условиям работы добавлялись неурядицы с жильем. Большинство из нас, не имея собственной жилплощади в Москве, снимали углы, где и ютились вместе с семьями.

Самой большой радостью для меня и моей семьи в то время было получение комнаты в общей квартире. Это был настоящий праздник! Такого счастья мы не испытывали впоследствии, даже когда въезжали в отдельную квартиру. Жена с любовью обставляла комнату, приобретая мебель и вещи на сэкономленные средства. Там и родился наш второй сын.

Служба, где я успешно применял знания двух иностранных языков, меня вполне устраивала, но хотелось быть на переднем крае борьбы, хотелось поработать в славной советской разведке, а для этого необходимы были соответствующие знания.

Я попросился на учебу в специальное учебное заведение, и моя просьба была удовлетворена[1]. После его окончания моя мечта сбылась — меня зачислили в политическую разведку, службе в которой я посвятил двадцать лет своей жизни, причем десять из них пришлось проработать за рубежом в условиях режима военно-фашистской диктатуры. За это время я познал военные перевороты, выполнял многие ответственные задания,

был на острие противоборства двух различных идеологических миров.

Во главе советской разведки стоял тогда энергичный и талантливый руководитель, генерал Павел Михайлович Фитин. Вскоре его заменил не менее способный и искусный организатор многих агентурных мероприятий Александр Михайлович Сахаровский. Успехам разведки способствовала деятельность других ее руководителей, таких, как И. И. Агаянц, М. Г. Котов, М. С. Цымбал, В. Г. Павлов, Я. П. Медяник, Б. Соломатин, Б. С. Иванов, С. А. Кондрашев, а также начальников подразделений: Г. Ф. Григоренко, В. И. Старцева, С. Н. Антонова, А. И. Куликова, А. И. Лазарева и многих других, которые внесли достойный вклад в ее плодотворную работу.

* * *

Советская разведка в то время была в апогее славы. Ведя войну со спецслужбами главного противника, она сумела проникнуть в самое их логово — ЦРУ и получить достоверную информацию о планах и замыслах американской администрации и их партнеров по Атлантическому содружеству. Другим ее выдающимся достижением было своевременное оказание помощи советской науке в создании атомного оружия.

В частных беседах бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер говорил, что ему непонятны три момента в истории Советского Союза: первое — как он смог победить фашизм; второе — как он смог так быстро создать атомную бомбу и третье — как он смог вывести Гагарина в космос[2].

Он прав, трудно поверить, что в тех условиях экономической разрухи СССР, благодаря концентрации своих усилий на отдельных ее участках, смог добиться выдающихся достижений в ядерной дуэли с Соединенными Штатами Америки.

Никто не предполагал, что успехи в создании атомной бомбы в СССР придут так неожиданно быстро. Несомненно, они дорого обошлись для наших людей. Их труд, как и в годы войны, был напряженным и самоотверженным. Не оставалась в стороне и советская разведка. Результатом ее проникновения в правительственные и научные центры ведущих капиталистических государств стали добытые ценнейшие политические и военные данные, новейшие образцы вооружений и промышленной техники, что позволило советской военно-технической мысли и научно-исследовательским институтам совершенствовать и создавать новую технику и вооружение и

выдвинуть СССР на уровень великой ядерной державы.

Огромный вклад в развитие советской ядерной промышленности внесли разведчики-интернационалисты, бывшие граждане США Моррис и Леонтина Коэн, которые стали затем известны под именами «новозеландцев» Питера и Элен Крогер. Долгие годы они работали в атомных центрах США и Великобритании, обильно снабжая советскую разведку сведениями, которые спецслужбы США держали за семью замками. От них поступили первые сведения о накале работ в США по созданию атомной бомбы по «Манхэттенскому проекту», который возглавлял генерал Грэвс, а научным руководителем был Роберт Оппенгеймер.

Материалы, передаваемые супругами Коэн-Крогер, имели исключительно ценный характер, и по ним выносились решения на самом высоком уровне — как принято говорить в разведке, в самых высоких инстанциях. Их материалы неоднократно докладывались Сталину, поэтому сообщения президента США Г. Трумэна на Потсдамской конференции глав государств антигитлеровской коалиции о произведенных испытаниях атомной бомбы не произвели на него шокирующего впечатления, хотя послужили серьезным толчком к ускорению работы над созданием такого оружия в СССР.

Материалы супругов Крогер тщательно изучал И. В. Курчатов и по ним выдвигал новые идеи в строительстве ядерных объектов, сокращая разрыв в научных разработках. По его объективной оценке, «вклад чекистов в создание собственной атомной бомбы составлял около 60 процентов, а остальные сорок процентов приходились на наших ученых». Главная часть из этой доли принадлежит супругам Крогер, награжденным за свой героический подвиг орденами Красного Знамени.

* * *

Несомненная заслуга в быстром создании в СССР ядерного оружия принадлежит и американским ученым, другой супружеской паре — Джулиусу и Этель Розенберг, которые оказали в этом своевременную и бескорыстную помощь советским ученым и тем самым спасли цивилизацию от ядерной катастрофы.

Как и многие граждане США, в годы войны они с большой симпатией относились к Советскому Союзу, испытывали благодарность к нему за неоценимый вклад в дело мира и победы над фашизмом. Они отдавали себе отчет в том, что несла

народам мира монополия США на атомную бомбу. Трагедия Хиросимы и Нагасаки тревожила их. Они считали, что необходимо реальное противодействие, чтобы предотвратить дальнейшее неограниченное применение этого смертоносного оружия. Это и послужило главной причиной, по которой они передали материалы по важнейшим аспектам в области ядерных исследований. Они совершили величайший гражданский подвиг, выполнили патриотический долг перед человечеством и наукой.

Конечно, нельзя при этом принижать роль и усилия советских ученых в разработке и создании отечественных образцов ядерного оружия, но не следует умалять и отрицать значение той помощи, которую оказали супруги Розенберг.

Когда мир узнал, что секрета атомного оружия больше нет, американская администрация, специальные службы и научный мир были буквально шокированы и потрясены этой вестью. Они не могли поверить, что Советский Союз с его слабой экономикой и техническими возможностями смог в столь короткий срок осуществить неосуществимое. Естественно, встал вопрос, кто мог выдать секрет создания атомной бомбы.

Подозрения пали на супругов Розенберг. Было произведено расследование и объявлено о судебном процессе над ними как над людьми, предавшими интересы США и выдавшими секреты стратегического значения противнику. Суд над ними проходил при закрытых дверях и вынес им смертный приговор.

В то время весь мир, все люди прогрессивных взглядов, выдающиеся ученые выражали свои симпатии и сочувствие этой милой супружеской паре. Многие из них просили президента США помиловать супругов или смягчить им приговор. С подобной просьбой к Трумэну обратился тогда Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, но американская сторона осталась непреклонной. Супруги Розенберг были казнены на электрическом стуле.

До сих пор этот исторического значения факт остается в забвении, а пора бы его осветить и отдать должное героическому подвигу Джулиуса и Этель Розенберг. Хотелось бы, чтобы наше руководство увековечило их память и назвало их именами одну из улиц или площадей Москвы. Американцы, например, назвали площадь около советского посольства в Вашингтоне именем Сахарова. Почему бы и нам в таком случае не назвать площадь на Садовом кольце перед зданием посольства США в Москве или Большой Девятинский переулок площадью или улицей супругов Розенберг. Это напоминало бы советским людям об их бессмертном подвиге во имя мира и человечества.

В подобном положении оказался и советский разведчик Клаус

Фукс, немецкий патриот, ученый-атомщик, передававший нашей разведке секретные научные разработки по термоядерной реакции и способствовавший ускорению создания термоядерного оружия в СССР. Он был также осужден английским судом, отбыл наказание, а затем жил и работал в ГДР. Он остался в безвестности, хотя заслуживает самой высокой награды за свой мужественный подвиг.

* * *

В конце 40-х годов в деятельности советской разведки имел место еще один выдающийся, можно сказать, феноменальный случай. Используя лишь свои возможности в самих Соединенных Штатах, советские разведчики добыли боевое ядерное устройство, которое через другие страны было вывезено в СССР. Всей операцией руководил и лично вывозил это устройство опытный советский разведчик В., который в результате получил значительную дозу радиации и впоследствии скончался. Родина высоко оценила его подвиг, наградив орденом Ленина, хотя он достоин и большего.

В послевоенные гады вплоть до начала 70-х в советской разведке действовали такие выдающиеся разведчики, как Ким Филби, Джордж Блейк, Р. Абель (В. Г. Фишер), Лонсдейл (К. Т. Молодый) и многие другие.

Особенно выделялся среди них Ким Филби, английский аристократ по происхождению, сознательно ставший на путь сотрудничества с советской разведкой. Будучи представителем «Интеллидженс сервис» в Центральном разведывательном управлении США, Филби передавал советской разведке информацию, документальные материалы, которые порой были еще в проекте или только что выходили из-под пера самых высоких руководителей США и Англии. Получаемая от него информация служила советскому руководству большим подспорьем в ведении предметных переговоров и проведении упреждающих акций в отношении инициатив и предложений американского и английского правительств, а также их союзников.

Следует сказать, что ЦРУ и «Интеллидженс сервис» до сих пор не могут прийти в себя от нанесенного им советской разведкой поражения. Чтобы как-то реабилитировать себя в глазах общественного мнения, они заявили, что Филби был специально подставлен ими советской разведке. Автор этих строк с абсолютной уверенностью заявляет, что это сплошной вымысел.

Дело в том, что ему посчастливилось быть руководителем того подразделения, в котором в последние годы служили Ким Филби и другие выдающиеся советские разведчики. Анализ оперативных дел и переданной Кимом информации и документов, а их более тысячи томов, свидетельствует о том, что такого рода материалы ни одна спецслужба не предоставила бы своему сотруднику для передачи противнику.

В 50-е годы ЦРУ тщетно искало источник утечки информации из руководящих кругов США. На эту мысль его навели разглагольствования Хрущева и других советских внешнеполитических деятелей, которые часто выдавали в своих выступлениях содержание документов, полученных от Филби. Хрущев тогда имел привычку заявлять: «Американский президент еще только думает, а у меня на столе уже лежит информация об этом».

В отношении Филби и ряда других сотрудников английских и американских спецслужб возникли подозрения, и одно время Ким был отстранен от работы. Однако вскоре он был назначен на новую должность в одну из стран Ближнего Востока, но по решению Центра вынужден был выехать в Советский Союз. Выдающийся советский разведчик Ким Филби долгие годы плодотворно трудился в центральном аппарате КГБ СССР, но болезнь дала о себе знать, и 11 мая 1988 года он скончался.

Безграничная преданность Кима Филби советской разведке, делу, которому он посвятил свою жизнь, навсегда останется примером для сотрудников внешней разведки.

* * *

Когда я пришел в разведку, меня назначили в отдел, которым руководил молодой, красивый, высокий и умный генерал Иван Анисимович Фадейкин. В годы войны этот отдел занимался ведением партизанской борьбы в глубоком тылу врага и проведением диверсионных акций с помощью тактических средств в стратегических целях. Гордостью этого отдела был известный советский разведчик Николай Иванович Кузнецов.

Об этом отделе в разведке тогда шла широкая молва. Всерьез утверждали, например, что у каждого его сотрудника под столом всегда лежат наготове диверсионные бомбы и различные фугасы. Когда же я прибыл в отдел, то был несколько разочарован, ибо ни у кого не увидел никаких взрывных устройств, а только полные сейфы оперативных дел на разработки и агентуру, причем больше таких, которые давно пора было сдать в архив.

И вот мои первые шаги в познании агентурной работы и проникновении на объекты оперативной заинтересованности. Мы занимались конкретными делами и в то же время пополняли свои знания. Вскоре я был переведен в оперативный отдел, на участок разведывательной деятельности, связанный с Грецией, которой потом пришлось посвятить весьма длительный период моей жизни и практической работы. Все для меня было ново, интересно, работа была живой и плодотворной. Я совершенствовал знания иностранных языков и стремился как можно глубже познать страну своего будущего назначения.

Нужно сказать, что разведчики в Центре, как правило, не задерживаются, да и кабинетная работа для них всегда в тягость. Поэтому уже через полгода, пройдя соответствующую подготовку, я был направлен на работу в советское посольство в Афинах.

Ехал я туда с большой охотой, но и с определенной тревогой. Это была первая загранкомандировка, и от ее результатов зависела моя дальнейшая служебная карьера. Нужно было быстрее знакомиться с обстановкой в стране, с советской колонией и познавать тот мир, в котором придется жить и работать долгие годы. Недаром по этому поводу у разведчиков, да и у дипломатов тоже, бытует поговорка: «Главное заключается не в том, чтобы хорошо поехать в загранкомандировку, а в том, чтобы хорошо после нее вернуться».

Знакомство с Грецией началось с того, что, переехав на поезде через югославо-греческую границу, я, моя жена и сын сразу же оказались в каком-то совершенно ином мире. На приграничной станции гремела в тавернах музыка, люди танцевали, пели, веселились. Все горело огнями. Мы подумали, что это какой-то праздник, но, удостоверившись в ином, пришли к выводу, что это обычная пропаганда капиталистического образа жизни.

С хорошим настроением подъезжали к железнодорожной станции Салоники. Но это настроение было испорчено провокационным актом агентов местных спецслужб. К нам в купе ворвались несколько мужчин и женщин и стали по-русски обзывать нас, ругать и кричать. Жена забилась в угол и закрыла собой сына. Мои протесты не помогли — они кричали все громче, пытаясь спровоцировать нас. Особенно запомнился один детина, который закрыл своей тушей дверь и хамски кривил рожу. Минут через пять вся эта комедия закончилась, провокаторы исчезли так же быстро, как и появились, но настроение было испорчено вплоть до Афин.

Впоследствии мне и моей семье пришлось в течение десяти лет жить и работать в Греции, несколько раз объехать всю страну,

часто бывать в Салониках, этом прекрасном и красивом городе, но с таким выпадами со стороны местных граждан мне сталкиваться никогда больше не приходилось. Должно быть, это были отпрыски белогвардейской эмиграции.

В дальнейшем, где бы мы не жили, с кем бы не встречались, мы всегда встречали радушный прием и полное взаимопонимание. У нас появилось множество друзей, о которых мы до сих пор вспоминаем с большой теплотой, уважением и любовью.

* * *

Греция произвела на нас неизгладимое впечатление. Особенно ее народ, памятники древней культуры и искусства. Мы знакомились с жизнью, бытом, нравами, обычаями греческого народа. В итоге мы полюбили эту страну и простых греков и до сих пор часто вспоминаем те дни, когда жили среди них и впитывали в себя все то хорошее, ценное, что было создано этим народом-тружеником, народом-героем.

История греческой нации полна героики и трагизма. Вечные войны в древние времена между городами-государствами: Афинами, Спартой, Фивами, Македонией породили великих полководцев, одним из которых был Александр Македонский. Греция — это страна известных архитекторов, физиков, математиков, астрономов, философов и мореплавателей. Это страна, давшая миру демократию, но и вынесшая многовековое турецкое порабощение. Борьбу против иноземных захватчиков мужественно вел греческий народ на протяжении всей его истории. И нужно отдать должное его героическим усилиям в борьбе за свою свободу и независимость. В этом греки заслуживают самых добрых слов и большого уважения.

В годы второй мировой войны Греция была оккупирована немецко-фашистскими войсками. С первых и до последних дней оккупации греческий народ вел упорную борьбу против гитлеровских захватчиков. В стране действовало мощное движение Сопротивления, установившее почти на половине ее территории народно-демократическую власть.

Страна в послевоенные годы, вплоть до конца 1948-го, оказалась охвачена гражданской войной. Партизаны вели ожесточенные бои с монархо-фашистскими войсками, находившимися под командованием английских и американских офицеров и генералов. Это привело к тому, что в стране к моменту нашего приезда установился полуфашистский

монархический режим. В результате острой внутриполитической борьбы этот режим трансформировался в 1967 году после военного путча и прихода к власти военной хунты в режим военно-фашистской диктатуры.

Вот в этой обстановке и пришлось вести свою работу нашим разведчикам — добывать необходимую для советского руководства информацию о замыслах и планах империалистических государств против нашей страны, вступать в противоборство с опытными греческими спецслужбами, напичканными американскими советниками. По существу, тогда шла борьба с нашим главным противником — американскими и натовскими спецслужбами.

К тому же в Греции, как и в других западных странах, свирепствовала пропаганда антисоветизма и антикоммунизма. Местные власти относились к нам с осторожностью и недоверием. Отсутствовали какие-либо официальные межгосударственные и межправительственные контакты. Была широко развита критика советской действительности и экономического положения советского народа. Впервые мое возмущение вызвала карикатура на Хрущева в правой прессе, которого изобразили в рваных, заштопанных штанах и рубахе, с вытянутой вперед рукой и провозглашавшим: «Кому еще помочь?» Это была горькая насмешка над нашей действительностью. Ко всему этому добавлялся резкий контраст в отношении к нам правительственных органов и греческого народа. Если первые в лице своих спецслужб демонстрировали нам явную антисоветскую направленность, то вторые относились к нам дружественно и с уважением, в чем сказывалось влияние традиционных связей, установившихся между русским и греческим народами еще со времен Киевской Руси.

* * *

Несмотря на трудности в работе, греческая резидентура той поры добилась неплохих успехов и с поставленными задачами справлялась. Она стремилась проникать в правительственные и военные учреждения Греции с целью получить необходимую достоверную и подтвержденную документами информацию и в то же время оградить советскую колонию и советских граждан, посещающих Грецию, от враждебных действий против них греческих и американских спецслужб. Это была настоящая борьба, в которой побеждал опыт, смекалка, умелые действия и наличие ценной агентуры и связей. В то же время были

предотвращены многие провокации и вербовочные подходы к нашим гражданам и сотрудникам советских учреждений. Хотелось бы вспомнить в этой связи своих боевых друзей, с которыми приходилось проводить разведывательные операции, делить радость успехов и горечь неудач. Жаль, что нельзя по определенным соображениям назвать имена этих людей. Полагаю, что каждый из них, прочтя эти строки, вспомнит нашу лихую, тревожную и прекрасную молодость.

Работы у нас было много, но нам хорошо помогали местные друзья. Многих из них, наверное, уже нет в живых, но те, кто остался еще жив, полагаю, не забыл наше боевое сотрудничество.

Жизнь разведчика в чужой стране всегда в опасности. Малейший неверный шаг — и он раскрыт, разоблачен перед местной контрразведкой. Его работа схожа с работой сапера, который ошибается лишь один раз. Советские граждане в условиях заграницы постоянно находятся под наблюдением: оперативным, наружным и техническим. Каждый шаг их изучается, анализируется с помощью агентуры и аппаратуры подслушивания, установленной в квартирах и служебных помещениях.

Когда я приехал в Афины, не только за мной и моей женой, но и за семилетним сыном велось наружное наблюдение. Полтора года день и ночь шла за мной слежка с использованием одной или двух групп на автомашинах и пешком. Впоследствии это наблюдение прерывалось, а затем внезапно возобновлялось в более тонкой, изощренной форме. Сотрудники службы наружного наблюдения даже украли у нас подросшего охотничьего щенка, которого хозяйка дома подарила моему сыну.

Такова была судьба не только моя, но и всех моих коллег. В этих условиях мы противопоставляли противнику свой опыт, ловкость, хитрость, чтобы вести работу и выполнять поставленные перед нами задачи.

План «Прометей»

Особенно тяжелым для нас оказался период, связанный с военным переворотом и приходом к власти военной хунты. Семь лет правила она страной, выполняя волю и приказы американской администрации. Нелегко было темпераментному греческому народу, который оказался под военным сапогом и под спудом запрещающих приказов и законов.

Военный переворот в Греции произошел в ночь с 20 на 21 апреля 1967 года. Танки генерала Паттакоса, воздушно-десантные и пехотные подразделения внезапно вошли ночью в Афины и заняли свои места по плану «Прометей». Они блокировали королевский дворец, государственные, правительственные и общественные учреждения, посольства ведущих государств мира. Одновременно были произведены аресты многих государственных деятелей и членов правительства, парламентариев, руководителей партий и даже потенциальных противников. Таких оказалось несколько тысяч человек. Все было сделано тихо и спокойно, в считанные часы. Министерства, иностранные представительства и важные учреждения были отключены от электросети, лишены телефонной и телеграфной связи, прекратилась доставка им почты, была ограничена связь с населением. Спецслужбы усилили слежку за сотрудниками советских представителей.

Военным переворотом руководил полковник Г. Пападопулос, его ближайшими подручными были полковник Макарезос, бригадный генерал Паттакос, генерал-лейтенант Зоитакис и другие офицеры греческой армии, как правило, ранее учившиеся или служившие в США.

Пападопулос в то время занимал должность начальника управления спецпропаганды генерального штаба вооруженных сил Греции и сосредоточивал в своих руках мобилизационные планы на случай чрезвычайной обстановки или войны. Он самолично, конечно не без санкции американцев, вскрыл пакет с планом «Прометей» и дал соответствующие указания соединениям и частям армии, полиций и специальным службам.

План «Прометей» был разработан настолько детально и тщательно, что такого быстрого и успешного его выполнения не ожидали даже сами путчисты. Особенно сильный удар был нанесен по левым силам. Лишь немногим их лидерам удалось уйти в подполье. Асфалия греческая контрразведка поработала до этого так здорово, что знала о том, в каких сейфах Единой демократической левой партии (ЭДА) какие лежали документы.

Ее нелегальный аппарат был насыщен провокаторами до такой степени, что из каждых трех членов нелегальных ячеек в лучшем случае один, а то и два были агентами Асфалии. Для Греции наступили тяжелые дни реакции военной хунты, которую известный советский журналист Н. И. Брагин метко окрестил «черными полковниками».

Нужно признать, что для советского посольства в Греции, так же, как и для многих представительств других стран, военный переворот в этой стране оказался полной неожиданностью. Было много споров среди наших дипломатов о возможности подобного события, но все сходились на том, что в стране не было предреволюционной ситуации и что вряд ли кто осмелится встать на путь изменения внутриполитического развития.

Введение в действие плана «Прометей» в Греции было необходимо американцам для того, чтобы опробовав его, последующие удары нанести по коммунистическим и рабочим партиям в других странах Европы, в частности во Франции и в Италии. Они, по-видимому, очень торопились с проведением этой акции, в связи с чем она оказалась такой неожиданной — была приурочена к предстоящим парламентским выборам в Греции.

Советская разведка также всесторонне взвешивала ситуацию в стране, но не пришла к однозначному выводу. Лишь единственный человек, опытный разведчик Н., высказал в своей докладной записке мысль о возможности совершения в Греции военного путча в случае, если центристы Г. Папандреу в блоке с левыми силами смогут победить на предстоящих парламентских выборах или если перед выборами ситуация в стране будет развиваться явно в их пользу. Однако эту записку, как это у нас часто бывает, руководство советской разведки положило в дальний сейф и вспомнило о ней, только когда все произошло.

* * *

В ту ночь, с 20 на 21 апреля 1967 года, мне необходимо было передать сигнал о предстоящей серьезной разведывательной операции. Когда я в полночь выехал на одну из центральных магистралей Афин, то натолкнулся на шеренгу солдат, наставивших на меня автоматы и карабины. Офицер скомандовал: «Назад или открываем огонь!» Объяснения были напрасны, ибо при подаче команды во второй раз щелкнули затворы, и я вынужден был повернуть назад.

Обстановка на улицах сразу же подсказала мне, что в столице произошли события, связанные с вмешательством военных. Я

быстро сориентировался и тихими улочками сумел пробраться к нашему посольству. Напротив него стоял танк и бронетранспортер с наведенными на здание орудиями и пулеметами. Дежурная /тогда дежурными комендантами были жены дипломатов/ объяснила мне, что происходит что-то непонятное — не работает телефон, нет света, и она не знает, что делать. В считанные минуты по тревоге был поднят весь служебный персонал, проживавший на территории посольства, включена аварийная система электроснабжения, все заняли свои места, как это было предусмотрено в случае чрезвычайного положения.

Мне удалось поднять еще нескольких дипломатов, проживавших в городе, и направить их в посольство. Примерно к 5.00 утра я сумел добраться до пригорода Афин — Психико, где располагалась вилла посла Н. И. Корюкина, побывав по дороге еще раз под дулами автоматов парашютистов. Посол спал и к моему сообщению о военном перевороте, в чем я убедился, прослушав радио, отнесся скептически. В это время к нему прибыли проживавшие недалеко послы Болгарии и Венгрии. Я рассказал о ситуации в городе, в посольстве и о сообщениях по радио. Все пришли к единому мнению, что обстановка в стране крайне обострилась и чревата многими неожиданностями.

После краткого совещания и легкого завтрака пришлось уже проторенным путем добираться до посольства. С этого дня личный состав советских учреждений в Греции перешел на работу в особых условиях.

Следует отметить, что если наша резидентура проглядела военный переворот, то в дальнейшем она неплохо контролировала положение в стране. В этом большую роль сыграла ценная, хорошо подготовленная агентура, которая в сложившейся ситуации сработала быстро и надежно. От своих источников мы знали о проводимых арестах, знали даже, сколько политических заключенных находилось под трибунами каждого стадиона, сколько человек и кого поименно отправляли в концлагеря на островах, об избиении М. Глезоса и А. Папандреу в гостинице «Паллини» в пригороде Афин с одноименным названием, где они содержались под стражей, и о других мероприятиях военной хунты по владению и регулированию обстановкой в столице и стране.

В этих условиях было жалко смотреть на местных жителей, которые тяжело переживали такой поворот в их жизни. Они не могли смириться с арестами знакомых и близких, с подавлением тех демократических свобод, которыми они всегда так гордились как родоначальники и твердые их приверженцы. Отныне им

запрещалось собираться более пяти человек. Они не могли громко дискутировать и выражать свои чувства, их угнетала обстановка страха и неизвестности.

В стране все время происходили события, в которых противоборствующими сторонами выступали хунта и король. Все ждали со стороны короля ответных действий, и он их предпринял в середине ноября того же, 1967 года. Однако в результате предательства начальника генерального штаба греческих вооруженных сил генерал-лейтенанта Ангелиса королевский путч потерпел неудачу, и король Константин со своей семьей и ближайшим окружением бежал в Италию.

Все эти события были под контролем нашей резидентуры в Афинах, о чем она оперативно получала информацию от своего источника в генеральном штабе вооруженных сил Греции и своевременно информировала центр. Например, не успел еще король Константин подняться в воздух с аэродрома в Кавалле, а в Москву уже пошла телеграмма о провале его путча и выезде за границу.

Такая же оперативность в получении информации имела место и по другим важным событиям внутри страны и в Европе. Когда в Чехословакии разгорелись жаркие страсти и туда вошли советские войска, командование НАТО и руководящие круги западных стран не ожидали такого поворота. Они были твердо уверены, что в 1968 году в Чехословакии дело сделано, и СССР придется проглотить весьма горькую пилюлю.

Однако ввод советских войск в Прагу и нормализация обстановки в стране оказались для них сильным ответным ударом и большой неожиданностью. Они не были готовы к такому повороту событий, НАТО оказалось в растерянности, между генштабами стран — ее членов началась бурная переписка с запросами о том, что делать в данном случае, какие вскрывать планы и выполнять указания. По накалу страстей чувствовалось, что чехословацкие события — это хорошо спланированный и руководимый одним центром акт, направленный на внесение раскола в лагерь социалистических стран. Такая информация поступила к нам тогда в самое нужное время и помогла принять важные решения советскому руководству.

Агенты и контрагенты

Спецслужбы СССР и США в послевоенные годы вели самое настоящее соперничество в борьбе со шпионажем в своих странах. Они стремились вербовать ценную агентуру с целью заполучить секреты своего противника и в то же время оградить себя от подобных происков разведки противной стороны. Их примеру следовали спецслужбы союзных стран, а в целом шла последовательная и бескомпромиссная война на невидимом фронте.

В результате таких действий советская контрразведка разоблачила большое количество агентуры ЦРУ, «Интеллидженс сервис», БНД и других спецслужб западных стран, таких, как Пеньковский, Попов, Калинин, Филатов, Огородник, Полищук, Поляков, Сметанин, Южин, Пигузов, Поташев, Мартынов, Воронцов, Васильев, Толкачев, Куценко и многие другие. Советский суд воздал им по заслугам исходя из того ущерба, какой они нанесли советской экономике, обороноспособности и безопасности.

Не остались в тени американские, английские и другие разведчики, разоблаченные и выдворенные за пределы СССР.

Надо сказать, что большой ущерб Советскому Союзу, и особенно советским спецслужбам, нанесли предатели и изменники Родины: Петров, Гузенко, Голицин, Дерябин, Носенко, Лялин, Резун, Гордиевский и другие. Все они были осуждены заочно советским судом. Сбежав за границу или сдавшись местным контрразведкам, они нашли себе прибежище в Австрии, Канаде, Греции, США, Англии и вынуждены были скрываться от возмездия на военных базах или в закрытых для посещения советскими гражданами зонах. Значительная часть из них сделала себе пластические операции и изменила внешность, чтобы остаться неопознанными и жить в безвестности, под чужим именем и фамилией, с иностранным паспортом и, главное, без Родины.

Ударным фронтом против советских представителей за границей выступили спецслужбы западных стран начиная примерно с 1970 года, а причиной этому послужила измена Лялина в Лондоне, после чего было выдворено из Англии 105 советских дипломатов и специалистов. Со своей стороны КГБ предпринял ряд ответных акций, но они были слабыми и малоэффективными. У советской контрразведки были основания нанести более мощный удар по резидентурам ЦРУ, РУМО и «Интеллидженс сервис», но МИД СССР оказался тогда не на

высоте своего положения. Противник почувствовал эту нашу слабость и стал усиливать давление. Последовал ряд арестов советских разведчиков и осуждение их на длительные сроки от 25 до 50 лет тюремного заключения.

Советские разведчики с честью и достоинством держали себя в ходе следствия, на суде и в тюремных застенках и позднее были обменены на схваченных с поличным иностранных лазутчиков: Абель на Пауэрса, Лонсдейл на Вина и т. д. Нужно отметить, что иностранные разведчики не менее стойко вели себя на допросах, в суде и в заключении, но перед лицом неопровержимых фактов и улик вынуждены были давать показания.

Особо хочется сказать о небезызвестном американском летчике Пауэрсе, который был сбит на разведывательном самолете У-2 над территорией Советского Союза. В ходе следствия он старался поддерживать себя юмором, хотя во время прогулок в боксе внутренней тюрьмы порой глубоко задумывался, нервно ходил, много курил и не желал читать имевшиеся у него книги. Эти прогулки автору пришлось не раз наблюдать из соседнего служебного помещения.

О поведении в тюрьме советских разведчиков Абеля и Лонсдейла уже много напечатано в советских изданиях. Хотелось бы отметить в этом отношении известного советского разведчика Джорджа Блейка.

Георгий Иванович, как его называют сейчас коллеги, долгие годы выполнял трудную миссию, находясь в логове английской разведки. Он добывал ценнейшую информацию, которая позволяла советскому правительству и КГБ принимать важные политические и оперативные решения. Однако его постигла неудача, он был схвачен и приговорен к 42 годам тюремного заключения.

Несмотря на суровый приговор, он мужественно и стойко переносил тяготы пребывания в тюрьме и даже в этих условиях нашел в себе силы и волю принять смелое решение о побеге и осуществить его. С помощью соседа по камере он сумел выбраться из тюремного застенка, хотя и не без приключений. При попытке перелезть через стену тюрьмы он упал и сломал руку. С трудом он преодолел стену и добрался до намеченного места, где его укрыли от полиции.

Этот дерзкий поступок советского разведчика привел в бешенство всю английскую полицию и спецслужбы. О нем писала вся британская и мировая пресса. Сообщалось, что его вывезли из Англии на советской подводной лодке, таинственном воздушном аппарате и т. п., в то время как он лечился в своем укрытии. После выздоровления его тайно переправили в Берлин, откуда он

затем прибыл в Москву.

Мне в течение нескольких лет пришлось проживать под Москвой по соседству с этим чудесным человеком и его семьей. Во время бесед Георгий Иванович очень интересно и красочно рассказывал о тех волнующих моментах, когда английская полиция и контрразведка пели его поиск, и о людях, спасших его от сорокалетнего тюремного заключения.

* * *

Наряду с вербовочными подходами к нашим гражданам за границей и в СССР западные спецслужбы, и особенно ЦРУ и РУМО, стали интенсивно вести работу по широкому использованию специальных технических средств для получения интересующей их информации. Они применяют для этих целей самые изощренные методы и новейшие достижения научно-технического прогресса. Главное их внимание направлено на внедрение аппаратуры подслушивания в дипломатические, торговые и другие представительства нашей страны за границей, а также в квартиры их сотрудников.

Примеров этому в различных странах очень много. Особенно наглядным является обнаружение микрофонов в новом здании советского посольства в Вашингтоне. Шесть радиозакладок в свое время было изъято в новом здании торгпредства СССР в Афинах, которые греческая контрразведка, по-видимому, в сотрудничестве с американцами умудрилась весьма искусно вмонтировать в стены служебных кабинетов все они пополнили коллекцию подобной аппаратуры, изъятой в советских учреждениях в других странах.

Интересным с оперативной точки зрения является подарок советскому послу в Греции — красочная дорогая шкатулка с сигарами, преподнесенная через своего агента американцами от имени убывшего из страны посла Республики Куба. Однако эта затея лопнула в первые же минуты, как только шкатулка попала в советское посольство. Было установлено, что в ее донной части, толщиной 9 миллиметров, вмонтирована современная радиопередающая аппаратура, способная работать длительное время с помощью дистанционного управления.

Наиболее выдающимся примером использования оперативно-технических средств для получения информации может служить подключение английских спецслужб к советским и местным линиям связи в ГДР, о чем своевременно стало известно КГБ от своего разведчика Джорджа Блейка. Разоблачение в прессе этой

позорной деятельности английских спецслужб явилось сногсшибательной сенсацией для мирового общественного мнения. Спецслужбы США, Англии, Германии и других западных стран, чтобы получить нужную информацию, продолжают использовать значительные оперативно-технические возможности и применяют различные ухищрения. Об этом наглядно свидетельствуют факты подключения аппаратуры американских спецслужб к подводному кабелю в Охотском море, к подземным телефонным линиям в пригороде Москвы, установка в лесу, невдалеке от важного стратегического объекта, закамуфлированной в искусственный пенек приемопередающей аппаратуры, которая снимала информацию с установленной на объекте техники и передавала ее на американские спутники.

Противоборство советской радиоконтрразведки со спецслужбами иностранных государств с помощью технических средств подслушивания для добычи информации продолжается. Борьба разведок на невидимом фронте приобретает все более тонкий, изощренный и в то же время наиболее агрессивный характер. С этой целью спецслужбы США стали создавать в европейских странах, особенно в странах Восточной Европы, свои тайные резидентуры и политические организации. Даже в странах НАТО — союзниках по антикоммунистической борьбе они умудрились насаждать свою агентуру влияния и вести работу с опорой на высшие политические и военные круги. Цель одна — в сложной политической обстановке по-прежнему держать руку на пульте управления ситуацией и в нужный момент устанавливать необходимый для Соединенных Штатов Америки режим.

Таким образом, методы контроля за обстановкой в странах Латинской Америки ЦРУ с успехом перенесло на страны Европы. Примером этому могут служить всевозможные политические, главным образом антисоветские, выступления в странах Восточной Европы, военный переворот в Греции, попытка провести подобный путч в Италии и т. д. На случай прокоммунистических выступлений в генштабах западных стран под руководством американских советников разработаны специальные планы, наподобие греческого «Прометея», приведение в действие которых находится в ведении высокопоставленной агентуры ЦРУ. Таким образом, греческий «Прометей» явился прологом дальнейших политических потрясений в Восточной Европе.

Нужно отдать должное спецслужбам США — они проделали в этом отношении большую и результативную работу, основной смысл которой сводится к тому, чтобы все делать в других странах чужими руками, тонко, умно, так, чтобы даже малейшая

тень подозрений не падала на Соединенные Штаты.

В противоположность им советская разведка, хотя и имела и имеет определенные успехи в деятельности такого направления, подобной работе по отношению к союзникам не придавала серьезного значения, за что порой платила дорогой ценой. Отрицательную роль в этом опять-таки сыграла демагогия Хрущева, который не желал и слышать, чтобы органы госбезопасности СССР вели активную работу в дружественных странах. Он заявлял в таких случаях: «Если мне нужно будет знать о положении в Польше, я позвоню Гомулке и он мне все расскажет».

Когда же в странах Восточной Европы происходили крупные политические события, советское руководство и его разведка, как правило, не были готовы к ним, полагались при этом в основном на военную силу и тем самым подставляли себя под удар западной пропаганды и становились объектами нападок противника.

Парадокс заключался еще и в том, что если разведки западных стран, и особенно ЦРУ, укрепляли свои позиции в Европе, особенно в восточных странах, то советская разведка, полагаясь на дружественные и межпартийные отношения, наоборот, упраздняла, ликвидировала свои подразделения, которые хоть что-то делали в этом направлении.

В отличие от активной деятельности противника в послевоенные годы советские органы госбезопасности оказались в положении, когда им приходилось не только выдерживать натиск с его стороны, но и обороняться от нападок недалеких, узкомыслящих политиканов, которые безрассудным отношением к своим спецслужбам ставили их в весьма сложное положение.

* * *

…По возвращении из загранкомандировки я около четырех лет возглавлял подразделение внешней контрразведки, задачей которого было ограждать советскую разведку от иностранной агентуры, обеспечивать безопасность учреждений, делегаций и советских граждан за границей.

В этот период ЦРУ и другие спецслужбы повели мощное наступление против нашей разведки, стали широко и активно осуществлять провокации и склонять советских граждан к сотрудничеству с ними. Цель и смысл таких действий противника вовремя разглядел Ю. В. Андропов. По его указанию было создано подразделение безопасности, первым руководителем которого

назначили тогда меня. Я сразу же с головой ушел в новую и весьма трудоемкую работу по проведению сложных операций и проверке поступающих сигналов в отношении сотрудников разведки. Мы исходили при этом из того, что это были наши боевые товарищи и на них могли дать провокационные, заведомо ложные, компрометирующие их данные. Тщательный анализ и проверка поступающих материалов как раз и говорили об этом. В результате проведенной работы ни один наш боевой соратник не был уличен в нечестности или нелояльности к разведке и Родине, хотя впоследствии такие подлецы попадались.

Кроме того, в это же время была создана стройная система охраны советских посольств и торговых представительств за рубежом военнослужащими пограничных войск, образован корпус офицеров безопасности, что позволило усилить охрану советских представительств, более квалифицированно осуществлять защиту наших граждан за рубежом, официально, на высоком уровне поддерживать по этим вопросам контакты с местными спецслужбами.

В качестве примера можно привести несколько фактов.

10 августа 1983 года в Вашингтоне исчез сын первого секретаря посольства СССР в США Андрей Бережков, ученик 10 класса. Офицер безопасности и руководство посольства связались с госдепартаментом и потребовали предпринять все необходимые меры по розыску мальчика, сообщив нужные данные и передав фотографии Андрея. К вечеру из госдепартамента поступило сообщение о том, что к розыску привлечены ФБР и полиция, однако найти его пока не удалось.

«11 августа, в 3 часа ночи, Андрей вернулся домой. В ходе разбирательства он сообщил, что накануне своего исчезновения направил письма президенту Рейгану и в редакцию газеты «Нью-Йорк таймс», в которых выразил желание остаться в США. 10 августа он выехал в Нью-Йорк, где намеревался встретиться с официальными американскими представителями. Такая встреча не состоялась, и он вернулся в Вашингтон.

Придавая серьезное значение намерению Андрея Бережкова остаться в США, госдепартамент принял меры по недопущению его выезда из страны без предварительной беседы с ним американских властей, для чего был усилен контроль на пунктах выезда из США. Жилой комплекс посольства был взят под демонстративное наблюдение американскими спецслужбами, которые всячески чинили препятствия выезду Андрея из США. Их действия стали носить явно провокационный характер. В этой ситуации офицером безопасности были приняты меры по надежной защите семьи Бережковых от дальнейших провокаций и

их безопасному возвращению на Родину.

Пытаясь завербовать стажера Л., находящегося по линии научного обмена в одном из университетов США, двое неизвестных, назвавшись работниками правительственного учреждения, предъявили Л. обвинение в том, что он вместе с другими стажерами якобы подсыпал наркотик в спиртное местной гражданке, находившейся накануне у них в гостях. Л. было заявлено, что по местным законам он должен быть привлечен к уголовной ответственности, а в качестве альтернативы предложили сотрудничать со спецслужбами. Несмотря на категорический отказ Л., сотрудники спецслужб продолжали угрожать ему неприятностями и преследовали до тех пор, пока по линии посольства, куда Л. сообщил по телефону о происшедшем офицеру безопасности, не был заявлен протест. Запланированная американцами враждебная акция была сорвана.

К еще более жестким мерам спецслужбы США прибегли при проведении акции против российского корреспондента Б. К нему на квартиру, где он находился в то время один, прибыли американские полицейские и предъявили ему ордер на арест за допущенное им два месяца назад превышение скорости. Несмотря на энергичный протест Б., полицейские обыскали его, надели наручники и доставили в полицию, где еще дважды обыскали, причем во время одного из обысков раздели донага.

Американцы надеялись сломить его и использовать в своих целях. Но Б., несмотря на чинимые препятствия, принял все меры, чтобы сообщить о своем аресте офицеру безопасности.

Таких примеров было немало в каждой стране.

9-е Управление КГБ СССР

Я продолжал с интересом трудиться на своем месте, однако в июне 1975 года неожиданно пошли слухи о моем новом назначении. Меня стали поздравлять с повышением и переходом в другое управление. Я был в неведении и недоумении, так как ни один из вышестоящих руководителей со мной об этом не обмолвился и словом. Я отшучивался, но никто мне не верил.

Мне не хотелось переходить на другую должность и менять профиль своей службы. Я был полон интересных идей относительно оперативных дел и комбинаций, и вдруг все уходило в прошлое. К тому же новое назначение поначалу меня не прельщало. Я мало что знал об этой сфере деятельности органов госбезопасности, в которой должен был все начинать сначала. Речь шла о службе охраны высших советских руководителей.

Оказалось, что поздравления моих коллег были вполне оправданы. Я был назначен заместителем начальника 9-го управления КГБ СССР, которое впоследствии стало называться службой безопасности. Сейчас оно разделено на две части: службу безопасности президента и Главное управление охраны Российской Федерации. Основной задачей бывшего 9-го управления тогда являлась охрана руководителей КПСС и советского правительства в настоящее время президента, премьер-министра Российской Федерации, других высоких должностных лиц, а также высоких зарубежных гостей — глав государств и правительств, прибывающих в нашу страну с официальными, рабочими и служебными визитами.

Не будучи искушенным в делах службы охраны, я смотрел на нее раньше глазами разведчика и считал ее обычным охранным подразделением. Однако судьбе было угодно, чтобы я узнал и эту отрасль деятельности органов госбезопасности. В первый же день моей работы в 9-м управлении я был буквально ошарашен, столкнувшись с некоторыми явлениями. Я ехал на службу в прекрасной автомашине. Раньше, работая за границей, я сам водил автомобили различных иностранных марок, но они не шли ни в какое сравнение с той прекрасной «Волгой», которая была предоставлена мне. Красивый интерьер, радиосвязь, машина могла развивать большую скорость с помощью установленного в ней мощного двигателя. Водители: В. Н. Кошелев и А. А. Борисенко — оказались просто асами. Они досконально знали Москву, и с их помощью я уверенно ориентировался в городе: никогда и никуда не опаздывал.

Меня удивило еще и другое. На трассах проезда сотрудники ГАИ и милиции повсюду отдавали мне честь, и наша машина беспрепятственно, порой не соблюдая правил дорожного движения, пролетала по улицам и проспектам Москвы. Пришлось предупредить водителей, чтобы они не злоупотребляли своими правами и, если в этом не было необходимости, вели себя так, как и все другие водители автотранспорта.

При въезде в Кремль нам дали «зеленую» улицу. Навытяжку стояли воины-кремлевцы и сотрудники безопасности у Боровицкой башни. На территории Кремля, как всегда, царила идеальная чистота и порядок.

До этого я всего лишь дважды побывал в Кремле. Первый раз посетил Оружейную палату и Алмазный фонд и второй раз, будучи слушателем спецшколы, — Большой Кремлевский дворец и кабинет-квартиру В. И. Ленина. В то время я был в восторге от этих сокровищниц национальных богатств, красоты интерьера Большого Кремлевского дворца и простоты домашнего очага семьи Ульяновых.

Въезжая в Кремль, я вспомнил об одном инциденте. После окончания Военного института иностранных языков Советской Армии мы, вновь испеченные лейтенанты, пошли погулять на Красную площадь. У кого-то возникла идея сфотографироваться на фоне Кремля. Мы вышли на Каменный мост и сделали групповой снимок. В это время мы услышали свисток милиционера, который бежал к нам и махал руками, а приблизившись, стал кричать и требовать пленку, чтобы засветить ее. Не понимая, в чем дело, мы запротестовали. Этим мы вызвали лишь еще больший гнев возбужденного милиционера. На наш вопрос, в чем дело, он сказал: «Съемки на фоне Кремля запрещены и могут производиться только с разрешения Моссовета». Он требовал засветить пленку, ибо в противном случае грозил отобрать фотоаппарат. Ничего не оставалось, как выполнить приказ служаки-милиционера и идиотское распоряжение Моссовета. Этот случай позднее часто всплывал в моей памяти. Я не раз рассказывал о нем своим сослуживцам, и все возмущались установленными в то время на территории Кремля и его окрестностей чрезмерными строгостями.

* * *

Так начался мой первый рабочий день в службе безопасности. Отныне почти в течение 14 лет я возглавлял в ней основные оперативные подразделения. На мои плечи легла ответственность

за безопасность руководителей КПСС и советского правительства, особенно во время их поездок за границу, а также всех прибывающих в нашу страну высоких иностранных гостей.

Не скрою, такая ответственность поначалу несколько довлела надо мной, но постепенно мне удалось справиться с этим состоянием, хотя я в полной мере осознавал ее до конца моей службы в этом управлении. Кроме этих вопросов я отвечал за охрану зданий ЦК КПСС, мест жительства охраняемых лиц, особняков для размещения глав иностранных государств и правительств и оперативно-техническое обеспечение службы безопасности.

С самого начала я полностью окунулся в эту нелегкую, весьма серьезную и ответственную, но такую интересную работу. Главные задачи после знакомства с личным составом подразделений я видел в том, чтобы быть ближе к нему и в первую очередь к сотрудникам личной охраны, больше уделять внимания их боевой и психологической подготовке, знать их запросы, интересы, нужды. Это не значит, что я меньше уделял внимания работе сотрудников других подразделений. Просто сама жизнь и служба заставляли выдвигать это на первый план.

Другие мои коллеги также занимались важными и острыми вопросами деятельности службы безопасности. Генерал-майор В. П. Самодуров отвечал за безопасность руководителей на трассах проезда и за общественный порядок в Кремле и на Красной площади; генерал-лейтенант С. С. Шорников, комендант Московского Кремля, — за охрану Кремля, его состояние, сохранность ценностей этого великого храма русского зодчества, а также за безопасность проведения всех государственных и правительственных мероприятий в его дворцах и помещениях; генерал-майор С. С. Королев — за материально-техническое обеспечение, транспорт и обслуживание.

Каждый из этих участков деятельности моих боевых коллег являлся составной частью службы безопасности и представлял не меньшую сложность и ответственность, чем личная охрана руководителей партии и страны.

Поэтому наша задача состояла в том, чтобы совместными усилиями, используя добрые отношения, взаимопонимание и поддержку, делать все, чтобы служба безопасности была надежной, мобильной, эффективной и осуществлялась на высоком профессиональном уровне.

Возглавлял тогда 9-е управление генерал-лейтенант Ю. В. Сторожев — опытный работник органов государственной безопасности, большой души человек и прекрасный хозяйственный руководитель. Он всегда как-то по-особому болел

за дела службы, переживал за малейшие сбои, постоянно требовал от личного состава высокой боевой готовности, инициативы и решительных действий. В этом ему большой опорой были опытные, правильно расставленные кадры руководителей подразделений, такие, как А. Е. Бычков, Н. П. Рогов, Л. А. Степин, В. И. Коржов, А. В. Березин, В. И. Лилин, В. В. Редькин, В. Т. Леваков, А. С. Орлов, В. Н. Фирсов, А. С. Фадин, И. И. Антоненко, Г. Н. Румянцев, Б. М. Клен, Б. Н. Панов, Н. С. Мешков, Г. Н. Коломенцев, В. А. Казаков, П. В. Сергеев, Е. М. Суворов, А. Я. Рябенко, Е. С. Карасев, В. К. Кувшинов, В. Ф. Горшков, Н. А. Ушаков, и многие другие.

* * *

Руководители службы безопасности и ее подразделений являются главными ответственными лицами за охрану и создание нормальных условий деятельности для всех высоких руководителей страны и зарубежных гостей. Занимаемое ими положение в органах безопасности и выполняемые задачи позволяют быть в курсе многих внутренних и международных событий, мероприятий, проводимых руководством страны, принимать непосредственное участие в делах, скрытых до определенной поры от общественного мнения, быть на виду у охраняемых лиц и знать их ближе и лучше, чем кто-либо другой, иметь о них свое мнение как о личностях, государственных и политических деятелях и простых гражданах.

С этой целью они обязаны хорошо разбираться в обстановке, складывающейся вокруг них и прибывающих в нашу страну высоких гостей, оперативно решать вопросы их безопасности с представителями других подразделений спецслужб, различных ведомств и учреждений. Особенно в тесном контакте приходится работать с сотрудниками МИД, МВД, Аэрофлота, Медицинского центра при правительстве и выполнять большой и сложный комплекс вопросов и мероприятий, привлекая к этому необходимые силы и оперативные средства.

Наиболее трудоемкими и ответственными в таких случаях являются задачи по обеспечению безопасности советских руководителей во время их поездок по стране и за рубеж, участия в крупных общественных мероприятиях. Главное внимание при этом уделяется главам государства и правительства. Подготовка поездок наших руководителей за границу обычно проводится общими усилиями работников МИД и госбезопасности. Когда же осуществляются их поездки по стране, то в данном случае вся

тяжесть подготовительной работы ложится на сотрудников охраны, которые совместно с руководителями местных властей отрабатывают программы, организуют взаимодействие и расстановку всех сил общественного порядка и безопасности.

В плане подготовки поездок по стране и визитов за границу мне пришлось готовить обеспечение безопасности наших руководителей в период с 1975 по 1989 год и нести за это личную ответственность. За это время успешно прошли поездки Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, Н. В. Подгорного, М. С. Горбачева, А. Н. Косыгина, Н. А. Тихонова, Н. И. Рыжкова. Под моим непосредственным контролем осуществлялась также безопасность всех других наших руководителей, выезжавших тогда за рубеж.

Особенно памятны мне поездки с А. Н. Косыгиным, этим замечательным человеком и выдающимся советским руководителем. Алексей Николаевич не только был внимателен к людям, но и стремился всегда быть в курсе любых новшеств в экономике и жизни советских граждан. Он не упускал случая, чтобы посетить новостройки, поднимался при этом на самые высокие сооружения и опускался в глубокие шахты. Ежедневно совершал длительные, не менее 15 километров, пешие прогулки, во время которых заходил в магазины, столовые, предприятия бытового обслуживания и даже в частные дома и квартиры. И повсюду он находил общий язык, обстоятельно отвечал на вопросы, принимал срочные меры по устранению имевших место ненормальных условий и возникавших конфликтов.

Весьма оригинальным человеком был и Н. А. Тихонов, сменивший А. Н. Косыгина на посту Председателя Совмина СССР. Он отличался редкой пунктуальностью в протокольном плане, четкостью и организованностью в работе и твердостью в принятии и выполнении решений.

* * *

Службе безопасности и сотрудникам протокола при подготовке и проведении визитов приходилось выполнять огромный объем работы, связанный с проработкой программ, рассадкой по транспортным средствам, размещением в резиденциях и гостиницах, обеспечением питания и, главное, надежной безопасностью советских руководителей. Все эти вопросы обычно решались с внешнеполитическими ведомствами и спецслужбами принимающей стороны, нашими посольствами, и на эти цели задействовались огромные силы и средства местной полиции и служб безопасности.

Подготовка визитов стала делом громоздким, трудоемким, требующим большого количества времени, усилий, терпения и долгих споров. Обычно за месяц, а то и раньше до поездки за границу главы государства или правительства большая группа работников ЦК КПСС, МИД и КГБ СССР вылетала в страну будущего визита. Она согласовывала и прорабатывала в течение 7–10 дней все детали программы и сообщала о результатах в Москву, получала дополнительные указания и оперативно исполняла их. Затем эта группа возвращалась в Союз, докладывала о проделанной работе и за неделю до визита, а то и раньше вновь выезжала на место.

Как правило, до последнего момента в программы визитов вносились изменения и дополнения, требовавшие согласования их с местными властями и спецслужбами и проработки в деталях. Все это страшно изматывало членов передовых групп, требовало выдержки, больших физических и моральных усилий. При этом необходимо было получать и оценивать оперативную обстановку в стране, налаживать четкую координацию действий с местными спецслужбами, чтобы надежность обеспечения безопасности визита была гарантированной и уверенной. Вдобавок к этому приходилось учитывать капризность отдельных наших руководителей, требовавших к себе особого внимания, и запросы советских послов, которые в таких случаях, пользуясь приездом высокого руководителя, стремились выбить как можно больше валюты на ремонт и строительство помещений, замену мебели и т. п.

На протяжении многих лет самое активное участие в подготовке визитов принимали: М. К. Киселев, В. Н. Шевченко, В. М. Мезенцев, Н. Т. Тихонов, Ф. М. Белый, Д. С. Никифоров, В. И. Чернышев, Л. С. Чернышов, И. М. Щербаков, А. С. Серегин, В. К. Федоров, М. В. Титков, О. И. Матюшев, В. И. Синюткин и другие дипломаты, офицеры безопасности, сотрудники 4-го Главного управления Минздрава и подразделений связи. Хотелось бы выразить всем им огромную благодарность за сотрудничество, поддержку и совместные усилия.

Подготовка визитов не только хлопотное, но и весьма дорогое дело, особенно когда выезжает для этого большая по численности передовая группа. Как правило, ее состав колеблется от 20 до 50 человек и в нее входят дипломаты, офицеры безопасности и специалисты по развертыванию узла связи. Впоследствии, по мере необходимости, она увеличивается и переваливает за сотню человек.

По установившейся традиции передовая группа обеспечивается всем необходимым за счет принимающей

стороны. Сюда входит: размещение в гостинице, питание, предоставление транспорта и другие услуги, которые, как правило, обходятся в крупные валютные суммы. Несмотря на это, запросы передовой группы удовлетворяются с учетом того, то при ответном визите наша сторона предоставит такие же, если не лучшие, условия для их представителей. Бывает и так, что малые страны отказываются от приема больших передовых групп и делегаций, и тогда все расходы берут на себя инстанции или ведомства, по линии которых осуществляется визит. Обычно же принимающие страны в таких случаях стараются показать себя, проявляют большое гостеприимство, что, несомненно, приводит и к значительным расходам.

Так, при подготовке визита Л. И. Брежнева во Францию нашу передовую группу разместили в гостинице «Бурбон» в центре Парижа. Хозяин ее решил удивить советских представителей и предложил на обед форель, которую для приготовления можно было выбрать в громадном аквариуме в зале ресторана. В нем находилось не менее сотни крупных рыб этой породы. Нашим ребятам также предоставлялась возможность заказать к столу лучшие французские коньяки и вина.

Каково же было удивление французов, когда русские за один присест в придачу к хорошим закускам съели всю форель и выпили все запасы коньяка, которые были в ресторане. На следующий день для каждого члена нашей передовой группы был резко сокращен рацион питания. Что же касается спиртного, то пришлось довольствоваться только пивом.

Подобная картина имела место и в Бонне. Когда немцы увидели, что содержание советской передовой группы по подготовке визита Л. И. Брежнева им обходится в несколько сот тысяч марок, они не замедлили поставить этот вопрос на обсуждение в бундестаге. Пресса же со своей стороны не преминула подчеркнуть, что пребывание русских в Бонне наносит громадный ущерб государственному бюджету страны.

* * *

В ходе подготовки и проведения визитов особую роль играет разведка, которая изучает обстановку накануне, делает прогнозы на основе полученных данных, направляет свои усилия на вскрытие планов террористических организаций и предотвращение их акций. В то же время наши посольства, поддерживая через своих офицеров безопасности связь со спецслужбами, на взаимной и официальной основе получают

необходимую информацию, касающуюся обстановки вокруг визитов.

Вся эта информация, среди которой бывает немало дезинформационных сообщений, ложных сигналов о намерениях террористов совершить свои акции, а также целенаправленных устремлений разведок других стран, обрабатывается, тщательно проверяется, и по ней принимаются соответствующие меры. Это можно проследить на примере визита в Москву президента США Р. Рейгана и его супруги. Этот пример приводится еще и потому, что в последнее время имеют место спекулятивные заявления, публикации, авторы которых задним числом хотят поднять на щит якобы готовившееся покушение на Рейгана в Москве и тем самым вводят в заблуждение общественное мнение.

Дело в том, что незадолго до визита в Москву американского президента советская разведка получила сведения, что в ходе его против Рейгана будет совершен террористический акт. Исполнителем его должен был стать латиноамериканец, скорее всего колумбиец или кубинец с колумбийским паспортом. Давались его приметы и, главное, сообщали, что он прибудет в Москву в качестве помощника одного из фото-телекорреспондентов.

Полученная информация имела в то время исключительно серьезное значение и была поставлена на контроль в самых высоких инстанциях советского руководства. Для ее проверки и предотвращения возможного теракта были задействованы значительные силы и оперативные средства разведки, контрразведки и службы безопасности. В первую очередь были перекрыты все каналы въезда в страну иностранцев латиноамериканского происхождения, усилен контроль за пребыванием в стране граждан этого региона.

Соответствующее внимание было обращено также на колонию местных диссидентов, которые готовились к приезду в Москву высокого американского гостя. Некоторые из них перед визитом приехали в столицу из дальних районов страны и должны были встретиться с Рейганом по его приглашению. Одним словом, полученная информация о возможном террористическом акте против президента США придала советским спецслужбам такой импульс, какой они раньше вряд ли получали.

Однако в период подготовки визита и по мере его приближения обстановка стала проясняться и не было причин проявлять особое беспокойство. Во-первых, из латиноамериканских стран прибыло для освещения визита Рейгана всего лишь несколько журналистов. Среди них не было

не только помощника, подносчика аппаратуры или осветителя, но и ни одного фото-телекорреспондента. Из пишущих журналистов оказались двое, которые были несколько похожи по приметам на террориста. Естественно, они были взяты под усиленное наблюдение, которое не осталось незамеченным с их стороны. Эти журналисты большую часть времени проводили в пресс-центре и ни разу не появлялись в местах пребывания Рейгана.

В ходе визита президента США и его супруги обстановка в Москве была вполне благоприятной для его проведения. Р. Рейган и Нэнси присутствовали на всех запланированных мероприятиях. Президент участвовал в переговорах с М. С. Горбачевым, выступил в Московском государственном университете, осмотрел Кремль, погулял по Красной площади и Арбату, посмотрел спектакль в Большом театре. Супруга Рейгана кроме совместных мероприятий посетила по отдельной программе ряд музеев, школу, Третьяковскую галерею. Повсюду их восторженно встречали простые советские граждане. Особенно бурная встреча произошла на Арбате. Однако нигде не было и намека не только на покушение, но и на плохое обращение.

* * *

Мне выпала тогда нелегкая доля. Я отвечал непосредственно за их безопасность, был рядом с ними на всех мероприятиях, в связи с чем координировал действия личной охраны, других подразделений КГБ и правоохранительных органов. Мне была хорошо известна полная обстановка вокруг визита, и должен со всей ответственностью заявить, что никакой опасности для пребывания Р. Рейгана и его супруги в Москве не было.

Единственное, что тогда бросалось в глаза, это проявление определенной настороженности в поведении и действиях сотрудников секретной службы США, охранявших президента Рейгана и его супругу, и особенно усиленные меры безопасности резиденции Спасохауз (постоянная резиденция посла США в Москве), в которой разместились Рейган и Нэнси. Такое поведение сотрудников безопасности оправдывалось тем, что это был первый визит президента Рейгана и его супруги в Москву и они не сразу смогли освоиться в ней. Кроме того, у них, по-видимому, была соответствующая информация. По этой причине сотрудники американской безопасности плотно закрыли резиденцию и никого туда не допускали. Даже мне довелось попасть в нее только дважды, и то по приглашению.

Это случилось потому, что кто-то из американцев узнал, что 2

июня у меня день рождения. Начальник личной охраны президента Ричард Гриффин доложил об этом Рейгану, и неожиданно для меня я был удостоен его личной аудиенции. Он поздравил меня с днем рождения и сфотографировался со мной на память. Это был второй случай, когда я запечатлен на фотографии с президентом США. Первый раз мне представилась такая возможность в Женеве, во время встречи на высшем уровне. В этой связи следует заметить, что американцы очень любят фотографироваться, дарить свои фотографии на память и гордятся, если им удается сфотографироваться со знатными людьми. У нас тоже не упускают случая оказаться запечатленными с выдающимися личностями. Вот и мне выпала честь сфотографироваться рядом с самим президентом США Р. Рейганом.

Следующее мое посещение» Спасохауза было связано с проведением там встречи Рейгана с советскими диссидентами. Эту встречу организовывали сами американцы, ее участники были приглашены заранее с разных концов Советского Союза. Сотрудники секретной службы США приняли тогда чрезмерно строгие меры в обеспечении безопасности этого мероприятия. На наше предложение об оказании им помощи они ответили отказом. В течение полутора часов осуществляли они допуск в Спасохауз приглашенных на это мероприятие, тщательнейшим образом проверяли их с помощью специальной техники. Такая процедура допуска и проверки вызвала возмущение со стороны приглашенных, значительно задержала начало встречи с президентом.

На ней наши диссиденты выразили Рейгану свое негодование, заявив, что они пришли на встречу с ним как друзья, просить у него защиты, а к ним отнеслись с недоверием. На следующий день иностранные средства массовой информации преподнесли этот инцидент как ужесточение мер безопасности, принятых в связи с настоянием советской службы безопасности.

* * *

Можно привести и еще один пример повышенной бдительности сотрудников американской службы безопасности, когда они потребовали от нас принять усиленные меры охраны вокруг Большого театра, куда Рейган и Нэнси должны были прибыть на спектакль. Мы уже были готовы к отъезду из резиденции, когда ко мне с такой просьбой обратился Ричард Гриффин. Свою просьбу он мотивировал тем, что, по информации

его офицеров, у входа в Большой театр скопились значительные массы народа и обстановка там небезопасна.

Я тут же связался со старшим офицером службы безопасности, осуществлявшим охрану порядка вокруг Большого театра, и выяснил, в чем дело.

Оказалось, что часть приглашенных на спектакль из-за тщательной проверки приглашений и документов не смогли еще пройти в театр и находились на улице. Он заверил, что через несколько минут положение нормализуется и к приезду президента Рейгана и его супруги у входа в Большой театр будет полный порядок.

Однако, судя по реакции, мои доводы не убедили Гриффина. Он продолжал занимать выжидательную позицию, ссылаясь на информацию опять-таки своих офицеров. Складывавшееся положение осложнялось тем, что стали проявлять нервозность обе высокие стороны. Президент Рейган и его супруга, находившиеся уже в автомашине, не знали причины задержки и требовали выезда в театр. В это время мне позвонил начальник управления генерал Ю. С. Плеханов и тоже потребовал быстрейшего выезда в театр. Он сообщил мне, что М. С. Горбачев с супругой уже в театре, ждут гостей, а они почему-то не торопятся с приездом. Плеханов прямо заявил, что если Рейгана и Нэнси не будет через пять минут в Большом театре, то Горбачев и особенно его супруга уедут.

Я оказался на горячей сковородке. Убеждал Гриффина, что я так же, как он, отвечаю за безопасность президента США и его супруги и не вижу причин задерживать выезд в театр. Однако Гриффин ждал информации от своих сотрудников. Мало того, он стал просить меня приехать и пройти в театр через тот подъезд, через который туда прошел Горбачев и другие высокие советские руководители. Мои объяснения, что я не обладаю правом менять традиционные протокольные устои, не убедили его.

В это время мне поступил категоричный приказ Плеханова немедленно выезжать в театр, поскольку Горбачев с супругой не намерены больше ждать американских гостей. Я заявил Гриффину, что обстановка в районе Большого театра вполне нормальная и мы обязаны выехать, потому что опаздываем на представление. Наконец и он получил сообщение от коллег об улучшении обстановки около театра, и кортеж тронулся.

Когда мы подъехали к центральному входу, площадь перед Большим театром была чиста, хотя у ЦУМа, Малого театра, и у станции метро толпилось большое количество людей. Они встретили Рейгана и его супругу бурными аплодисментами и дружескими приветствиями, что явно оказалось им по душе.

Рейган и Нэнси задержались у входа в театр, поприветствовали москвичей, чем вызвали новую бурю оваций и возгласов, и затем прошли в театр.

Я находился в это время рядом с ними и заметил некоторую обеспокоенность Гриффина. Он держал в руках пуленепробиваемый плащ, который должен был накинуть на президента в случае какого-либо инцидента или угрозы для него. Я успокоил его, сказав: «Нет причин для беспокойства. Наш народ гостеприимен и умеет встречать гостей".

Все вышеизложенное мною говорит о том, что высказываемые спустя пять лет после визита в Москву президента США Р. Рейгана, заявления о якобы готовившемся против него террористическом акте, являются вымыслом. Как человек, непосредственно отвечавший за безопасность Рейгана и Нэнси, я со всей ответственностью еще раз утверждаю, что оперативная обстановка вокруг них и визита в целом была нормальной, спокойной и благоприятной.

Что же касается информации о готовившемся покушении на президента США в Москве со стороны латино-американского террориста, то, по моему твердому убеждению, это была целенаправленная дезинформация, умело подброшенная ЦРУ нашей разведке, с тем чтобы с нашей стороны были приняты усиленные меры обеспечения безопасности Рейгана и его супруги в Москве.

* * *

Следует отдать должное и службе правительственной связи, которая является постоянным спутником всех поездок глав государства и правительства. Как правило, они обеспечиваются засекреченной и открытой спутниковой связью, очень удобной и надежной во всех случаях. Не скрою своего удовлетворения и гордости за созданные нашей научно-технической мыслью отличные средства связи. Может быть, по качеству они и уступают американским, но по мобильности, устойчивости и габаритам намного выгоднее.

Например, чтобы развернуть узел связи для президента США в здании советской миссии в Женеве, потребовалось четыре часа, тогда как установленный на базе автомашины «ЗИЛ-115» узел связи для наших представителей требует только стоянки для машины. Это удивило американцев, ибо для их узла связи необходимо два микроавтобуса и прокладка кабеля до места его развертывания.

Что касается нашей открытой спутниковой связи, то она очень удобна, оперативна и часто выручала нас, и особенно нашу прессу, в самых трудных обстоятельствах и самых отдаленных точках земного шара. При мне всегда находился радист-телефонист, который в течение одной-двух минут соединял меня с Москвой для доклада о ходе визита на разных этапах его прохождения. Например, когда в Женеве я поехал на аэродром посмотреть приезд и встречу президента США Р. Рейгана, со мной был радист. Это привлекло внимание американской службы безопасности. Заместитель начальника личной охраны президента США Джозеф Питроу спросил меня, что это за "ящик" ходит за мной. Я ответил, что это радист, и если он хочет, то я могу связать его с американским посольством в Москве. Он ответил, что у него там нет знакомых. Тогда я предложил ему поговорить с моей женой и обещал обеспечить связь в течение одной минуты. Наша радиостанция и быстрота соединения с абонентом заинтриговали его. Через 30 секунд я уже говорил с женой и попросил ее не удивляться, что с ней будет говорить мой американский коллега. Питроу, переговорив с ней, очень лестно отозвался о нашей связи. Началось что-то вроде соревнования, чья связь лучше. Он также предложил мне поговорить с его женой в Вашингтоне по телефону из машины президента. Однако в течение пяти-шести минут они не могли наладить связь, а дальнейшим нашим попыткам сделать это помешал прилет президента Рейгана.

Следует заметить, что надежное обеспечение безопасности наших руководителей и высоких иностранных гостей возможно только в том случае, если все силы спецслужб охраны и общественного порядка собраны в один кулак и руководство ими осуществляется централизованно, из единого органа управления. Несомненно, что при всем этом главным действующим лицом в деле обеспечения безопасности руководителей является личная охрана, успех деятельности которой зависит от расстановки сил в ходе охранных мероприятий, степени подготовки сотрудников и быстрой оценки оперативной обстановки в любой докладывающейся ситуации.

В этом отношении советская служба безопасности заметно отличается от других подобных служб, хотя методы и формы обеспечения безопасности и охраны руководителей стран в основном идентичны. Поэтому в боевых условиях офицеры безопасности различных служб без слов понимают друг друга и делают свое дело. Этому также способствуют хорошо налаженные между ними отношения, которые строятся главным образом на взаимных началах и понимании того, что если сегодня одна из

них сделает хорошо, то завтра, при ответном визите, то же самое сделает другая. И нужно сказать, что нам удалось создать такой климат, установить и поддерживать добрые отношения с сотрудниками: секретной службы США — начальник Дж. У. Симпсон, службы безопасности ФРГ во главе с Беденом, Франции — Монтарасом, Финляндии — Тииттенненом, Польши — О. И. Даржинкевичем, Венгрии — Ф. Шебештьеном, Болгарии — И. С. Кашевым и Милушевым, ГДР — Г. Вольфом, с руководством Главного управления охраны КНДР и другими.

Каждая из служб безопасности, несмотря на определенную идентичность их структур, имеет свою специфику. В этом плане в качестве примера наивысшей степени дисциплинированности можно привести сотрудников безопасности КНДР. Мне пришлось близко познакомиться с их работой, и, когда я, будучи в Дели, прочитал в индийских газетах о покушении на товарища Ким Ир Сена со стороны его охраны, я не поверил этому и сразу же заявил, что это провокационный выпад против моих боевых друзей.

Главное управление охраны КНДР функционирует на правах министерства (ранее оно подчинялось непосредственно Ким Ир Сену, а позднее — его сыну Ким Чен Иру). В этом его отличительная особенность и надежность, хотя в других случаях последнее зависит главным образом от того, кто возглавляет службу безопасности.

* * *

В ходе несения совместной службы и взаимных контактов с сотрудниками других служб охраны мы старались по возможности получать друг от друга все то новое, что каждый из нас применял в своей работе. Скрыть это было трудно, ибо мы всегда на виду, но узнать полезное хотелось всем. Это касалось в первую очередь применения новых видов вооружения, техники, оперативно-тактических приемов несения службы.

Весьма трудоемкими являются также усилия в подготовке и обеспечении безопасности визитов высоких иностранных гостей в нашу страну. При этом на первый план выступает наивысшая степень ответственности за их охрану в соответствии с Венской конвенцией, согласно которой принимающая сторона обязана гарантировать полную безопасность главе и членам иностранной делегации.

Насколько серьезным является этот участок деятельности служб безопасности, можно судить по тому, что ежегодно в нашу

страну прибывает до 70–80 делегаций на государственном и правительственном уровне. Если учесть, что каждый визит длится от одного до пяти и более дней, то можно с уверенностью сказать, что почти весь год бывает полностью занят работой с иностранными делегациями такого уровня.

Эти визиты проходят по программам, отработанным совместно с представителями иностранных делегаций, сотрудниками МИД, органов безопасности и правопорядка и других участвующих в них ведомств и организаций и утвержденным высоким руководством. Обычно все заранее согласовывается, мы получаем заверения, что в эти программы не будут вноситься дополнительные мероприятия. Однако в ходе их выполнения к нам поступают многочисленнее просьбы, удовлетворяются пожелания и настойчивые требования послов и глав делегаций, которые, как правило, ставят службу безопасности в весьма невыгодное положение. Особенно много таких просьб поступало от послов ФРГ и Франции.

Во время одного из визитов канцлера Г. Коля в Москву, когда делегация возвращалась с мероприятия в Кремль, западногерманский посол настойчиво стал добиваться от представителя нашего протокола посетить по пути Красную площадь. Я возражал, ибо мы не были готовы к такому обороту дела. Однако, пришлось уступить так как дело дошло до протестов.

Когда же мы прибыли на Красную площадь, там оказалось около 300 западногерманских и столько же американских туристов. Обе группы и вдобавок несколько десятков корреспондентов, несомненно, были заранее предупреждены и ждали приезда туда Коля. Это была самая настоящая провокация против нашей службы безопасности.

Канцлер Коль, будучи по характеру человеком общительным и любителем фотографироваться, сразу же ринулся к своим соотечественникам. В результате мы попали в окружение сотен людей, желавших получить интервью у Коля или сфотографироваться с ним. Началась давка, стали бить сотрудников охраны, не дававших прорваться туристам и корреспондентам к канцлеру, досталось и зарвавшимся фотокорреспондентам. Пришлось срочно вызывать подкрепление и, отбиваясь, оттеснить Коля к Спасской башне и увести его в Кремль.

По настоянию того же западногерманского посла и исходя из чрезмерной любезности наших протокольных работников, пришлось также выехать с Колем в Архангельское. Посол хотел удивить его музеем, но случилась промашка. Музей был закрыт

на ремонт, и единственным удовольствием было то, что пришлось пройти под проливным дождем по территории парка.

Тот же западногерманский посол додумался до того, что повез Коля на Ярославский вокзал, чтобы показать ему, в каком состоянии там общественные туалеты.

* * *

В годы перестройки Горбачева, когда в нашу страну устремились многие западные президенты и премьеры, случаев внепрограммных посещений стало еще больше. Все они хотели ночью дать интервью на Красной площади с прямой телетрансляцией на их страны, часто устраивали в гостиницах пресс-конференции, выезжали в рестораны, на спортивные мероприятия. Так было с «железной леди» М. Тэтчер, с премьером Франции Шираком и многими другими. Понравилась Красная площадь, особенно собор Василия Блаженного, Р. Рейгану, который с нескрываемым удовольствием осматривал его дважды в ночное время. Но странно то, что как раз в это время на Красной площади и в других местах собирались огромные массы людей, специально приглашенные для встречи с ним.

В таких случаях службой безопасности заранее продумывались и принимались меры по наведению порядка и обеспечению надлежащей безопасности с привлечением к этому необходимых сил.

Нужно сказать, что советские руководители в своих поездках за границу не допускали таких вещей, строго придерживались утвержденных программ и более выгодно выглядели по сравнению со многими иностранными высокими представителями, посетившими с визитами нашу страну.

Как правило, главы государств во время визитов размещались в резиденции в Кремле, а главы правительств — в специальных особняках на Ленинских горах. Исключением из этого правила являлись американцы и англичане, которые боялись поселяться в наших резиденциях и ездить в наших автомашинах, по-видимому, из-за того, что их будут подслушивать и фотографировать. Со своей стороны наши руководители отвечали им взаимностью. В ходе визитов высокие иностранные гости всегда обеспечивались прекрасным обслуживанием, первоклассным транспортом, с ними работали профессионалы-офицеры безопасности, универсалы-врачи, квалифицированные переводчики и опытные дипломаты. И следует отметить, что за время моей службы каких-либо замечаний в их адрес не было. Звучали только слова

благодарности и полного удовлетворения, хотя заслужить такую оценку было порой нелегко.

* * *

Во время визита в Москву президента Франции Жискар д'Эстена он, не без подсказки своего посла, пожелал поехать отдохнуть в ресторан «Русская изба". Время было к полуночи, и перед нами встало много проблем. Первая из них — открыт ли ресторан и есть ли там в это время необходимые условия для нормального отдыха такого высокого гостя. Мы позвонили в ресторан. Оказалось, там заканчивалась свадьба, все гости и оркестр были в стадии сильного опьянения и, главное, в ресторане не осталось никаких продуктов и напитков.

Естественно, что появление в «Русской избе» Жискар д'Эстена в такой обстановке, а с ним, как предполагалось, еще двух десятков французов и стольких же представителей с нашей стороны могло вызвать любопытство пьяной компании и нежелательные инциденты. Нужно было найти выход из положения, ибо французы настаивали на своем желании поехать туда.

Я отдал распоряжение срочно направить вперед группу офицеров безопасности, поваров, официантов со всеми необходимыми продуктами и напитками, чтобы к приезду в «Русскую избу» Жискар Д'Эстена и сопровождающих его лиц создать там обстановку, благоприятную для хорошего времяпрепровождения, а французов попросил немного задержаться. И потом на трассе ехал помедленнее, чтобы потянуть время.

Когда мы приехали в «Русскую избу», там все уже было готово. Но до этого нашим ребятам пришлось здорово поработать. Когда они приехали туда и сказали директору ресторана, что к ним едет Жискар Д'Эстен, тот взмолился, стал упрашивать и уверять, что он не может никого принять. К тому же в ресторане вповалку лежали пьяные гости со свадьбы и музыканты. Тогда взялись за дело наши ребята. Они в считанные минуты освободили ресторан, отмыли и привели в порядок музыкантов, убрали помещение. В это время повара готовили, а официанты накрывали на стол кремлевские продукты и напитки. Все официанты были переодеты в крестьянские рубахи, как это было принято в «Русской избе», и с полотенцами на руках строем встречали французского президента. Оркестр играл «Подмосковные вечера», у всех на душе было радостно и приятно.

Жискар Д'Эстен пробыл в ресторане до 4 часов утра. Он был восхищен обслуживанием, работой официантов, приготовленными блюдами, по его желанию оркестр исполнял русские народные песни. Однако в ходе веселья ко мне подошел французский посол и спросил меня, указывая на одного из официантов: «Кажется, я его видел в Кремле во время официального обеда?» Я ответил, что он ошибается, и добавил, что, видимо, у него создалось такое впечатление от хорошего настроения и выпитой прекрасной русской водки.

Из ресторана все уезжали веселыми и довольными. На следующий день Жискар Д'Эстен при встрече с Брежневым рассказал ему, как отлично провел время в русском ресторане.

Таких случаев в практике службы безопасности и протокола бывало немало, особенно во время поездок по стране. Приходилось наводить порядок в ресторанах, гостиницах, резиденциях и на улицах городов, за что потом местные власти высказывали слова самой большой благодарности.

* * *

В работе с высокими иностранными гостями сотрудникам безопасности и работникам протокола приходилось оказываться в различных затруднительных обстоятельствах, сталкиваться с хорошими манерами и воспитанностью одних, высокомерием и пренебрежительным отношением других. Если первые были примером для подражания, то вторые — для осуждения.

К числу первых следует отнести короля Иордании Хусейна, чье поведение в высшей степени соответствовало королевскому протоколу. Он был ровен в общении со всеми, скромен, корректен, пунктуален в выполнении намеченных мероприятий, производил впечатление простого, но разностороннего и воспитанного человека. Король Хусейн являлся первоклассным летчиком. Во время прилетов с визитами в Москву обычно сам осуществлял посадку и взлет самолета.

Весьма высокими качествами в протокольном плане обладал и король Испании Хуан Карлос. Обаяние, простота и в то же время умение достойно и с большим тактом вести себя с разными людьми делали ему честь. Его хорошо дополняла супруга, бывшая греческая принцесса София, получившая прекрасное воспитание. Это позволило ей вписаться в испанский протокол и заслужить уважение испанцев.

Примером другого свойства являлся лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи. Во время визитов в Москву он

своевременно не прибыл ни на одно мероприятие. Он просыпался, когда ему нужно было уже быть на переговорах, пил кофе, а советские руководители ждали его. Затем он заявлял, что должен поехать в мечеть помолиться, и тем самым срывал переговоры и ломал график рабочего дня глав Советского государства и правительства, десятков других высокопоставленных лиц. Подобно ему поступал и его ближайший соратник Джелуд.

Нелегкую работу задавал службе безопасности и Ясир Арафат. Он никогда не сообщал время своего прилета в Москву, боясь, как бы против него не совершили террористического акта и не сбили его самолет в полете. Поэтому он постоянно опаздывал с прилетом на несколько часов, а то и откладывал свое прибытие в Москву. Его охрана в таких случаях нам говорила, что за Арафатом охотятся израильские боевики, поэтому он не только меняет маршруты своих поездок, но и не проводит дважды ночь в одном и том же помещении.

Таким же образом при полетах на советских самолетах поступала охрана Ф. Кастро и Р. Кастро.

В ходе их полетов кубинская служба безопасности отдавала приказы нашим летчикам менять маршруты, мотивируя это тем, что они располагают достоверными сведениями о готовящихся террористических акциях и покушениях на Фиделя и Рауля Кастро. Смены маршрутов в ходе полета самолетов сопровождались протестами в адрес Аэрофлота со стороны иностранных аэронавигационных служб и могли иногда окончиться непредсказуемыми с их стороны действиями. Так, во время полета Р. Кастро на советском спецсамолете в Эфиопию его чуть было не сбили над территорией Пакистана. Оказалось, что кубинцы, мало того что изменили маршрут полета, вдобавок совершили полет, не дождавшись на то разрешения пакистанских властей.

* * *

Сотрудникам службы безопасности приходится нести службу при различных обстоятельствах, создавать благоприятные условия для успешной работы и отдыха наших руководителей и иностранных гостей, ограждать их от любопытства корреспондентов, скрывать от общественного мнения их болезни и недуги, поддерживать их морально в трудных жизненных условиях. Так было с Брежневым, Андроповым, Черненко, Цеденбалом, Ле Зуаном, Б. Кармалем, Бумедьеном и многими

другими.

На их глазах происходили невиданные взлеты вверх по служебной лестнице и крутые падения вниз государственных и политических деятелей. Вместе с ними решалась судьба и сотрудников безопасности. Порой она обходилась с ними весьма жестоко. Их коллеги по оружию, охранявшие Тараки, Чаушеску, Р. Ганди и других, погибли на своих боевых постах. Неизвестной оказалась судьба сотрудников охраны Хоннекера, Живкова, Ярузельского, руководителей бывших советских республик. Со многими из сотрудников безопасности других стран у нас были теплые и задушевные встречи в Кремле, завязалась и поддерживалась большая дружба. В беседах и общениях с ними мы познавали друг друга, узнавали много интересного об их жизни. Например, во время визита в Москву президента США Р. Рейгана между сотрудниками советской и американской служб безопасности зашел разговор об Аляске. На мое заявление, что Аляска и Калифорнийское побережье — это исконно русские земли и что Аляска была слишком дешево продана Америке, один из сотрудников безопасности Рейгана сказал: «Генерал, умоляю вас, только не говорите об этом нашему доктору. Он очень болезненно воспринимает это. Его прапрапрадед как раз участвовал и играл основную роль в покупке Аляски, так американцы до сих пор ругают нашего доктора за то, что его предок слишком дорого ее купил».

Трудоемкость подготовки и проведения визитов высоких иностранных гостей в нашу страну ощущалась в ходе их осуществления. С одними делегациями было работать легко и свободно, с другими приходилось выматываться до предела. Я с большим удовольствием поработал с делегацией КНДР во главе с товарищем Ким Ир Сеном, многое узнал о нем и близко познакомился с ним лично. Его безопасность обеспечивали весьма опытные офицеры нашей службы. Но дело в том, что почти весь визит проходил в поезде в течение 20 суток. Нам пришлось встретить товарища Ким Ир Сена и сопровождающих его лиц в Забайкальем, ехать с ними до Москвы, а затем до Бреста. После возвращения из Европы мы встретили их в Унгенах и проследовали оттуда до Хасана через всю территорию Советского Союза. Весь маршрут составил 22 тысячи километров. Все здорово устали. И когда в конце пути Ким Ир Сен пригласил нас еще погостить в КНДР, мы не в состоянии были ехать туда. Спустя год я получил новое приглашение от него отдохнуть в Корейской Народно-Демократической Республике и вместе с женой побывал в этой интересной и замечательной стране, познакомился с ее трудолюбивым и героическим, народом,

достопримечательностями, посетил многие города Северной Кореи.

* * *

При подготовке визитов особое внимание службы безопасности уделяют работе с фото-теле-радиокорреспондентами и журналистами. Как правило, в освещении хода встреч на государственном, и особенно высшем, уровне участвуют от нескольких сот до нескольких тысяч представителей прессы, радио и телевидения. Так, в Женеве и Москве, когда проходили встречи Р. Рейгана и М. Горбачева, при пресс-центрах было аккредитовано каждый раз около 10 тысяч корреспондентов, среди которых было немало агрессивно настроенных диссидентов.

Особое внимание к корреспондентской среде связано с тем, что она всегда располагает возможностями внедрения в нее под видом подносчиков аппаратуры, осветителей лиц, вынашивающих террористические намерения или специально подготовленных для этих целей террористов. Примерами в этом могут служить покушения на президента США Р. Рейгана, главу советского правительства А. Н. Косыгина в Канаде и другие.

С другой стороны, главы западных государств обычно любят заигрывать с журналистской братией, в связи с чем их постоянными спутниками являются десятки видных корреспондентов различных газет и журналов. Поэтому со всей этой командой службам безопасности приходится держать ухо востро, но в то же время поддерживать хорошие отношения. Многие из них долгие годы сопровождают в поездках глав государств и правительств, их прекрасно изучила охрана, знает их отношение к своему делу и на этой основе между ними устанавливаются дружеские отношения и оказывается взаимопомощь. Наглядным примером может служить дружба руководителя группы сотрудников безопасности по работе с корреспондентами В. В. Курносова и его боевых помощников с ветеранами-фотокорреспондентами Мусаэляном, Песовым, Гурария и многими другими.

Основное значение в работе с корреспондентами уделяется проверке их аппаратуры, которая часто бывает громоздкой и требующей усилий и времени для ее установки и оборудования. Поэтому во время допуска фото-теле-радиокорреспондентов на мероприятия с участием высоких руководителей осуществляется тщательный оперативно-технический контроль за их аппаратурой

на предмет выявления оружия и взрывчатки.

Корреспонденты любых направлений — это народ дотошный и весьма агрессивный, когда дело касается получения информации или проведения съемок. По этой причине они зачастую нарушают установленные охраной порядки, в связи с чем возникают всевозможные инциденты, оканчивающиеся иногда потасовкой с офицерами безопасности и провокациями против них. Особенно агрессивными в таких случаях бывают женщины-журналисты. И, чтобы избежать подобных инцидентов, корреспондентов разбивают на небольшие группы из числа отдельных представителей от каждой страны, агентства, крупных газет или издательств, которые затем делятся информацией и съемками со своими коллегами и не создают тем самым излишней толкотни и хлопот службам безопасности.

* * *

Однако самыми опасными для сотрудников охраны высоких руководителей являются люди с шизофреническими задатками. От них всегда можно ожидать различных непредсказуемых действий. И нужно отдать им должное в этом отношении: у них весьма сильно развито воображение и способность точно определить уязвимые места в системе охраны, а отсюда и методы и средства проведения террористического акта. Анализ действий такого рода лиц как раз свидетельствует об этом, поэтому сотрудникам охраны приходится постоянно тренировать себя, чтобы уметь выявить таких людей по ряду признаков, особенно в ходе обеспечения безопасности массовых мероприятий.

Примером этому может быть случай, имевший место в здании Центрального Дома Советской Армии, когда там однажды проводилось собрание военнослужащих с участием руководителей государства и правительства. Допуск в здание ЦДСА осуществлялся военными, а непосредственно в зал заседаний — сотрудниками служб безопасности. Шизофреник изучил систему допуска и сумел пройти через первый контроль, но был разоблачен в фойе, когда следовал в зал заседаний. Только хорошая натренированность позволила сотрудникам безопасности выявить его. Он был одет в форму адмирала Военно-Морского Флота, выглядел солидно, был строен, подтянут и до определенной поры даже излишне вежлив в обращении с другими. На его груди красовалось множество наград. Однако внимание сотрудников безопасности привлекло неправильное их расположение на мундире и большое количество различных

знаков, которые не могли носить высшие офицеры. «Адмирала» попросили предъявить документы и приглашение на участие в собрании, которых у него, естественно, не оказалось. Зато этот «адмирал» поднял такой шум, устроил скандал, проявив все свои шизофренические черты. И таких случаев в практике службы безопасности было немало, особенно во время проведения торжественных собраний в Большом театре, Дворце спорта в Лужниках, Дворцах культуры крупных предприятий, на дипломатических приемах в иностранных посольствах, а чаще всего в ходе праздничных мероприятий на Красной площади.

Нелишне при этом заметить, что наиболее опасными для сотрудников охраны, как это не парадоксально, являются женщины, военнослужащие и представители правоохранительных органов (милиционеры, служащие различных охранных служб и т. п.).

В первом случае подкупает то, что на женщину как-то меньше падает подозрений в проведении террористических актов. Это и подвело как раз охрану Р. Ганди, когда они остановили его машину на трассе проезда и позволили ему выйти навстречу группе женщин. Когда он подошел к старшей из них, она нагнулась и привела в действие взрывное устройство. В результате Р. Ганди, его охрана и другие люди стали жертвами ошибки службы безопасности.

Что касается подозрений в отношении военнослужащих и представителей правоохранительных органов, то это связано главным образом с тем, что они являются носителями огнестрельного оружия и среди них имеется немало неудовлетворенных своим служебным положением, сложившимися обстоятельствами в личной или семейной жизни, как это имело место с Ильиным (теракт у Боровицкой башни Кремля, о чем будет сказано ниже) и милиционером, застрелившим министра внутренних дел Азербайджана А. Н. Гейдарова и его коллег.

* * *

При подготовке охранных мероприятий по программам визитов наших руководителей за рубеж и высоких иностранных гостей в нашу страну значительное место занимают вопросы их безопасности на трассах проезда. Это самое уязвимое место в деятельности всех служб безопасности, которое является предметом наиболее активного использования противником. Большинство террористических актов как раз и совершено при

проезде по трассе в транспортных средствах или во время пеших прогулок, о чем наглядно свидетельствуют убийства Дж. Кеннеди, Индиры и Раджива Ганди, У. Пальме и других. Разгул террора против выдающихся государственных, политических и общественных деятелей, крупных бизнесменов и финансовых магнатов заставил службы безопасности широким фронтом повести наступление на террористов, используя для этого значительные силы и современные технические достижения. Главное внимание при этом было сосредоточено на обеспечении безопасности проезда по трассам. Тактика действий спецслужб предусматривает в таких случаях охрану трасс большими силами и на значительную глубину, чтобы не допустить их обстрел с дальних расстояний.

Например, в ходе визитов Л. И. Брежнева в Бонн и Париж трассы проезда от аэропорта до резиденций, в которых размещали высокого гостя, охраняло от 25 до 30 тысяч полицейских и сотрудников спецслужб. Трассы проверялись специальными подвижными лабораториями на наличие взрывных устройств. При размещении в резиденциях устанавливалась охрана в три кольца, удаленностью до нескольких километров. Не меньшее число сотрудников задействовалось для обеспечения безопасности Рейгана и Буша во время их визитов в Москву.

В дополнение к этому использование для транспортировки бронированных автомобилей, пуленепробиваемых жилетов для личной безопасности, контроль окружающей среды и продуктов питания, проверка поступающей корреспонденции на наличие взрывчатки стали постоянной необходимостью в ходе проведения охранных мероприятий с целью гарантировать обеспечение безопасности высоких руководителей и представителей деловых кругов.

* * *

Главное внимание в обеспечении безопасности советских руководителей и зарубежных гостей обращалось на своевременное вскрытие и предотвращение террористических актов. Дело в том, что волна террора, прокатившаяся в период с шестидесятых до конца восьмидесятых годов по всему миру, достигла и Советского Союза. Центром его оказались Москва, Кремль и Красная площадь.

Только в 1981 году на Красной площади имело место семнадцать случаев попыток самосожжения, которые остались внешне незаметными для ее посетителей, ибо служба

безопасности вовремя пресекла их. Что касается террористических актов, то наиболее дерзкий из них предпринял некто В. Ильин.

22 января 1969 года у Боровицкой башни Кремля В. Ильин, младший лейтенант Советской Армии, подлежавший увольнению из ее рядов за пьянство и аморальное поведение, решился на гнусное преступление. Он украл у своего дяди милицейскую форму, надел ее, вооружившись двумя пистолетами, проник в Кремль и встал у входа в Оружейную палату. Раньше на этом месте всегда находился постовой милиционер, следивший за порядком около музеев. Но, как назло, в этот день он был снят с поста, сотрудниками же безопасности появление там Ильина было воспринято как обычное дело.

Свой террористический акт Ильин приурочил к приезду в Кремль советских космонавтов Шаталова, Волынова, Елисеева и Хрунова после совершенного ими совместного космического полета. Когда автомашина с космонавтами въехала в Кремль через Боровицкие ворота, Ильин, полагая, что в следующей едут советские руководители и, в частности, Л. И. Брежнев, выхватил пистолеты и начал стрелять по ней, ранив водителя — старшего сержанта Илью Ефимовича Жаркова, который вскоре скончался. Трагичность его гибели состоит в том, что с этого дня он был уже на пенсии. Он пришел проститься с боевыми товарищами, однако в этот день отсутствовали многие водители и его попросили съездить в последний раз на спецмашине — доставить в Кремль космонавтов. Поездка эта для него оказалась роковой.

В его машине находились тогда четверо космонавтов: Береговой, Леонов, Николаев и Терешкова, а также сотрудник безопасности Г. А. Романенко, которые, к счастью, не пострадали. После первых выстрелов бандит был сбит сотрудником безопасности М. Н. Ягодкиным, разоружен и обезврежен.

Позже Ильина возвели в ранг героя, а сам он обнаглел до того, что требовал пенсию и материальное возмещение за время пребывания в тюрьме. Однако водителя Жаркова не воскресишь и не вернешь родственникам и детям. Единственное, что осталось им от мужа и отца, — это орден Красного Знамени и светлая память.

* * *

Шизофреники-террористы, стремясь попасть в историю, идут подчас на самые крайние и дерзкие преступления, не брезгуя даже осквернением и разрушением памятников и могил великих

людей. Одним из таких актов явилось покушение на тело Ленина, которое в забальзамированном состоянии покоится в саркофаге в Мавзолее на Красной площади.

Отъявленный рецидивист С, отбывший десять лет тюремного заключения, решил увековечить себя вместе с Лениным. Для этих целей он изготовил взрывное устройство, незаметно разместил его под одеждой и в общей очереди 1 сентября 1973 года прошел в Мавзолей В. И. Ленина, с тем чтобы взорвать себя и уничтожить тело вождя.

Был первый осенний день, в Мавзолей к Ленину шли советские люди, среди которых было много школьников. Может быть, это усыпило бдительность службы охраны Мавзолея, и преступник сумел пройти в Траурный зал, где находится саркофаг с телом Ленина. Поравнявшись с ним, С. быстро соединил контакты проводов взрывного устройства, и в Мавзолее прогремел огромной силы взрыв. Вместе с террористом, от которого осталась одна рука, часть головы и некоторые документы, погибла следовавшая за ним супружеская пара из Астрахани, были ранены четверо школьников, контужены и разбросаны взрывной волной по Траурному залу воины-кремлевцы, охранявшие саркофаг.

Основная сила взрывной волны пришлась на саркофаг, но он остался невредим благодаря принятым ранее против таких акций профилактическим и защитным мерам. Служба безопасности Мавзолея В. И. Ленина неоднократно задерживала, продолжает задерживать и сейчас лиц, пытающихся пройти в него с оружием и тяжелыми предметами, чтобы нанести по саркофагу удар и повредить его, а главным образом — совершить акт вандализма против тела Ленина. Это послужило причиной поисков средств противодействия таким акциям, и большая заслуга в этом, а также в том, что тело Ленина осталось целым и невредимым, принадлежит бывшему коменданту Кремля генерал-лейтенанту С. С. Шорникову, коменданту Мавзолея В. И. Ленина в то время полковнику Г. Д. Башкину и его заместителю подполковнику В. П. Каменных и многочисленному аппарату научных работников, которые постоянно следят за состоянием саркофага и тела В. И. Ленина.

Насколько эти террористические акты являлись событиями экстремальными в нашей жизни, можно судить по тому, что руководители КГБ в лице Ю. В. Андропова и Г. К. Цинева, службы безопасности в лице коменданта Кремля С. С. Шорникова уже через несколько минут были на месте происшествия и лично принимали участие в их расследовании.

Актом вандализма и террора можно считать кампанию по

снесению памятников выдающимся предшественникам. Некоторые ретивые головы намерены вынести тело В. И. Ленина из Мавзолея. Таким образом хотят убить добрые чувства к великому человеку, могилу которого — Мавзолей за годы, прошедшие после его смерти, посетило более 100 миллионов человек, обесценить связанные с сохранением тела Ленина выдающиеся достижения советской и мировой науки. Покушение на тело В. И. Ленина — это акт террора наивысшей степени.

Еще одним актом террора явилась попытка произвести выстрелы в советских руководителей, стоявших на Мавзолее 7 ноября 1990 г. Террорист находился в рядах демонстрантов, но был вовремя обнаружен и обезврежен.

* * *

Периодически террористические акции против высоких руководителей продолжаются и по настоящее время, в связи с чем особое значение придается охране Кремля. Основу охраны Кремля составляет Отдельный Кремлевский полк, который в недалеком прошлом окрестили президентским полком. Он был создан на базе различных воинских подразделений, охранявших Кремль еще при В. И. Ленине. Полк постоянно размещается на территории Кремля, имеет свою боевую историю и традиции и считается одним из самых верных и преданных руководству страны. В последние годы им командовали генерал-майоры Б. И. Платов, В. В. Редькин, И. П. Коленчук, В. М. Скоков. В его задачи входит охрана и оборона Кремля, участие в охранных и протокольных мероприятиях во время встреч в нем наших руководителей с высокими государственными и политическими деятелями зарубежных стран, осуществление пропускного режима в президентских и правительственных помещениях и дворцах, а также поддержание порядка на территории Кремля.

Служба в Кремлевском полку является весьма престижной и почетной, в связи с чем отбор в него осуществляется тщательный и всесторонний. По зачислении в полк воины проходят усиленную боевую подготовку, а затем постоянно поддерживают высокий ее уровень до конца своей службы. Из его рядов вышли многие видные военачальники, писатели, поэты, спортсмены. Всех их объединяет большая дружба и верность традициям полка, которые они проносят через всю свою жизнь.

В годы Великой Отечественной войны кремлевцы сражались с гитлеровскими захватчиками в ходе Московской битвы. В составе снайперских групп ими были уничтожены сотни фашистов.

Главная их заслуга заключалась в том, что они защищали Кремль, мозг нашей страны, от налетов фашистских стервятников, сбросивших на него 15 бомб. На своих боевых постах погибли тогда 97 воинов полка, около 200 получили ранения. Их имена занесены на памятную доску у входа в Арсенал Кремля.

Лицом Кремлевского полка до недавнего времени был пост № 1 у Мавзолея В. И. Ленина. Каждый советский гражданин, побывавший на Красной площади, с нетерпением ждал смены караула этого поста. Особой выправкой и формой, твердым и уверенным шагом, четким выполнением ружейных приемов, точными, синхронными поворотами и строгостью их исполнения, застывшим положением у входа в Мавзолей лучшие воины-кремлевцы приковывали к себе внимание посетителей Красной площади и оставались в их памяти на всю жизнь.

Ветераны и воины Кремлевского полка полны гордости за свою службу и выполнение почетной обязанности по охране Кремля, руководителей государства и правительства в различные периоды нашей истории.

Как создавалась служба охраны

Как видно из вышеизложенного, служба безопасности является весьма трудоемкой, опасной, но в то же время интересной и поучительной. Служба безопасности во все времена занимала одно из ведущих и ответственных мест в системе органов государственной безопасности. Она имела свою богатую историю, полную героических дел и трагизма, а также определенные традиции, структуру и свое лицо. Она прошла большую жизненную школу, котировалась как одна из лучших и надежных, у нее учились и с нее брали пример многие подобные службы ведущих стран мира.

Основной причиной создания и наличия служб безопасности /охраны/ почти во всех странах является террор в отношении руководителей государств, видных политических и общественных деятелей, который приобрел особую остроту в последние два десятилетия и превратился в одно из активных средств государственной политики.

В нашей стране террор имеет глубокие корни. Его основоположниками являлись народники, которые провели ряд акций такого плана против русских царей, известных высших сановников государства российского. Все это заставило тогда принять неотложные меры по усилению охраны царской семьи, важных государственных деятелей. Под эгидой III отделения Тайной канцелярии были созданы многочисленные службы охраны, которые, судя по оставшимся архивным материалам, осуществляли весьма квалифицированные мероприятия по обеспечению безопасности царя, его супруги, министров, губернатора при их поездках по столице и в другие места, во время участия в различных церемониях, парадах, смотрах и протокольных визитах.

Последователями народников стали эсеры, ярким представителем которых был Б. В. Савинков. Они осуществили серию террористических актов против советских руководителей, таких, как народный комиссар по вопросам печати, пропаганды и агитации В. М. Володарский, председатель Петроградского ЧК М. С. Урицкий, и другие. 30 августа 1918 года у выхода с завода Михельсона ими было совершено злодейское покушение на В. И. Ленина. Эсерка Фани Каплан (Ройтблат) два раза в упор выстрелила в Ленина. Впоследствии Б. Савинков в своих мемуарах «Записки террориста» писал, что «Каплан стреляла в Ленина из револьвера, который я вручил ей лично». 3 сентября Каплан была расстреляна. В Москве были арестованы

вдохновители этой акции — Локкарт и многие его пособники из английской и других разведок, которые были вскоре обменены на видных большевиков.

После покушения и ранения В. И. Ленина по предложению Ф. Э. Дзержинского, принятому советским правительством, была выделена группа красноармейцев из числа бойцов отряда ВЧК — свеаборгцев, которая составила охрану Ленина. Это решение было первым актом принятия мер безопасности в отношении советских руководителей, положившим начало службе безопасности.

Охрану Ленина в то время возглавлял Р. М. Габалин. В нее входили: его брат А. Г. Габалин, К. А. Дунц, его брат Я. М. Рубашевский, Цируль, Инта, Слесарев, Пизан, Чебанов, Пакалн и другие. Ответственность за безопасность В. И. Ленина возлагалась на заместителя председателя ВЧК Я. Х. Петерса и А. Я. Беленького, который с 1919 года стал начальником его охраны. Чекистов для личной охраны Ленина подбирал сам Ф. Э. Дзержинский, что в дальнейшем стало традицией, заключающейся в том, что руководитель органов государственной безопасности был главным куратором этой службы.

* * *

В последующие годы в связи с гражданской войной и внутренними распрями, когда реакция совместно с иностранными интервентами не только угрожала жизни и существованию Советской республики, но и ставила своей первоочередной целью физическое устранение Ленина и его соратников, происходило дальнейшее совершенствование и усиление службы охраны руководителей партии и советского правительства.

Борьба с оппозицией, которая в первую очередь носила характер борьбы за власть, наложила на эту сторону деятельности службы охраны свой отпечаток. Совместно со спецслужбами западных стран, особенно Германии, следуя установкам Троцкого на террор, внутренняя оппозиция делала все, чтобы объединенными усилиями нанести удар по советской власти и реставрировать в России капитализм. Свои главные усилия они направляли против Сталина и ЦК партии, ставили задачи перед своей агентурой о физическом устранении с политической арены и из жизни также Молотова, Ворошилова, Кирова, Кагановича и других видных деятелей ВКП/б/ и Советского государства. Такая информация тогда поступала по каналам советской разведки и контрразведки, об этом ярко свидетельствовали показания подсудимых на московских процессах и террористические акты,

имевшие место против советских руководителей.

В сентябре 1932 года Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов предпринял поездку по горнорудным и промышленным районам Сибири. После посещения одной из шахт Кузбасса машина, на которой он ехал, внезапно свернула с дороги и покатилась с насыпи. Она опрокинулась и остановилась на самом краю оврага. Молотов и сопровождавшие его лица отделались легкими ушибами и чудом избежали смерти. Машиной управлял Валентин Арнольд, член местной троцкистской организации, которой руководил известный подручный Троцкого Шестов. По его заданию Арнольд должен был совершить террористический акт. Он не удался лишь только потому, что водитель в последний момент потерял самообладание и затормозил.

Это подтверждает и сам Молотов: «Было покушение в Прокопьевске. Шофер дал показания, что в последний момент передумал, там пропасть была. Неизбежно не только меня убило бы, но и его тоже»[3].

Боевики из нелегальной заговорщической организации проследили в Москве маршрут поездок на работу народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова. Они несколько дней дежурили на улице Фрунзе, но его машина, как правило, шла на большой скорости, что не позволяло эффективно осуществить террористический акт.

Террористу Богдану было поручено убить Сталина на одной из партийных конференций. Он сумел в мае 1934 года проникнуть в зал заседания, но не смог приблизиться к месту, где находился Сталин. К тому же в последний момент Богдан заколебался. На следующий день он был убит у себя на квартире. Его устранил Бакаев, один из бывших помощников Зиновьева по Ленинграду. Этого отъявленного убийцу Зиновьев и Каменев после совершения государственного переворота прочили на должность председателя ОГПУ, с тем чтобы замести все следы преступлений оппозиции. Об этом Бакаев поведал на следствии и судебном процессе.

Однажды бакаевские боевики стреляли по катеру, полагая, что на нем совершал прогулку Сталин вдоль побережья Черного моря.

Самой зловещей жертвой оппозиционеров был С. М. Киров (Костриков), первый секретарь Ленинградского крайкома партии, ближайший соратник Сталина. Это был первый и довольно ощутимый террористический акт и удар по советскому руководству. О готовящемся покушении на Кирова знали в Москве высокие представители «правотроцкистского блока». Они

считали, что этот акт приведет советское руководство в замешательство и послужит сигналом к проведению других подобных террористических акций.

О покушении на Кирова знал и Г. Г. Ягода, бывший в то время наркомом внутренних дел. Он всячески способствовал проведению этого теракта, скрывал подлинных его виновников и вдохновителей и уничтожал чекистов, которые могли дать правдивые показания по делу об убийстве С. М. Кирова. Поэтому он является одним из самых гнусных участников заговора против советских руководителей, наиболее активным пособником злодейского убийства С. М. Кирова.

Свидетельством этому служит тот факт, что накануне покушения, а точнее, 15 октября 1934 года охрана ОГПУ задержала около Смольного некоего Николаева. У него обнаружили револьвер и записную книжку с маршрутом поездок Кирова на работу и обратно домой. Ягоде немедленно доложили об этом, но он дал приказ своему сподвижнику, заместителю начальника управления НКВД по Ленинградскому краю Запорожцу, освободить террориста без допроса.

1 декабря 1934 года Николаев совершил убийство С. М. Кирова в коридоре Смольного, когда он шел к своему кабинету. Убийца выстрелил в него сзади, через три минуты Киров скончался.

На процессе 1938 года Ягода скажет: «В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне об уже состоявшемся решении «право-троцкистского блока» об организации убийства Кирова. В этом решении принимал участие Рыков. Мне стало известно, что троцкистско-зиновьевевские террористы ведут конкретную подготовку этого убийства. Енукидзе настаивал на том, чтобы я не чинил препятствий этому делу. В силу этого я вынужден был предложить Запорожцу… не препятствовать совершению теракта над Кировым»[4].

Ягода на процессе также категорически заявил, что по решению «право-троцкистского блока» был проведено не только убийство Кирова, но и другие террористические акты.

* * *

Все это, а также информация, полученная по каналам ОГПУ-НКВД, о преступных замыслах оппозиции и иностранных спецслужб заставили органы госбезопасности принять должные меры к усилению службы охраны советских руководителей, и особенно И. В. Сталина.

В этих целях в составе ОГПУ был создан специальный Оперативный отдел, а также значительно увеличены штаты подразделений безопасности и охраны руководителей партии, видных членов правительства, выдающихся военачальников и ученых. Каждый из них теперь имел личную охрану, специальный обслуживающий персонал, охрану мест жительства. Автомашины, в которых они совершали поездки по городу и в другие районы страны, были оборудованы специальными средствами защиты, трассы проезда усиленно охранялись сотрудниками безопасности.

Личный состав Оперативного отдела проходил боевую подготовку по особой программе и нес службу весьма квалифицированно. Большое значение при этом обращалось на организацию и обеспечение безопасности при проведении крупных партийно-правительственных мероприятий с участием высоких советских руководителей.

Все эти меры принимались руководством страны и органами государственной безопасности еще и по другой причине. Как раз в это время стала поступать тревожная информация относительно высоких советских военачальников. Из доклада наркома Ежова следовало, что Троцкий в интервью в Осло сказал: «В Красной Армии не все преданы Сталину. Там меня помнят».

По полученной из Парижа и, в частности, из кругов белоэмигрантского «Русского общевоинского Союза» информации утверждалось, что «в СССР группой высших командиров готовится государственный переворот, во главе которого стоит маршал М. Н. Тухачевский».

Начальник Главного разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий доложил Сталину и Ворошилову, что в Германии ходят слухи о наличии оппозиции руководству среди высшего военного руководства.

Вышеизложенная информация в условиях того времени имела весьма серьезное значение. Она позволила Ежову и военной контрразведке повести широким фронтом работу среди командного состава, выявить заслуживающие внимания в этом направлении факты и произвести многочисленные аресты.

Люди довоенного поколения хорошо помнят процесс над военачальниками во главе с М. Н. Тухачевским. Как утверждалось в обвинительном заключении на суде, возглавляемая им группа военных готовила государственный, «дворцовый» переворот в стране и была связана с военной разведкой фашистской Германии. Выявилось также, что положение, которое занимал Тухачевский в высшем эшелоне руководства Красной Армии, позволило ему стать во главе группы командиров, бывших царских офицеров, находившихся в то время на ключевых постах

в Генеральном штабе, округах и соединениях. Эта плеяда командиров хотя и была на высоких должностях, однако считала для себя унижением и даже в некоторой степени оскорблением и обидой служить под руководством самоучек и партизан: Ворошилова, Буденного и других «царицынцев».

«Все они крайне отрицательно относились к Царицыну. Само слово «царицынцы» имело в их устах уничижительное значение», — писал впоследствии Троцкий в своей книге «Сталин».

* * *

В группу Тухачевского входили тогда известные представители командования Красной Армии: Якир, Корк, Уборевич, Фельдман и другие. Все они в свое время побывали в Германии, как, например: М. Н. Тухачевский — в качестве главы военной миссии; Якир — учился на курсах Генерального штаба; Корк — был военным атташе в Берлине. В этой связи на них определенное влияние оказала немецкая военная школа, оснащенность и структура армии этой страны.

Другие заговорщики часто встречались с германскими военными в официальной обстановке или имели родственников за границей: Путна, Уборевич — в Литве, Якир — в Бессарабии, Эйдеман — в США.

Особенно тесные отношения у Тухачевского сложились с троцкистом Путной, являвшимся военным атташе в Лондоне, Токио, Берлине, и Яном Гамарником — первым заместителем наркома обороны, начальником Политического управления Красной Армии, считавшимся лучшим другом рейхсверовских генералов Секта и Хаммерштейна. Эта тройка во главе с Тухачевским и стала инициатором создания германофильской мафии внутри высшего руководства Красной Армии.

Большая дружба связывала Тухачевского с Троцким, благодаря чему он в 24 года стал командармом и позднее поднимался по службе как на дрожжах. Поэтому Троцкий всегда рассматривал Тухачевского как главную карту, которая должна быть разыграна в самый ответственный и решающий момент. Он поддерживал с ним связь с помощью полпреда в Германии Крестинского и Путны и был в курсе всех дел группы Тухачевского. В дальнейшем Троцкий сообщил о наличии этой группы в составе Вооруженных Сил СССР Бухарину. Однако Троцкий и Бухарин боялись Тухачевского из-за его презрения к «политикам» и «идеологам», из-за его бонапартистских замашек.

Об этом затем показал на суде сам Бухарин: «Поскольку речь идет о военном перевороте, то в силу самой логики вещей будет необычайно велик удельный вес именно военной группы заговорщиков… и отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я, в частности, имел в виду Тухачевского, первым делом расправятся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу. Я всегда в разговорах называл Тухачевского «потенциальным наполеончиком», а известно, как Наполеон расправился с так называемыми идеологами»[5].

В этой связи Бухарин и Томский стремились направить военный путч в нужное им русло, чтобы на определенном его этапе обвинить Тухачевского и его ближайших помощников в измене и убрать с намеченного ими пути.

К тому времени оппозиция твердо встала на путь совершения государственного переворота. В этой связи Ягода показал тогда, что «в Кремле была создана военная заговорщическая организация, которая в любой момент была готова совершить переворот». Этот факт красноречиво подтвердили в своих показаниях на процессе 1938 года также Крестинский, Рыков, Бухарин.

По показаниям Рыкова, «вопрос о «дворцовом перевороте» встал в 1933 году. Опорой для его осуществления являлся Енукидзе, Большую роль играл Ягода, возглавлявший ОГПУ… Первая информация была о группе кремлевских работников, и особенно тут фигурировали Ягода, Петерсон, Горбачев, Егоров — начальник кремлевской военной школы. Несколько раз Томский мне сообщал о привлечении через Енукидзе и Егорова группы военных во главе с Тухачевским, которые тоже были подготовлены к этому плану и ведут в этом направлении работу. Он назвал фамилии Уборевича, Корка».

* * *

В начале 1936 года Тухачевский как советский военный представитель присутствовал в Лондоне на похоронах короля Георга V. По пути туда Тухачевский сделал краткие остановки в Варшаве и Берлине, где имел встречи и беседы с польскими и немецкими генералами, в ходе которых не скрывал своих взглядов на будущие события в СССР и восхищения немецкой военной машиной.

Возвращаясь из Лондона, Тухачевский остановился в Париже. На обеде в советском посольстве он удивил присутствовавших на

нем западных дипломатов откровенными нападками на советское правительство, проводившее политику коллективной безопасности.

Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Н. Титулеску, Тухачевский громко заявил: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченых государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере, в течение некоторого времени будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех»[6].

Это заявление Тухачевского было записано присутствовавшим на обеде румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже Э. Шакананом Эссезом.

Об этом же писала впоследствии в своей книге «Меня называют Кассандрой» известная французская журналистка Женевьева Табуи. «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V. На обеде в советском посольстве русский маршал много говорил с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром… Он только что побывал в Германии и расписывался в пламенных похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он, не переставая, говорил: «Они уже непобедимы, мадам Табуи». Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружил голову сердечный прием, оказанный немецкими генералами, которым нетрудно было сговориться с этим представителем старой русской школы? Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так».

В это же время Сталину вновь доложили, что Троцкий в своих выступлениях неоднократно заявлял, что «недовольство военных диктатом Сталина ставит на повестку дня их возможное выступление». В своей последней работе «Преданная революция» он призывал коммунистов России совершить государственный переворот, а также заявил, что, если Германия развяжет войну против СССР, Сталину не избежать поражения.

Эта информация заставила Сталина окончательно поверить, что профашистский заговор в Красной Армии существует и представляет реальную угрозу.

Можно представить, что бы было сейчас в нашей стране, если

бы ее руководители получили такую информацию.

С другой стороны, Тухачевский и другие участники готовящегося переворота были весьма обеспокоены арестами в армии и органах госбезопасности, в связи с чем на конспиративной встрече приняли решение ускорить подготовку переворота, который они наметили на начало мая 1937 года, но не позднее 15 числа.

Однако заговорщики слишком долго совещались и готовились. В сложившейся обстановке советское руководство не могло больше медлить перед угрозой военного переворота и 11 мая приняло решение об освобождении Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского от занимаемой должности заместителя народного комиссара обороны и назначении его командующим Приволжским военным округом. Были сняты с занимаемых постов и другие участники заговора, а Корк и Эйдеман арестованы по обвинению в тайных сношениях с военной разведкой фашистской Германии. Несколько раньше были арестованы главные руководители заговора: Бухарин, Рыков и другие. Томский покончил жизнь самоубийством. Его примеру последовали Гамарник и комендант Кремля Рогов. Аресты прокатились по всему Советскому Союзу, и им подверглись все, кто был причастен к «пятой колонне».

* * *

11 июня 1937 года началось закрытое заседание Особого военного трибунала Верховного суда Союза ССР, перед которым предстали: бывший Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский и семь его сподвижников из числа высшего командного состава: И. Э. Якир, бывший командующий войсками Украинского военного округа; М. П. Уборевич, бывший командующий войсками Белорусского военного округа; Р. П. Эйдеман, бывший председатель Центрального совета Осоавиахима; А. И. Корк, бывший начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе; Б. М. Фельдман, бывший начальник Управления кадров Красной Армии; В. М. Примаков, бывший командующий войсками Харьковского военного округа; В. И. Путна, бывший военный атташе в Лондоне, Токио, Берлине.

Процесс проходил по правилам военного судопроизводства, то есть при закрытых дверях, так как был связан с военной тайной. Председательствовал на суде В. В. Ульрих, членами Особого военного трибунала Верховного суда Союза ССР были: маршалы Советского Союза С. М. Буденный и В. К. Блюхер,

командармы I ранга Б. М. Шапошников и И. П. Белов, командармы II ранга Я. И. Алкснис, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин и комдив Е. И. Горячев.

На суде все подсудимые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. При этом Примаков заявил, что всех заговорщиков объединяло знамя Троцкого и приверженность фашизму. Он дал показания более чем на 70 человек, входивших в военно-фашистский заговор.

Тухачевский еще на следствии заявил и дал подписку Вышинскому, что признает себя виновным и никаких жалоб не имеет.

И вот на суде перед прославленными советскими высшими командирами на скамье подсудимых сидели не менее известные бывшие военачальники. Трудно себе представить, что происходило за закрытыми дверями, но единогласное решение при определении виновности дает право утверждать, что заговор имел место, что предъявленные обвинения соответствовали действительности и что приговор был справедливым.

Мало того, никто из подсудимых — а это были волевые, испытанные в боях люди — в своем последнем слове не воспользовался правом, чтобы заявить о неправильности и жестокости следствия, нарушении процессуальных норм или обжаловании обвинительного заключения.

12 июня Военный трибунал вынес приговор. Все подсудимые были приговорен к расстрелу. В течение двадцати четырех часов приговор был приведен в исполнение.

После процесса над советскими военачальниками посол США в Москве Д. Э. Дэвие, проанализировав положение в Советском Союзе, направил в госдеп 28 июня 1937 года секретную телеграмму за № 457, в которой опроверг нелепые слухи о массовом недовольстве и неминуемом крушении советской власти. «Что касается дела Тухачевского, — писал он, — то корсиканская опасность пока что ликвидирована».

В этих условиях органы НКВД продолжали наносить удары по командным и политическим кадрам Красной Армии, в результате чего было арестовано и осуждено около 10 тысяч человек. Все они обвинялись как соучастники заговора Тухачевского и пособники нацистской и японской разведок. В такую цену обошлись для Красной Армии и советского народа авантюра и заговор Троцкого-Тухачевского и их ближайших сподвижников. Такова трагедия корсиканского безрассудства.

* * *

Несомненно, что все эти действия оппозиции, связанные с покушением на советскую власть и ее руководителей, заставили принять срочные и серьезные меры по обеспечению надежной охраны советских руководителей и государственной безопасности страны. Особое значение при этом уделялось охране И. В. Сталина, которую только что возглавил генерал-лейтенант Н. С. Власик. Она была укомплектована самыми отборными сотрудниками, обеспечена новейшими видами вооружения и современными транспортными средствами. С началом войны служба его охраны была значительно усилена, и главным образом на трассах проезда и при проведении крупных общественно-политических мероприятий.

В военные годы диверсионно-террористические центры абвера не раз предпринимали попытки покушений на советских лидеров. Об этом имели место многочисленные сигналы, полученные советской разведкой по своим каналам, а также от агентов и диверсантов, захваченных на территории СССР. Поэтому во время массовых мероприятий, таких, как выступление И. В. Сталина 6 ноября 1941 года на торжественном заседании по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, на параде войск 7 ноября и в других местах, были приняты повышенные меры безопасности.

Эти мероприятия играли исключительную роль в поднятии морального и боевого духа защитников Москвы и всех советских людей. Все видели, что Сталин и руководство страны в тот грозный и ответственный час находились в Москве, на переднем крае обороны столицы и страны в целом.

Речи И В. Сталина 6 и 7 ноября 1941 года несомненно имели огромное историческое значение. Однако мало кто знает, что в это время произошел один курьезный случай, в результате которого оказалось записанным на пленку лишь начало речи, произнесенной И. В. Сталиным на Красной площади. Толи из-за мокрого снега, который шел тогда непрерывно, то ли по другим причинам отсырела пленка, и сделать полностью запись не сумели. Все хорошо понимали, что представляла собой эта речь, которую предстояло затем транслировать по радио. Забегали по кабинетам ЦК партии руководители радиовещания. Кто-то в то горячее время все же набрался смелости, обратился непосредственно к Сталину и рассказал о случившемся. Иосиф Виссарионович вновь зачитал речь перед микрофоном, но только уже в своем кабинете.

Война еще больше усилила фактор подготовки и проведения террористических актов против Сталина и его соратников с целью нанести удар по советскому руководству и стране не только на

фронте, но и в тылу. В эти годы были задуманы, тщательно готовились и проводились «Цеппелином» дерзкие акты по физическому уничтожению руководителей нашей страны, высоких военачальников, ученых и других известных советских деятелей.

В 1942 году террорист несколько дней осуществлял наблюдение на Красной площади за работой сотрудников службы безопасности при проезде из Кремля и по улице Куйбышева автомашин с руководителями партии и правительства. Он примелькался службе охраны, и его стали принимать за своего сотрудника. 6 ноября его привезли на Красную площадь на автомашине с оружием, и он представился сотрудником безопасности, назначенным на этот участок для усиления охраны в предпраздничные дни.

Когда из Кремля вышла машина с А. И. Микояном, этот террорист вскочил внутрь Лобного места и открыл оттуда огонь по автомашине. Он стрелял метко и расчетливо, но пули его отскакивали от брони автомобиля. Водитель, почувствовав удары по стеклам, быстро свернул к Васильевскому спуску и ушел от обстрела.

В борьбу с террористом вступили чекисты: лейтенанты Л. А. Степин и Е. А. Вагин и капитан Цыба. В перестрелке был тяжело ранен в ногу лейтенант Степин (впоследствии генерал-майор, скончался 11 сентября 1989 года). Однако капитан Цыба успел метнуть гранату внутрь Лобного места и тяжело ранил бандита. Цыба и Вагин бросились туда и схватили его. Он скончался, так и не сказав, кто он такой и по чьему заданию совершил террористический акт.

За свой подвиг в борьбе с террористом лейтенант Степин был награжден орденом Красного Знамени, а капитан Цыба и лейтенант Вагин — орденами Красной Звезды.

В ноябре 1943 года в Тегеране состоялась встреча «Большой Тройки», глав правительств СССР, США и Англии. Этой встрече предшествовала очень серьезная и тщательная подготовка с точки зрения принятия повышенных мер безопасности. Незадолго до ее проведения советская разведка, располагавшая агентурными возможностями в «Цеппелине», получила убедительные данные о том, что гитлеровские спецслужбы подготовили чудовищную террористическую акцию против руководителей великих держав: Сталина, Рузвельта и Черчилля. Эти данные подтвердились и другими источниками, в частности, информацией, полученной по своим каналам известным советским разведчиком Н. И. Кузнецовым.

По прибытии в Тегеран Сталин предложил Рузвельту по

соображениям безопасности поселиться в отведенной ему резиденции в советской зоне, на что тот дал свое согласие. Принятые меры безопасности позволили тогда сорвать в зародыше планы фашистской разведки и успешно провести совещание глав великих держав.

В сентябре 1944 года под Москвой сотрудники госбезопасности захватили опасных террористов, специально подготовленных с санкции Гитлера и Гиммлера: некоего Таврина, имевшего поддельные документы Героя Советского Союза, и его «жену» — радистку, которые должны были 6 ноября проникнуть в Большой театр на торжественное собрание, посвященное 27-й годовщине Великого Октября, и совершить покушение на советских руководителей, и в первую очередь на Сталина.

* * *

Все эти акции и сигналы о покушениях, вынашивавшихся диверсионно-террористическими центрами абвера, рассматривались на самом высоком уровне советского руководства, и по ним принимались дополнительные и более серьезные меры безопасности членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК ВКП/б/, высшего командования Красной Армии, командующих фронтами, видных советских ученых, а также Генерального штаба Красной Армии, Академии наук СССР и других важных учреждений. Эту службу несли опытные и верные своему долгу чекисты, которых отличала высочайшая преданность Родине и советскому правительству.

В суровые годы Великой Отечественной войны безопасность Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза И. В. Сталина осуществляли: генерал-лейтенанты Н. С. Власик и В. В. Румянцев, генерал-майор С. Ф. Кузьмичев, полковники А. М. Раков, И. В. Хрусталев, М. И. Старостин, К. И. Буров, подполковники М. Г. Старостин, К. Горундаев, И. М. Орлов, Н. Г. Кропотов, Туков, И. И. Бородачев и другие. В личную охрану входили офицеры: Кириллин, Старцев, Ларин, Гусаров, Петров, Косарев, Фомин, Кошеваров, Маринин, Кручинин, Васнецов, Нефедов, Секошин и другие. Всего личная охрана Сталина насчитывала 26 человек, которые работали через сутки, то есть по двенадцать человек ежедневно, плюс один-два на подмену.

Водителями автомашин Сталина были: Н. И. Соловьев, бывший шофер генерала Брусилова, который однажды три дня обслуживал на фронте царя Николая II, Карпов, Кривченков, Цветаев, Гагач и Селянцев. Его обслуживали повара:

Судзиловский, Бугаков, Моренов, Колобов, которые, как правило, всегда готовили закуски, по два первых и вторых блюда. Сталин любил перепелок, голубей и иногда принимал грузинскую пищу.

В различные годы других видных советских руководителей охраняли: В. М. Молотова — генерал-майор Погудин, офицеры Александров, Карасев, Лагин; М. И. Калинина — полковники Земский и Жилин; К. Е. Ворошилова — генерал-майоры Хмельницкий и П. Г. Сахаров, полковник Богачев; Л. М. Кагановича — генерал-майор Суслов, офицеры Я. Е. Ильюшин, С. Е. Астафьев, П. И. Артамонов; Л. П. Берию — полковники Саркисов и Надарая; Н. С. Хрущева — полковники Столяров и Литовченко; Н. А. Булганина — полковник Безрук; Г. М. Маленкова — полковники Захаров и Зиновьев;

М. А. Суслова — полковник Назаров; Н. М. Шверника — подполковник Игнатошвили; А. А. Жданова — полковник Делов; А. Ц. Микояна — полковники Селезнев, Черняев, Крюков; А. Н. Косыгина — полковники Смирнов, Потапов; Е. С. Карасев. Эти сотрудники сопровождали и обеспечивали безопасность своих охраняемых лиц во всех местах их пребывания, поездках по Союзу и за границу.

На всех фронтах и во всех горячих точках войны офицеры госбезопасности охраняли маршалов Советского Союза: С. М. Буденного, Г. К. Жукова, С. К. Тимошенко, А. М. Василевского, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского и других представителей Ставки и командующих фронтами. Их охрану осуществляли подразделения безопасности, которыми руководили офицеры: Александров, Н. Х. Бедов, С. П. Марков, А. М. Белов, Н. В. Шванев, Копылов. Многие из чекистов этой славной кагорты геройски погибли (Е. Н. Зайцев, Ф. А. Ребров, Н. А. Крутихин, М. А. Саенко и другие) или были ранены, выполняя свою почетную и трудную обязанность по охране высоких советских руководителей и военачальников. Так, во время бомбежки здания ЦК ВКП/б/ жизнь секретаря ЦК партии А. С. Щербакова спас сотрудник охраны Сергеев, закрывший его своим телом. То же самое осуществил майор Н. Х. Бедов, спасая жизнь маршала Г. К. Жукова в ходе Курской битвы.

В тяжелые военные годы сотрудники службы безопасности с честью выполнили свой служебный и воинский долг, совершив при этом немало геройских подвигов, хранили верность и интернациональному содружеству. В качестве примера можно привести следующий случай. В 1944 году гитлеровские парашютисты высадились в районе Главного штаба Народно-освободительной армии Югославии и чуть было не разгромили его и не захватили в плен Иосифа Б. Тито. В разгар боевых действий по указанию Сталина советские летчики совершили

посадку вблизи штаба, а специальная группа во главе с генерал-майором госбезопасности Д. Н. Шадриным под огнем противника сумела оградить Тито от наседавших немцев и вывезти его на советскую военно-воздушную базу в Италии.

Итогом всей деятельности службы безопасности явилось то, что ее личный состав сумел правильно и эффективно поставить свою работу и надежно защитить наших руководителей и других охраняемых лиц от акций, подготовленных разведкой гитлеровской Германии и различного рода националистически настроенных террористами. Эта традиция продолжается и в настоящее время.

Безопасность Кремля

Служба безопасности во все времена располагалась в Кремле, чтобы находиться в непосредственной близости к высшим советским руководителям, удобно строить и надежно осуществлять их охрану. Ее отличала всегда определенная громоздкость — в Кремле постоянно размещалось большое количество различных ее подразделений. Хотя их личный состав и стремился поменьше показываться на территории Кремля, все же он нарушал установленный в нем порядок.

Особенно многочисленными были подразделения охраны и обслуживания при Сталине[7]. Хрущев существенно сократил их, но и в настоящее время они насчитывают несколько тысяч человек. Вся эта гвардия, рассованная по кремлевским закоулкам, продолжает и поныне находиться там и выполнять свои обязанности. Кое-кто пытался ставить перед руководством страны и правительством вопрос о выдворении службы безопасности из Кремля, но он всегда решался не в их пользу, так как никто из советских лидеров не хотел подвергать опасности свою жизнь, ослаблять охрану Кремля и правительственных зданий.

Особое внимание охране Кремля придавалось при Сталине, исходя из того, что на его территории проживали тогда почти все члены Политбюро и Кремль представлял закрытую зону. Туда попадали люди только по служебным делам, и они, естественно, оказывались там под неослабным наблюдением сотрудников безопасности. Определенный демократизм в режим Кремля внес опять-таки Н. С. Хрущев. При нем все руководители выехали на жительство в особняки на Ленинских горах. Кремль был открыт для посещения советскими и иностранными гражданами, в нем стали устраиваться новогодние елки для детей, молодежные балы, а затем и представления в Кремлевском Дворце съездов.

Свободное посещение Кремля не замедлили использовать в своих целях определенные категории лиц. Сразу же появилось в нем большое число цыган, которые днем занимались гаданием и вымогательством, а вечером располагались в сквере и Тайнинском саду на ночлег. К ним прибавились бродяги, воровской мир, и тогда пришлось принимать соответствующие меры, которые регламентировали бы должный порядок в Кремле.

Со временем в Кремле все больше увеличивалось количество проводимых мероприятий: съездов, совещаний, встреч с высокими иностранными гостями и т. д. По-прежнему продолжали там работать высшие органы власти и их руководители. Все это прибавило забот службе безопасности,

заставило вновь усилить охрану Кремля. Она постепенно стала увеличиваться и сейчас достигает почти тех же размеров, как это было при Сталине.

* * *

Основу всех служб безопасности составляет личная охрана, которая выполняет свои обязанности круглосуточно, во всех местах пребывания охраняемых лиц: на работе, на отдыхе, дома, в поездках по стране и за рубеж. Не менее значительна охрана объектов: дач, квартир, государственных и правительственных учреждений. Не уступает им служба материально-технического обеспечения (транспорт, вооружение, средства связи и специальной техники) и обслуживания: коменданты, персонал дворцов, повара, официантки, сестры-хозяйки, дворники, садовники и т. д., которые также являются сотрудниками безопасности.

Весь этот персонал, начиная от начальника главного управления до самого низшего по служебной лестнице сотрудника, тщательно подбирается, проверяется, обучается и затем допускается к исполнению своих обязанностей. Несомненно, он отличается своей профессиональной подготовкой и культурой, вышколенностью, честностью, порядочностью и преданностью порученному делу. Подтверждением этому может служить то, что за всю историю службы безопасности со стороны ее сотрудников не было ни одного случая предательства или проявления не только враждебности, но и недоброжелательства к охраняемым лицам или высоким иностранным гостям. Это как раз в полной мере соответствует принципам деятельности службы безопасности: преданность своему делу, патриотизм, интернационализм, высокая культура, постоянная боевая готовность, всесторонние профессиональные знания, самоотдача вплоть до самопожертвования.

Поддержанию службы безопасности в таком состоянии способствует тщательный подбор кадров. Как правило, принимается один из ста кандидатов в сотрудники охраны. Он должен пройти службу в армии или в милиции, в совершенстве владеть оружием, быть хорошо развитым физически и хорошо сложенным, иметь нормальный внешний вид и располагать к себе, быть культурным в общении, грамотным, хорошо разбираться в текущих внутренних и международных событиях. Предпочтение при этом отдается спортсменам и лицам, проявляющим способности в различных видах искусства, музыки,

народного творчества.

После принятия на службу сотрудники проходят специальную подготовку в учебном центре, а затем в ходе службы заканчивают другие учебные заведения, получают офицерское звание и на всю жизнь остаются в органах госбезопасности. Их путь по службе нелегок, начинается он с объектов охраны и постепенно приближается к высоким ее рубежам, к работе в Кремле в окружении охраняемых лиц. За этот период они приобретают достаточный профессиональный опыт, высокую квалификацию, становятся специалистами своего дела, изучают один или несколько иностранных языков, учатся практике дипломатическо-протокольной службы, правильному поведению в различных условиях жизни и деятельности охраняемых ими руководителей.

Сотрудники охраны в совершенстве владеют вверенными им средствами защиты. На их вооружении имеется самое первоклассное оружие и специальная техника: автоматы, пистолеты, радиостанции, приборы обнаружения оружия, контроля воздуха, продуктов питания и т. п. Они располагают надежным, хорошо защищенным комфортабельным транспортом: самолетами, вертолетами, автомашинами, катерами, спецвагонами.

Главными действующими лицами в службе безопасности являются прикрепленные, то есть начальники личной охраны руководителей, отвечающие за их безопасность. Их ближайшие помощники — сотрудники выездной охраны, сопровождающие и обеспечивающие безопасность охраняемых лиц во всех местах их пребывания. Тактику своих действий они строят в тесном взаимодействии с сотрудниками безопасности на трассах проезда, оперативно-технических служб и обслуживания.

* * *

Личная охрана, как правило, подбирается по усмотрению и желанию охраняемых лиц. Обычно они склонны иметь охрану из представителей той национальности, к которой принадлежат сами. Но по большей части состав охраны бывает смешанным. Естественно, что по этому признаку строится доверие и отношение к охранникам. Хрущев, например, желал иметь около себя украинцев, Берия и Шеварднадзе — грузин, Алиев — азербайджанцев и т. д.

Наиболее трудно осуществляется подбор сотрудников обслуживания: повара, официантки, сестры-хозяйки, которые не всегда проявляют желание работать в домах руководителей, ибо

они не могут пользоваться там такими возможностями, как на работе в гражданских условиях. Однако престижность работы по обслуживанию высоких руководителей и иностранных гостей берет верх и они со временем становятся верными, преданными порученному делу.

Оплата труда сотрудников безопасности неплохая, но и невысокая. Кроме денежного содержания они имеют ряд поощрений, что, естественно, имеет немаловажное значение в их жизни. Главное, что они работают в Кремле, рядом с руководителями, на виду у всего цвета нации и государства, часто выезжают за границу и еще чаще охраняют и обслуживают глав иностранных государств и правительств.

Службу безопасности усиливало еще и то обстоятельство, что она строила свою деятельность в тесном контакте с бывшим 4-м Главным управлением при Минздраве СССР. Теперь это Медицинский центр при правительстве России. Хотя административно это управление не входит в службу безопасности, в оперативном отношении его медицинский персонал — врачи и медсестры, закрепленные за высокими руководителями, работают дружно, в тесном контакте с сотрудниками охраны. Между ними всегда существует надежная взаимовыручка. Врачи не раз помогали сотрудникам охраны, которые в свою очередь в определенных ситуациях выполняли их обязанности, оказывая помощь и даже спасая жизнь охраняемым лицам. Добрые чувства и хорошие отношения связывают также работников службы безопасности с экипажами самолетов и вертолетов, бригадами поездов и железнодорожников.

Деятельность сотрудников безопасности весьма тяжелая, но и в то же время почетная и интересная. Она основывается на искренности, исполнительности и честности. При этом не должно проявляться угодничество и низкопоклонство, заискивание и подхалимство. Просто недопустимым в их работе является корысть и вымогательство.

Каждый сотрудник безопасности хорошо понимает, что ему доверяется судьба и жизнь охраняемого лица и его родственников. С ним советуются по важным семейным вопросам и доверяют тайны. Отношения порой перерастают в очень близкие, и здесь не должно быть фальши, ибо этим теряется доверие. Такие отношения, как правило, продолжают оставаться и по выходе охраняемых лиц на пенсию, после политических падений или служебных потрясений. Сотрудники безопасности, верные своему служебному долгу, в таких случаях обычно находятся рядом с ними, поддерживают их морально и физически. Наиболее ярким в этом отношении является пример с

бывшими руководителями ГКЧП Янаевым, Лукьяновым, Павловым, Крючковым, Язовым и другими. По существу, их судьбу разделили и сотрудники безопасности, которых сразу же уволили со службы. Однако в период временного освобождения руководителей ГКЧП бывшие сотрудники их охраны по доброй воле, на свой страх и риск, бескорыстно приступили к исполнению своих служебных обязанностей, особенно во время их участия в крупных общественно-политических мероприятиях. Такое поведение сотрудников безопасности является примером наивысшей преданности служебному долгу.

* * *

Много внимания сотрудникам охраны приходится уделять урегулированию различных инцидентов, происходящих с членами семьи охраняемого лица (автоаварии и ссоры в общественных местах, участниками которых становятся дети или внуки охраняемых, нежелательные знакомства, настойчивое стремление со стороны посторонних лиц через родственников найти подходы к охраняемым и т. п.). Примеры этому можно найти почти во всех семьях высоких руководителей.

В работе сотрудников безопасности и обслуживающего персонала на дачах, в квартирах, во время отдыха не допускается излишнего предпочтения женской половине семьи охраняемого, чтобы не вызвать ревность и подозрения. Со стороны официанток и сестер-хозяек не должно быть таких проявлений в отношении охраняемого лица и других родственников — мужчин. В этой части имело место немало неприятных случаев, в результате чего сотрудники всегда оказывались виновными. В лучшем случае их переводили на другие участки работы, а чаще увольняли со службы.

Особенно много хлопот, а порой и неприятностей доставляли сотрудникам охраны «хозяйки», как называют жен высоких руководителей. Дело в том, что многие из них не только переложили хозяйственные дела на обслуживающий персонал, но и подчас предъявляли просто невыполнимые требования. Возражения в таких случаях считаются недопустимыми, а когда такое случается, то кончается неприятностями.

В основной своей массе жены руководителей — это приятные, красивые, умные, обаятельные женщины. Однако по сравнению со своими мужьями, которые поднялись так высоко по служебной лестнице, они в большинстве своем остались на уровне домохозяек. Исходя из этого, они стараются избегать участия в

общественных мероприятиях, кроме тех, на которых им предписано быть по протоколу. Естественно, подчас они не знают, как вести себя и что делать в определенных ситуациях. Это ставит их в стесненное положение, заставляет держаться на официальных приемах и мероприятиях несколько замкнуто.

Нужно сказать, что мужьям некогда заниматься своими женами, а департамент государственного протокола Министерства иностранных дел лишь изредка уделяет им внимание в этом плане. Иногда он выделяет одну из своих сотрудниц, которая перед протокольными мероприятиями разъясняет участвующим в них женам руководителей, что необходимо делать по ходу их проведения.

Конечно, нелегко быть женой руководителя высокого ранга. На нее обращают внимание не меньше, а порой и больше, чем на ее супруга. В этом отношении бывает много пересудов, главным образом со стороны женщин, о манере ее поведения, умении одеваться, вкусах и т. п. Здорово в этом плане досталось Р. М. Горбачевой. Она была по существу первой из жен руководителей, активно участвовавшей вместе с мужем в официальных церемониях, поездках по стране и за границу. Она стремилась вести себя просто, казаться сведущей в соблюдении правил этикета, но подчас выходила за их рамки. Порой этому способствовали средства массовой информации, фото — и телекорреспонденты, стремившиеся выдвинуть ее на передний план, показать в ее поведении плохое, непривычное. Подобные моменты улавливались ими также в действиях других советских руководителей и их жен.

Так было с А. Н. Косыгиным в Канаде, когда во время официального обеда он ел мороженое и попал в объектив с перекошенным лицом. То же самое сделали с Л. И. Брежневым в Бонне, когда он с трудом поднимался из глубокого кресла. Что касается Р. М. Горбачевой, то ее иногда показывали впереди мужа или подчеркивали, как она вмешивается в его беседу.

Однако это официальная сторона их поведения. В быту дела обстояли еще хуже. Как правило, жены высоких советских руководителей ко времени вступления своих мужей в должности в Кремле или на Старой площади были уже довольно пожилого возраста и такие черты характера, как забывчивость, раздражительность и капризность, а у некоторых придирчивость и стяжательство, не являлись редкостью. По этой причине порой они забывали, куда клали свои вещи, драгоценности, и обвиняли в воровстве сестер-хозяек. Позднее они их находили, но извиняться и не помышляли.

Супруга одного уважаемого руководителя заявила однажды

сотруднику охраны, чтобы их дачу обставили такой же мебелью, как у Горбачевых. Сотрудник возразил, что он не занимается такими вопросами. Последовал звонок мужу, а тот пожаловался руководителю службы безопасности — и опытный работник и прекрасный человек был снят с занимаемой должности.

Таких просьб и «жертв» было немало со стороны жен высоких руководителей.

* * *

У нас было слишком много шума вокруг привилегий (сейчас страсти поутихли), которыми якобы пользовались высокие советские руководители: дачи, квартиры, машины, отдельные магазины и т. п. При этом утверждалось, что они оторвались от народа, самоизолировались, проживая на шикарных дачах и в роскошных квартирах.

Все это не соответствует действительности и сильно преувеличено, об этом пишут, по-видимому, по заказу или люди, у которых слишком примитивные взгляды на жизнь, поэтому обычные служебные дачи им кажутся дворцами, а установленные нормы обслуживания — нарушением нравственности и законов.

Мне приходилось по роду службы бывать на многих из этих дач, и, скажу откровенно, они не производили на меня особого впечатления. Наоборот, некоторые из них были небольшими и неудобными по своей планировке и интерьеру. Все они предоставлялись руководителям только на то время, пока они занимали высокое положение. После ухода на пенсию они, как правило, съезжали с них или переезжали на другие, более скромные дачи. Исключение из этого составили некоторые бывшие руководители партии, государства и правительства, которые доживали в них свои последние дни.

Как правило, служебные дачи расположены в подмосковных лесных массивах, вдалеке от промышленных предприятий, что создает хорошие условия для укрепления здоровья и отдыха. Они размещены на небольших земельных участках с двухэтажным главным домом и служебными помещениями для охраны и обслуживающего персонала. Самые большие дачи находились в пользовании И. В. Сталина — в Семеновском, на которой он был всего лишь два раза, и К. Е. Ворошилова — в Липках, которую затем разделили на три участка. Сравнительно небольшие дачи были у А. Н. Косыгина, А. Л. Гречко и некоторых других. В них они проживали вместе со своими близкими родственниками.

В городских условиях советские руководители занимали с

семьями в обычных домах четырехкомнатные квартиры, мало чем отличающиеся по своей планировке от других квартир.

Большую часть года они жили на дачах, поэтому их квартиры в это время пустовали. Такое положение обусловливалось тем, что в городских условиях негде погулять, подышать свежим воздухом после утомительного рабочего дня. Кроме того, на дачах они не подвергались опасности со стороны агрессивно настроенных лиц, шизофреников и особенно жалобщиков. Последние порой находили их и на дачах и стремились проникнуть туда, чтобы передать письма со своими просьбами.

Высокие руководители пользовались правом на полуторамесячный отпуск, который делили на два, чтобы рационально использовать его летом и зимой. В санаториях они, как правило, не имели возможности отдыхать нормально. Их не оставляли в покое даже из праздного любопытства. Поэтому охрана настойчиво требовала от них проводить свой отдых и лечение в отдельных местах, с гарантированным обеспечением их безопасности.

Что касается обслуживания высоких руководителей и их семей, то здесь они использовали свое право очень редко, особенно при посещении магазинов и ателье. Продукты питания во все времена доставлялись им сотрудниками охраны по заказам и после соответствующей проверки. Эти заказы, как и питание во время работы, услуги прачечных, ремонтных мастерских они оплачивали из собственных средств.

Денежное содержание им определялось в пределах зарплаты министра союзного значения плюс небольшая сумма на карманные расходы. Каждый руководитель и «хозяйки» следили за бюджетом, старались не только не выходить из него, но и экономить. Эти люди стремились быть чистыми в служебном и нравственном отношении, считали для себя преступлением иметь побочные доходы. Поэтому большинство из них, уходя на пенсию, если доживали до этого времени, оставались у разбитого корыта, т. е. без собственных дач, машин и достаточных денежных сбережений, вдобавок еще подвергались за это жестокой критике со стороны демократов.

Охрана И. В. Сталина

Служба безопасности — это весьма тонкое, можно сказать, ювелирное дело, успех которого зависит от того, насколько четко личный состав знает свои обязанности, насколько он сообразителен, находчив и вынослив. Сотрудник безопасности, выходя на службу, как правило, не знает, где ему придется быть сегодня, а может, и в ближайшие дни и даже недели. Все связано с жизнью, бытом, деятельностью охраняемого лица и членов его семьи.

В работе сотрудника безопасности не все идет гладко, а порой даже сложно и трагично. Его судьба может зависеть от неправильно истолкованного мимолетного взгляда на охраняемого или на кого-то из членов его семьи, а иногда и от неточного ответа на вопрос. Однако самое неприятное — это когда в дела охраны вмешиваются жены руководителей, их дети и даже зятья.

В большинстве своем руководители относятся к сотрудникам безопасности с уважением, ценят их нелегкий труд, советуются с ними и полагаются на них во всех случаях жизни. По рассказам ветеранов службы охраны, все же самым уникальным и своеобразным, уважительным и справедливым, требовательным и внимательным был И. В. Сталин. С ним было легко работать, но привыкать к распорядку его дня было тяжело. Он не любил тратить попусту время, дорожил им, но все свои действия, участие в партийно-правительственных мероприятиях, поездки, посещение театров и т. п. связывал с проявлением весьма ответственного отношения к службе безопасности, с высоким доверием к ней. Каждый сотрудник понимал это и старался быть на высоте своего положения. Он сознавал, что быть, постоянно рядом с людьми государственного масштаба, и особенно рядом со Сталиным, который всегда находился в центре внимания не только советской, но и мировой общественности, дело нелегкое и весьма ответственное, и навыки в этом приходят не сразу, а вырабатываются долгими годами службы. Это можно проследить на следующем примере.

Однажды, после какого-то большого мероприятия, И. В. Сталин пригласил к себе в кабинет Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Когда они подошли к «уголку», так называют угловой подъезд здания правительства в Кремле, сотрудник охраны, стоявший на посту у входа в подъезд, неестественно напрягся, встал по команде «Смирно» и взял под козырек. Сталин и Буденный невольно обратили на него внимание и в свою

очередь отдали ему честь.

Младший лейтенант, одетый в новенькую форму офицера государственной безопасности, был еще юношей. По его виду и выражению лица можно было понять, что он впервые оказался в такой ситуации и свое поведение мог выразить только напряжением всех своих чувств.

Сталин и Буденный остановились и решили повнимательнее рассмотреть юного офицера. Он им нравился: был строен, красив, хорошо сложен, на его лице играл румянец. Чувствовалось, что он знал службу, но был еще не опытен. Иосиф Виссарионович, посмотрел на него и спросил: «Как ваша фамилия, товарищ младший лейтенант?» Ответа на вопрос не последовало. Сталин, улыбаясь и стараясь расположить к себе молодого сотрудника госбезопасности, повторил свой вопрос. Однако и на сей раз офицер молчал, только еще больше старался выпрямиться и напрячься.

Сталин и Буденный переглянулись, поняли состояние и смущение их собеседника и прошли к лифту. А младший лейтенант еще долго не мог прийти к себя и сбросить оцепенение.

В этот день он впервые после окончания специальной школы НКВД был поставлен на пост и впервые так близко увидел и услышал Сталина. К тому же он не ожидал этой встречи, так как в нарушение всех правил службы безопасности его не предупредили заранее по телефону, что в сторону его поста направляются Сталин и Буденный.

Отъезжая из здания правительства, Сталин вновь обратил внимание на молодого сотрудника госбезопасности. Он остановился и, улыбаясь, еще раз спросил его:

— Ну как, сейчас вы можете назвать свою фамилию, товарищ младший лейтенант?

— Так точно, товарищ Сталин. Солдатов моя фамилия. Михаил Солдатов.

— А почему вы раньше не назвали ее? — поинтересовался Иосиф Виссарионович.

— Увидел впервые вас и товарища Буденного, и память пропала. Забыл и не мог вспомнить свою фамилию, товарищ Сталин.

— У вас прекрасная русская, народная фамилия, товарищ Солдатов. Никогда не забывайте ее, и будьте всегда достойны этой фамилии. Желаю вам успехов, товарищ Солдатов.

— Есть, не забывать свою фамилию, товарищ Сталин.

Этот эпизод наглядно показывает, как трудно порой бывает сотрудникам госбезопасности вести себя естественно, оказавшись

рядом с высокими советскими и иностранными руководителями. Каждый может себе представить, что бы с ним происходило, если бы он неожиданно оказался в подобной ситуации. Был же случай, когда к Сталину пригласили одного боевого генерала в связи с назначением на должность командира корпуса. Не успел его поздравить Сталин с назначением, как генерал поспешно ответил: «Доверие оправдаю», пулей вылетел из кабинета Сталина и прямо в туалет. Хорошо еще, что в то время носили сапоги.

И все же Сталин был прост в обращении со своим окружением, и это сильно отличало его от многих руководителей, особенно таких, как Каганович, Хрущев и рад других. Таким он остался до конца своих дней, хотя внешне очень изменился. Несомненно, на него оказали влияние годы, большая рабочая нагрузка, нерегулярный отдых, нежелание лечиться и окружающая обстановка.

* * *

Сталин редко выезжал в поездки по стране. Последняя из них состоялась в апреле 1944 года, когда он на автомашине проехал на юг через центральные области России и Украины, с тем чтобы посмотреть своими глазами, как живут люди в этих местах. Он был очень раздражен, нервничал, когда видел разрушенные войной города и села и людей, живущих в землянках. Дороги в то время были разбиты, и его поездка послужила толчком к строительству магистрали Москва-Симферополь и ускоренному восстановлению народного хозяйства этих районов.

Во вторую его поездку в Крым в 1946 году, когда он ехал на автомашине на отрезке дороги от Симферополя до Ялты, как раз на перевале, в его машину с полного хода врезалась старая полуторка. Естественно, бронированный "паккард" выдержал столкновение, а полуторка вся развалилась. Каково же было удивление, когда из нее вылезла женщина-водитель лет сорока пяти. Вышел тогда из машины и Сталин. Женщина, не разобравшись в ситуации, с наивной прямотой сказала: "Как же вы дальше поедете?» Сталин, увидев ее жалкий вид и разбитую машину, поняв, что инцидент произошел из-за дождливой погоды, ответил ей: «Мы-то поедем. А вот как вы поедете?»

Сталин сказал тогда министру госбезопасности Абакумову, следовавшему в кортеже, чтобы эту женщину не привлекали к ответственности, но, по всем данным, Абакумов все же допрашивал ее.

Это был единственный случай, когда Сталин попал в

автомобильную аварию. Он не любил летать на самолетах, редко купался в море и предпочитал больше ездить на автомашинах и в поезде. Для этих целей в Москве были оборудованы специальные машины на базе американского «паккарда", а затем созданы отечественные «ЗИС-110» с бронированной защитой и пуленепробиваемыми стеклами. До сих пор пять таких «зисов» стоят в гараже в качестве образцов специальной автомобильной техники прошлого, и нужно сказать, что по своей форме, интерьеру и техническим данным они не хуже современных спецавтомашин. Сталин обычно занимал в машине место сзади, между двумя сотрудниками охраны, а в последние годы ездил на откидном сиденье.

Свои поездки по железной дороге Иосиф Виссарионович совершал в спецвагоне, также хорошо оборудованном с точки зрения безопасности. В этом вагоне, отделанном дубовыми и ореховыми панелями, на вид все было просто, но в то же время сделано с большим вкусом. В нем имелись: зал заседаний, спальня, кухня, купе для охраны и проводников. Этим вагоном Сталин пользовался обычно при поездке на юг.

Хочется еще раз подчеркнуть, что безопасность И. В. Сталина была весьма надежной и строилась вполне квалифицировано, начиная с контроля продуктов и кончая проведением крупных оперативных мероприятий, в результате чего явных покушений на него не было. Другое дело, когда вынашивались планы, готовились и засылались в Союз боевики для этих целей и т. п.

* * *

Большая заслуга в организации службы охраны, несомненно, принадлежала генерал-лейтенанту Н. С. Власику, начальнику Главного управления охраны НКВД, созданного на базе бывшего Оперативного отдела. Во всех местах пребывания И. В. Сталина: на работе, на отдыхе, в поездках, все мероприятия по обеспечению его безопасности проводились продуманно и основательно, с учетом особенностей обстановки, задействованных сил и средств. Особенно тщательно несли свою службу сотрудники охраны на трассах проезда, применяя тактику смены маршрутов движения и скрытого наблюдения за их состоянием.

Строгий режим контроля существовал и в приемной Председателя Совета Министров СССР. В кабинет к Сталину допускались только после проверки на наличие оружия. Такой же порядок был и на даче.

Рабочий кабинет Сталина располагался на втором этаже здания Совмина в Кремле. Это объемное, но в то же время удобное помещение, отделанное под орех. Здесь все было расставлено со вкусом, удобно и для работы, и для приема посетителей, и для короткого отдыха. По другую сторону приемной находился зал заседаний, в котором, как правило, проходили все совещания.

Квартира Сталина в Кремле находилась на Коммунистической улице, напротив Потешного дворца. Она состояла из двух комнат, являвшихся кабинетом и спальней, а также холла и длинного коридора. Кабинет одновременно служил и столовой. До сих пор в этих комнатах стоит шифоньер и письменный стол из красного дерева, диван, на котором обычно спал Сталин. Обстановка в квартире, посуда, одежда — все указывало на то, что там жил и работал человек весьма скромный и неприхотливый. В этих помещениях позже располагается обслуживающий персонал Большого Кремлевского дворца. И каково же было удивление, когда обнаружилось, что один из сотрудников дворца долгие годы сидел в кресле, которое в свое время было специально сделано для И. В. Сталина и которое длительное время искали и не могли найти.

Вторая квартира, в которой Иосиф Виссарионович жил в годы войны и в которой он принимал У. Черчилля и усиленно угощал его грузинским вином, размещалась в корпусе № 1 здания Совета Министров СССР. Эта квартира находилась на первом этаже, рядом с особым подъездом, и была удобна в том отношении, что Сталин без труда попадал из нее в свой рабочий кабинет.

Сталин не любил излишеств, привыкал к вещам и очень раздражался, когда что-либо меняли без его согласия. Однажды ночью ему заменили его старые, растоптанные ботинки новыми, считая, что делают ему добро. Утром, не найдя своих ботинок, Иосиф Виссарионович устроил всей охране и горничной настоящий разгон, заставил их вернуть ему прежние ботинки и посоветовал больше таких вещей не делать.

Он любил просторную одежду, которая скрадывала бы его полноту и придавала более солидный вид. Терпеть не мог декоративных излишеств на кителе и поэтому носил только Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Он долго отказывался от присвоения ему звания Героя Советского Союза, считал, что оно должно присваиваться только за личное мужество. Позднее, когда это звание ему было присвоено, он так и не принял Звезду Героя Советского Союза и она оставалась в наградном отделе.

Сталин очень сожалел, что согласился на присвоение ему

звания Генералиссимуса Советского Союза, в чем его усиленно и не раз убеждали Каганович и Берия.

По словам сотрудников охраны, Иосифа Виссарионовича сильно раздражало, когда он слышал в свой адрес громкие возгласы и приветствия. При встречах с ними и с обслуживающим персоналом в Кремле, на даче, во время отдыха на юге и в других местах Сталин всегда здоровался первым, независимо оттого, знал он их лично или нет. Не в пример другим советским руководителям Иосиф Виссарионович очень доброжелательно относился к своей охране, в беседах с сотрудниками интересовался их службой, бытом, условиями семейной жизни и т. п., старался не замечать их излишних маневров во время прогулок и не мешать им в работу.

Иногда вечером Сталин выходил на прогулки по Кремлю. Он любил ходить вокруг небольшого фонтана, расположенного в сквере между зданием правительства и Арсеналом. Как правило, он в это время был один, и казалось, что он о чем-то думает. Часто останавливался около деревьев и сосредоточенно рассматривал их, щупая руками листву. Вся прогулка обычно занимала не более получаса, но давала ему возможность отвлечься от насущных дел, немного подышать свежим воздухом, чтобы вновь засесть за дела до глубокой ночи. То же самое он делал на даче, где любил прогуливаться или сидеть на балконе даже в зимнее время, одевшись в тулуп, валенки и шапку.

* * *

Сталин страшно не любил ворон, вернее, он терпеть их не мог. Считал их слишком умными птицами и не мог понять секрета их долгожительства. Он сравнивал их с людьми, одетыми в черное. Их истошные крики, как правило, выводили его из нормального состояния. Свое негативное отношение к воронам он передал и ближайшему окружению. Об этом хорошо знали комендант Кремля и начальник его охраны, которые специально занимались борьбой с воронами на территории Кремля.

Это была настоящая война, в которой применялись различные средства для истребления ворон. В них стреляли из мелкокалиберных винтовок, пытались травить, но ничего не получалось. На какие только хитрости не шли, чтобы отучить ворон селиться в Кремле. Их специально приучали к кормлению на Ивановской площади, но, когда им давали отравленный корм, вороны, как по команде, отворачивались от него и улетали. Они нашли приют на колокольне Ивана Великого, вокруг колоколов

на звоннице, в куполах соборов, под крышами зданий Кремля. Тысячи ворон ежедневно обгаживали исторические памятники, задавая тем самым работу блюстителям чистоты и порядка в Кремле.

Борьба с засильем ворон в Кремле была в центре забот всех его комендантов. Каждый из них внес свой вклад в нее, применяя свои методы, и стремился избавиться от них. Особенно много внимания уделял этому генерал-лейтенант Сергей Семенович Шорников, который находился в должности коменданта Кремля с 1968 по 1987 год.

Этот замечательный и весьма интересный человек, обладавший огромным трудолюбием и прекрасным эстетическим вкусом, прилагал немало усилий к благоустройству Кремля. Под его руководством были осуществлены грандиозные реставрационные работы Большого Кремлевского дворца, отремонтированы и приведены в надлежащее состояние другие помещения и здания. Ему принадлежит большая заслуга в сохранении прежней планировки и в озеленении территории Кремля, укреплении его стен, прясел и башен. Кремль в современном виде наглядное свидетельство благородной деятельности генерал-лейтенанта С. С. Шорникова.

Однако определенное место в его деятельности занимала борьба с воронами. По этому поводу он не раз приглашал к себе ученых-орнитологов, советовался с ними — ничего не помогало. Тогда решили устроить ловушки с искусственными чучелами ворон внутри их. Ежедневно таким способом отлавливали до 150 ворон, а в общей сложности их выловили свыше 35 тысяч и сдали на откорм зверям в зоопарк.

Ворон уничтожали, а они прибавлялись и прибавлялись. И тогда решили испытать еще один способ. Обучили солдат соколиной охоте на ворон. Как только в Кремле появлялись вороны, взлетали соколы и били их на лету. Вороны боялись соколов, стали обживаться в местах, недоступных для них. И как бы в насмешку одна ворона умудрилась устроить себе гнездо прямо перед окнами кабинета коменданта Кремля С. С. Шорникова. Война с воронами в Кремле продолжается и по сей день.

* * *

Одной из особенностей Сталина было то, что он мог показать себя с самой неожиданной стороны. Так, всем было в диковинку, когда он приехал на вокзал провожать посла. Больше месяца он

выдерживал Мао Цзэдуна, он не принимал его, хотя тот приехал в Советский Союз с официальным визитом. После же он проявил по отношению к нему такое кавказское гостеприимство, что Мао забыл все свои обиды.

На Ялтинской конференции глав государств антигитлеровской коалиции Сталин удивил всех армянским коньяком. Об изготовлении его подробно поведал затем бывший Председатель Совета Министров Армянской ССР Арам Сергеевич Пирузян. Он рассказал: «Где-то в середине 1944 года мне позвонил И. В. Сталин и сказал: «Я знаю, что в Армении давно работают над созданием коньяка высшего качества. Такие же работы ведутся и в других республиках Закавказья. Необходимо в кратчайший срок изготовить первоклассный ароматный коньяк и представить его к концу года на дегустацию в Москву».

Задание было весьма сложным для тяжелого военного времени, но его надо было срочно выполнять. Как выяснил потом Арам Сергеевич, такая же команда была дана и руководителям правительств Грузии, Азербайджана и республик Средней Азии. Впоследствии Сталин не забыл своего указания и, несмотря на большую занятость и трудное положение, иногда звонил и спрашивал: «А как обстоит дело с коньяком?»

Шел ускоренный процесс изготовления коньяка, над чем работали многие винодельческие предприятия и лучшие мастера коньячного дела. К намеченному сроку было изготовлено несколько его сортов и наряду с подобной продукцией других республик армянские коньяки были доставлены в Москву.

Сталин лично дегустировал их и признал самым лучшим армянский коньяк. Никто тогда не знал, для каких целей все это делалось в спешном порядке и в такое трудное время. Только после завершения Ялтинской конференции стало известно, что армянский коньяк пришелся по вкусу всем руководителям великих государств и членам их делегаций, а затем и получил огромную популярность. Особенно он понравился Черчиллю, который до конца своей жизни ежегодно закупал целый железнодорожный вагон армянского коньяка.

Говорят, что когда Черчилля спрашивали о причинах его долгожительства, а он умер в возрасте девяноста с лишним лет, то он отвечал: «Пейте армянский коньяк, курите гаванские сигары и никогда не опаздывайте к обеду».

Л. П. Берия

Таков был Сталин. С ним было и легко и трудно работать. Все сотрудники безопасности, которые долгие годы проработали в его охране, вспоминают о нем только с хорошей стороны. Даже если он кого-то и наказывал, они воспринимали это правильно и не высказывали своих обид или плохого мнения о нем. Особенно они не могли простить Берию за то, что он хотел отравить у них чувство уважения к Сталину.

Сталин, желая иметь рядом с собой близкого по национальности человека, совершил большую ошибку, выдвинув Берию на пост наркома внутренних дел. Он не учел его прошлого, а возможно, и не хотел принимать его во внимание, потому что на этом посту ему нужен был свой человек. Мало ли чего в прошлом было у многих советских руководителей. Микоян, например, остался по каким-то причинам в живых — один из двадцати семи бакинских комиссаров. Двадцать шесть из них англичане расстреляли, а Микоян остался жив и прекрасно работал на посту наркома пищевой промышленности страны. Поэтому связь Берии с муссаватистами и английской разведкой Сталин, по-видимому, считал не таким уж большим криминалом.

Берия нужен был Сталину по одной весьма важной причине. К этому времени Сталин в течение шести лет был один. У него не было жены, дети были малолетними. Старший сын Яков жил отдельно. Вокруг Сталина образовалась своего рода пустота. Кроме работы, он ничего не знал. Редкие посещения театров, просмотры кинокартин, которые он очень любил, не могли заменить ему личного общения. Друзей почти не осталось. После трагической смерти жены родственники и близкие стали избегать его. Многие из них были арестованы, ибо Сталин поверил в правдивость доносов на них.

К 1938 году И. В. Сталин уже в течение более 20 лет находился на высоких партийных и государственных должностях. 16 лет из них он являлся первым лицом в партии и государстве. На его плечах лежала великая страна, в которой проходили бурные процессы, жестокая классовая борьба. Он хорошо знал, что многие старые большевики, военные и просто противники не могли смириться с тем, что он занимал такое высокое положение. Они не терпели его и всеми средствами хотели отстранить от власти, освободить партию и народ от этого русского грузина, который, лавируя между ними и сталкивая их между собой, всегда брал верх и, главное, твердо вел страну по ленинскому пути к социализму.

К Сталину поступали многочисленные сигналы о готовящихся на него покушениях. Хотя он верил своей охране и с уважением относился к ней, в этой обстановке он все же решил поставить близкого ему человека во главе органов безопасности.

И нужно сказать, что в первые годы работы в Москве Берия проявлял исключительную активность в обеспечении его охраны. Он окружил Сталина подобранными им и верными ему грузинами, которые щедро награждались орденами и медалями и наделялись генеральскими званиями. Как правило, они составляли обслугу Сталина (повара, снабженцы, комендантты, горничные и т. п.), претендовали на приоритет в его обслуживании и поэтому были не в ладах со службой охраны. В конце концов Сталин увидел в этом опеку и контроль над собой, опасность даже со стороны Берии и приказал выпроводить всех грузин с дачи и из Кремля.

* * *

В это время у него появились первые симптомы подозрительности, что свойственно многим руководителям такого уровня. Несомненно, на это оказало определенное влияние массовое раскрытие органами НКВД шпионских и террористических групп и произведенные ими диверсионные акции, показания на процессах оппозиционеров, доклады о негативных высказываниях о нем со стороны товарищей по партии и даже родственников. В итоге у него создалось отрицательное мнение о людях, которых он знал многие годы.

По словам старых чекистов, 30-е годы в жизни советского народа характеризовались массовым потоком доносов и ложных обвинений в адрес видных советских партийных и хозяйственных работников, военных и специалистов. Арестованные враждебные элементы, как правило, «выдавали» честных советских граждан, наговаривали на них, приписывали не свойственные им действия и высказывания, а те в свою очередь под давлением "улик" тянули за собой цепочку других людей, фактов, событий. В целом же все это создавало атмосферу, способствующую незаконным действиям следственных органов, постоянному хождению различных слухов и сплетен, нагнетанию обстановки напряженности в стране. Это как раз и послужило причиной массовых арестов, приговоров за антисоветскую и враждебную деятельность советских граждан, среди которых было много невинных жертв.

Арестовывали в тот период за анекдоты, случайные

высказывания, недовольство, а порой по вымышленным наветам на честных и лояльных советских граждан. Все они оказались в лагере врагов наряду с подлинными врагами народа. Дело приняло оборот, как в пословице «лес рубят — щепки летят», и этих щепок оказалось слишком много. Особенно больно волна арестов ударила по Вооруженным Силам и захватила опытные командные кадры армии и флота.

В кампанию репрессий были втянуты партийные и советские органы, различные ведомственные учреждения, творческие союзы и организации. К ней подключились руководители районных, областных, краевых, республиканских и союзных партийных комитетов и Советов. В Москве в этом деле проявили себя Л. М. Каганович и Н. С. Хрущев. Последний с 1934 по 1938 год являлся первым секретарем Московского городского комитета партии и санкционировал аресты и репрессии десятков тысяч членов этой боевой и самой передовой партийной организации.

Особую роль в этой кампании играл Сталин. С одной стороны, он правильно решал вопросы привлечения к ответственности за антисоветскую, заговорщическую и террористическую деятельность всех отщепенцев, которые стали подручными Троцкого и нацистских спецслужб. Однако он и ЦК предоставили слишком много прав Ежову и в его лице органам госбезопасности, позволили им выйти из-под контроля и втянуть в волну репрессий руководителей партии и самого Сталина.

Основной причиной нагнетания обстановки и преследований, несомненно, явилась угроза внешней опасности, которая дала возможность внутренней оппозиции в лице германской агентуры и членов заговорщических право-троцкистских организаций поднять голову и встать на путь политического террора. Но за этими деревьями не хотели видеть леса — миллионы советских граждан, оказавшихся в орбите репрессий и понесших тяжелые наказания. Вот в этом Сталин полностью виноват.

Он несет главную ответственность за разгул ежовщины, которую своевременно не пресек, дал ей разрастись и нанести огромный, непоправимый моральный ущерб советскому народу. Ежовщина прошла косой и по органам государственной безопасности. Вначале она нанесла смертельный удар по мафии Ягоды, после чего в НКВД осталось мало сотрудников еврейской национальности. На их место пришла новая когорта подобранных Ежовым работников, составившая в органах особую группу, противопоставившую себя основной массе сотрудников.

* * *

В течение 1936–1938 годов в Москве прошло четыре крупных судебных процесса над руководителями и активными членами оппозиционных заговорщических организаций, таких, как «троцкистско-зиновьевский террористический центр», «троцкистский параллельный центр», группа высокопоставленных советских военачальников и антисоветский «правотроцкистский блок». Перед судом предстали Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек, Бухарин, Рыков, Ягода, Тухачевский и многие другие сподвижники Троцкого.

Процессы широко освещались в прессе, транслировались по радио, на них присутствовало значительное число иностранных дипломатов, корреспондентов, журналистов. Почти все обвиняемые были приговорены к расстрелу за совершенные ими преступления, связанные с убийством Кирова и других видных советских руководителей и общественных деятелей, подготовкой ряда террористических актов против Сталина и его соратников, а также за осуществление террора и вредительства, за связи с германской и японской разведками, за подготовку военного путча, т. е. «дворцового переворота», и захвата с помощью фашистской Германии власти в СССР.

Глубокое впечатление произвели они на американского посла в Москве Джозефа Э. Дэвиса, который ежедневно присутствовал в зале суда и с помощью переводчика внимательно следил за их ходом. Будучи адвокатом, Дэвис дал вполне квалифицированную оценку происходившим тогда событиям в Советском Союзе и судебным процессам.

В секретной телеграмме на имя государственного секретаря Карделла Хэлла от 17 февраля 1937 г. он сообщал: «Я беседовал чуть ли не со всеми членами здешнего дипломатического корпуса, и все они, за одним только исключением, держатся мнения, что на процессе (имеется в виду процесс над «троцкистским параллельным центром» — Прим. автора) было с очевидностью установлено существование политического сообщества и заговора, поставившего себе целью свержение правительства».

Высокую оценку американский посол дал советскому суду и обвинению в лице А. Я. Вышинского, которого антисоветская пропаганда изображала «жестоким инквизитором». По его мнению, «Вышинский очень похож на Гомера Каммингса (министра юстиции в администрации Ф. Д. Рузвельта — ***Прим. автора)*** — такой же спокойный, бесстрастный, рассудительный, искусный и мудрый. Как юрист, я был глубоко удовлетворен и восхищен тем, как он вел это дело»[8].

Американский журналист Уолтер Дюранти,

присутствовавший на процессе по делу антисоветского правотроцкистского блока, писал затем в своей книге «Кремль и народ»: «Это был по существу заключительный, итоговый процесс, потому что к этому времени дело стало ясным, прокуратура овладела фактами и научилась распознавать врагов — и доморощенных, и импортированных. Временные колебания и сомнения теперь рассеялись, так как процессы один за другим (в особенности, по моему мнению, процесс «генералов») постепенно восполняли картину, которая во время убийства Кирова была столь неясной и хаотичной…»

Московские процессы наделали много шума в стране и за рубежом. В большом смятении оказались тогда все те, кто когда-то принадлежал к оппозиции, выступал против или высказывал несогласие с политикой партии и правительства. Все эти люди сразу же ушли в глубокое подполье или надолго замкнулись в себе, чтобы избежать арестов и отсидеться до лучших времен. Они не дожили до дня расплаты, но их потомки сполна рассчитались за своих предков.

Поэтому И. В. Сталин правильно предупреждал в 1937 г. на февральско-мартовском Пленуме партии: «Чем больше мы будем двигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем сильнее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных».

Это положение подтвердилось всем ходом внутренних и международных событий в нашей стране в последние годы.

* * *

Однако это положение Сталина привело тогда к бериевщине. Берия, войдя во вкус власти, стал убирать неугодных ему людей из руководства партии и страны и стал опасным для самого Сталина.

В конце сороковых годов волна бериевщины вылилась в так называемое «Ленинградское дело». Существо его лучше всего можно понять из рассказа А. Н. Косыгина, услышанного мною в г. Иванове во время одной из его последних поездок.

На обеде, на котором присутствовал и автор, Алексей Николаевич тепло поблагодарил за хорошее приготовление русских блюд пожилую женщину-повара. Взволнованная лестным отзывом, она в ответ сказала, что знает его еще с первых

послевоенных лет, когда он приезжал к ним на комбинат, где она работала ткачихой. «Но почему-то после, — добавила она, — вы долго у нас не были. И сейчас приятно видеть вас вновь на нашей, ивановской земле».

А. Н. Косыгин ответил, что он всегда рад встречам с ивановцами, так как в молодые годы часто бывал здесь и создавал текстильную промышленность. Затем уже в узком кругу Алексей Николаевич рассказал, что «мог бы вообще тогда уехать в безвестность, ибо в тот период — с 1948 по 1950 год — многие ленинградцы, работавшие в Москве, в Центральном Комитете партии и на высоких административных должностях, попали в опалу, были сняты с занимаемых постов, арестованы и расстреляны».

«Для меня, — продолжал Алексей Николаевич, — это было самое тревожное и страшное время. Я был отстранен от работы и ежедневно ждал ареста. Почему я остался жив, мне трудно объяснить, но думаю, что меня спас Сталин».

А. Н. Косыгин объяснил происшедшее тем, что после войны слишком высоко поставили себя над другими ведомствами органы госбезопасности в лице Берии. Он пользовался огромным доверием Сталина, что развязало ему руки и дало возможность влиять даже на самого Сталина. Это и послужило причиной того, что Берия стал тихо убирать всех неугодных ему и его другу Маленкову видных и способных партийных и хозяйственных работников. Началось все с Ленинграда, где якобы в то время имели место проявления русского национализма, выразившегося в том, что ленинградцы выступили за провозглашение их города столицей Российской Федерации. Вдобавок к этому им вменялось в вину несогласие с политикой ЦК партии и ряд других преступлений, как, например, участие в заговоре против Центрального Комитета ВКП/б/.

Начались аресты партийных руководителей, директоров предприятий и военных в Ленинграде. Первым был арестован П. С. Попков — первый секретарь Ленинградского областного комитета партии. После этого волна арестов была перенесена в Москву и захватила тех, кто в последние годы был переведен туда на работу из Ленинграда. В основном это были люди ранее работавшие там со Ждановым, которых он и перевел в Москву. Среди них были: Н. А. Вознесенский, член Политбюро, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР, талантливый экономист и принципиальный руководитель; А. А. Кузнецов — секретарь ЦК ВКП/б/, бывший первый секретарь Ленинградского областного и городского комитета партии, один из организаторов обороны Ленинграда; Г.

М. Попов — секретарь ЦК ВКП/б/, первый секретарь Московского городского комитета партии; Родионов — Председатель Совета Министров РСФСР; Басов — председатель Госплана РСФСР; брат Вознесенского — министр просвещения РСФСР, а также многие секретари райкомов, директора, инженерные работники г. Москвы.

«В опалу попал тогда и я, — рассказывал Алексей Николаевич, — хотя ни к каким группировкам «заговора» не принадлежал. Считаю все это выдумкой Берии и Абакумова, так как всего этого в действительности не было. Единственной причиной положения, в котором я оказался, было то, что я был ленинградцем».

По словам А. Н. Косыгина, «Сталин дважды высказывал свое мнение о том, чтобы освободить Вознесенского и направить на прежнее место работы, однако Берия и Маленков настаивали на своем. Это как раз и свидетельствовало о большом влиянии Берии на Сталина. Вся причина их поведения сводилась к амбициям и устранению Вознесенского как непокорного Берии, а Кузнецова — как претендента на место Маленкова».

Редко кому удалось избежать сурового приговора. В основном эти люди были расстреляны. Берия сделал все это молчком, тихо и своими методами. О «Ленинградском деле» в то время никто ничего не знал. Ходили слухи и разговоры об арестах и расстрелах, высказывались догадки, и только на XX съезде КПСС о нем стало более или менее известно.

* * *

В последний период жизни Сталина наиболее активно проявился под вывеской антикоммунизма — антисемитизм. Еврейский вопрос в СССР обычно рассматривался в общенациональных рамках. За евреями признавалось право иметь самостоятельное национальное образование со своим языком и культурными институтами. С 1947 года это Еврейская автономная область с центром в г. Биробиджан. Однако в этой области, как говорят в шутку, с тех пор проживает всего лишь один еврей — первый секретарь областного комитета партии, а ныне, по всей вероятности, глава областной администрации.

Евреи проживают по всей территории Советского Союза и предпочитают больше селиться в западных районах страны. Большие еврейские колонии обосновались в Москве (более 500 тысяч человек), в Киеве, Одессе и других республиканских и областных городах. После войны они стали усиленно проникать

на работу в министерства и ведомства страны и республик, захватили в значительной мере такие отрасли деятельности, как культура, музыка, медицина, торговля, идеология, средства массовой информации. Они начали открытую кампанию по созданию в Крыму еврейской автономной области. На худой конец были согласны на территорию на Волге после выселения оттуда немцев Поволжья.

Началось наступление на евреев. Эту кампанию активно проводил секретарь ЦК ВКП/б/ А. А. Жданов. Вслед за литераторами и кинематографистами атаке подверглись философы, экономисты, языковеды, музыканты. Особенно досталось режиссерам Эйзенштейну, Пудовкину, Козинцеву, Траубергу, композиторам: Прокофьеву, Шостаковичу, Хачатуряну, Мурадели, философу Александрову и другим.

Резкой была критика публикаций в ленинградских журналах Зощенко и Ахматовой. Первого Жданов назвал «беспринципным и бессовестным хулиганом», а вторую — «блудницей и монахиней, у которой блуд смешан с молитвой».

Наряду с борьбой против низкопоклонства и преклонения перед западной культурой, литературой и искусством проводилась идеологическая работа по поднятию чувства патриотизма и национальной гордости у советских людей, и особенно у молодежи, за все отечественные достижения в этих областях.

Вся эта кампания была направлена в русло «антикосмополитизма», хотя велась главным образом против евреев. Своего апогея она достигла в связи с «делом врачей». Руководство НКВД в лице Берии доложило Сталину о том, что к ним обратилась с письмом врач Л. Тимашук, в котором она утверждала, что Жданов умер вследствие неправильного лечения, умышленно установленного неверного диагноза с целью его умерщвления. Вскоре после этого было получено письмо от Маршала Советского Союза И. С. Конева, который утверждал, что его хотят отравить таким же путем, что и Жданова.

В это время особое значение стали придавать национальной принадлежности и изменению фамилий, указанных в анкетах-автобиографиях. Дело в том, что лица еврейской национальности, почувствовав гонения, стали изменять свои фамилии на русские, брать их по русской матери, скрывать девичьи фамилии матерей-евреек. Все хотели стать русскими, потому что евреев не считали заслуживающими доверия. Их увольняли с работы, связанной с государственными секретами, от них основательно очистили органы госбезопасности и армию.

В результате в январе 1953 года были арестованы ведущие

врачи Кремлевской больницы, специалисты и светила в области медицины: В. Н. Виноградов, В. К. Василенко, М. С. Вовси, М. Б. Коган, А. Фельдман, Я. П. Раппопорт и другие, всего около десяти человек. Почти все они были евреями. Вокруг их ареста и следствия по их делу было много шума в прессе, сопровождавшегося призывами к бдительности и разоблачению безродных космополитов. Несомненно, что все это осуществлялось под руководством Берии и нового министра госбезопасности С. Д. Игнатьева. Последний в эту кампанию был втянут Берией, с тем чтобы самому остаться в тени.

После смерти Сталина это «дело» было прекращено и врачи были реабилитированы. Однако это не означает, что Берия изменил свое мнение. Он просто вовремя сориентировался, понял, что идти прежним путем в новой обстановке — значит погибнуть.

Врачи были освобождены из-под ареста, и им были принесены извинения, хотя некоторых из них уже не оказалось в живых. Грязные дела Берии и его клики послужили поводом для незаслуженного обвинения всех чекистов. Кое-кому хотелось тогда усмотреть в органах госбезопасности больше карательный институт, нежели защитника интересов и органа обеспечения государственной безопасности страны. Это была грубая ошибка смешивать славных советских разведчиков и контрразведчиков с кучкой авантюристов и нарушителей законности.

* * *

Берия был в центре всех событий, связанных с последним периодом жизни Сталина. Он ненавидел Сталина, желал быстрее избавиться от него. В то же время он страшно боялся его. Он льстил, изворачивался, стремился быть лояльным, преданным, но ждал и надеялся, что Сталин скоро уйдет из жизни. Смерть Сталина развязывала ему руки для осуществления его эгоистических и преступных планов захвата власти. Он считал себя выше всех других руководителей партии и страны, поэтому Сталин мешал ему. Вместе с тем Берия хорошо отдавал себе отчет в том что без Сталина он ничто. Его авторитет в стране, особенно после войны, рос и поднимался только на волне величия Сталина.

А Сталин в то время был в зените славы. Героические дела Красной Армии, ее грандиозная победа в Великой Отечественной войне, послевоенные достижения и успехи советского народа все выше поднимали авторитет Советской страны, и все громче произносилось имя Иосифа Виссарионовича Сталина. Его

провозглашали «вдохновителем и организатором всех наших побед», ставили в делах и свершениях наравне с партией и советским народом, а подчас над ними и гораздо выше их. Сталин выглядел мощной, колоритной фигурой, олицетворявшей единство и мужество советского народа, партии и победоносных Вооруженных Сил СССР. Он был выдающимся международным деятелем, одним из наиболее видных руководителей стран-участниц антигитлеровской коалиции.

До настоящего времени в лице Сталина видят одного из гигантов, лидеров военной поры, вписавшего немало ярких страниц в военное искусство и международные отношения. Советские люди, особенно воины Красной Армии, гордились тем, что их возглавлял такой талантливый и искусный руководитель, организатор и военачальник. С именем Родины и Сталина они поднимались в атаки, шли в бой и умирали. Они верили в него, видели в нем символ своих надежд и побед. О нем слагал стихи, песни, ему создавали памятники и бюсты, посвятили огромное количество литературных произведений, газетных статей, репортажей и т. п. Со временем все это нагнеталось и переросло в чрезмерное восхваление заслуг и личных качеств Сталина.

В первую очередь этому способствовали писатели, поэты, журналисты, радиокомментаторы и партийные работники. Дело дошло до того, что без имени Сталина советские люди не могли ничего делать. Они ложились спать с его именем и вставали с ним утром на работу. Все собрания, заседания, митинги и другие массовые мероприятия проходили при непременном упоминании имени Сталина. В его адрес необходимо было в обязательном порядке направлять приветственные телеграммы и заверения в любви и уважении к нему и КПСС, в выполнении и перевыполнении обязательств и стоящих перед коллективами задач.

Если до войны воздаваемые Сталину почести еще не выходили за рамки приличия, то сейчас это не соответствовало даже нормальной нравственности. Обращения, письма, телеграммы в адрес Сталина, как правило, начинались со слов: «Дорогому и любимому", «Великому вождю и учителю» и т. п. Все это писалось в газетах и журналах, произносилось по радио по нескольку десятков раз в день. Дело дошло до того, что к этим высокопарным эпитетам советские люди привыкли так, что перестали обращать на них внимание. Они просто стали обычным явлением как знак постоянного уважения к огромным заслугам И. В. Сталина перед советским народом, нашей великой страной и прогрессивным человечеством.

Источником такого проявления «любви и уважения»

к Сталину был не он сам, как это привыкли изображать впоследствии некоторые его критики, а та обстановка, которая сложилась после войны, героическое ее завершение, великая победа над фашизмом и, несомненно, не менее огромное подхалимство и лесть многочисленных литературных и партийных деятелей того времени. И эта волна, поднявшая его на щит под фанфарные гимны, нарастала до конца его жизни. На ней строили свое благополучие высокие и малые руководители, военные, представители науки, искусства и культуры, писатели, журналисты, многие из которых позднее окрестили все это «культом личности Сталина».

* * *

Однако, несмотря на крайности в чрезмерном восхвалении, а затем и дискредитации Сталина, все же следует отдать ему должное. Для народа, для простых людей, которые под его руководством строили социализм, победили в трудные годы войны и в период восстановления послевоенной разруби, Иосиф Виссарионович был и останется великим человеком, гениальным самородком, выдающимся организатором и идейным вдохновителем всех славных дел и свершений. Он был по-настоящему могучей личностью. Этих качеств и заслуг у Сталина никому и никогда не отнять. Советский народ должен гордиться, что из его недр вырос такой исполин, которого уважал и боялся, перед которым преклонялся весь мир. Этого как раз и страшился Берия, ибо в таких условиях, замахиваясь на Сталина, он в первую очередь бил по себе.

Он видел, что со временем Сталин стал все меньше появляться на людях, реже выступать перед народом, делая это в самых необходимых случаях. Это были признаки старения, хотя пресса и партийная пропаганда на все лады старались возносить его имя и гениальность. Каких-либо альтернатив власти и личности Сталина тогда не было. Те, кто пытался иметь свое мнение или выдвинуться благодаря своим способностям и талантам, как правило, отодвигались, и в первую очередь Берией, на второстепенные роли и направлялись на работу подальше от Москвы.

К тому же Сталин с еще большей подозрительностью стал относиться к своему окружению, периодически приближая одних и отдаляя других. Он видел и хорошо понимал, что в высшем эшелоне руководства царят соперничество и взаимные интриги. Пристально наблюдая за складывающимися между членами

Политбюро отношениями, он умело направлял их в нужное русло и держал под своим контролем. Этого Берия тоже не мог не видеть и не принимать во внимание.

Слабым звеном в жизни и деятельности Сталина, по мнению Берии, было одиночество. Рядом с ним не было близкого человека, который мог бы заполнить образовавшийся в его личной жизни вакуум.

Это могли сделать дети: сын Василий и дочь Светлана. Но Василий, хотя и стал генералом, командующим ВВС Московского военного округа, чувство удовлетворения у отца не вызывал. Он беспробудно пил, и его держали в Вооруженных Силах только из-за отца. По этой причине Сталин вынужден был дать согласие на отстранение его от должности и направление на учебу в Академию Генерального штаба. Василий был трижды женат, и все жены ушли от него. Он погряз в кутежах и пьянках, как правило, со спортсменами и сомнительными личностями грузинской национальности.

Дочь также не радовала Сталина. Она виделась с отцом очень редко и по ряду причин избегала встреч с ним. Главная из них состояла в том, что Сталин не мог терпеть ее знакомых и мужей, которые, кроме Юрия Жданова, были евреями.

Иосиф Виссарионович редко виделся со своими детьми, лишь иногда приглашал их отдыхать на юг. Со временем он отвык от них. Ему шел 72-й год, но он был еще бодр, ходил энергичной походкой и не стремился обращаться к врачам по поводу своего здоровья. Возможно, он знал свои слабые, больные места, однако старался скрывать их от окружения, и особенно от врачей. Чрезмерная работа, переутомление в последние годы вызывали частые головные боли. Сталин избавлялся от них своими средствами, употребляя легкое грузинское вино.

Смерть Сталина

Сталин был одинок. Он действительно чувствовал себя в каком-то вакууме и стремился по возможности не отдаляться хотя бы от близких людей. Поэтому приглашал их на просмотры новых кинокартин или к себе на дачу в Волынское (Кунцево) на товарищеский обед. Об этих трапезах в последнее время много пишут, противореча друг другу, но претендуя на оригинальность.

Сталин любил слабое, мягкое, ароматное грузинское вино, и трудно поверить, чтобы в эти годы при такой рабочей нагрузке он мог пить до такой степени, как это изображает в своих мемуарах Хрущев. Наоборот, сам он был большим любителем спиртного, и это отлично знают многие из его окружения.

Близкие к Сталину люди утверждают, что в последнее перед смертью время он чувствовал себя нормально. Все находили его вполне здоровым. По высказываниям сотрудников охраны и его обслуги, Сталин не жаловался на недомогания, лишь сон у него был тяжелым, иногда он вскакивал с постели, дико кричал, но, успокоившись, вновь засыпал.

Внешними признаками его состояния были: повышенная раздражительность, недоверие к окружающим и подозрительность, что, возможно, послужило причиной того, что в последнее время в немилости у него были Молотов, Микоян, Каганович и другие. В то же время были приближены молодые деятели партии и государства: Маленков, Берия, Булганин, Хрущев.

Несмотря на такую расстановку в высоких эшелонах советского руководства, можно предположить, что Сталин не доверял и последним. Берию он боялся, Маленкова считал слишком мягкотелым, Булганина — богообразным, а Хрущева — прикидывающимся простаком, заискивающим и хитрым. Может быть, поэтому Иосиф Виссарионович не оставил после себя никакого завещания и не пошел по пути Ленина, чтобы не оказаться необъективным и не поссорить своих преемников, а главное — не дать повода спекулировать его мнением в отношении их.

Однако смерть пришла к Сталину неожиданно. В ночь на 2 марта 1953 года у него произошло кровоизлияние в мозг с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Сотрудники охраны нашли его утром лежащим на полу в кабинете. Накануне, 1 марта, вечером, он долго работал, что, как полагали врачи, и послужило причиной несчастья. По предположениям некоторых сотрудников охраны, Сталин мог

выйти из кабинета в туалет и, возвращаясь, зацепиться ногой за ковер и упасть, что, возможно, и послужило причиной трагедии.

Принимать во внимание в качестве причины смерти состоявшийся в ночь с 28 февраля на 1 марта обед, когда, по утверждению Хрущева, Сталин прилично выпил и был в хорошем настроении, было бы нелогично, ибо с того времени прошло почти около суток. По существу, этот обед оказался последним, прощальным для Сталина с Маленковым, Берией и Хрущевым. Почему-то Иосиф Виссарионович после него очень нежно прощался с Хрущевым, называя его по-украински «Мыкита».

Обнаружив Сталина утром 2 марта лежащим на полу, начальник личной охраны полковник Старостин немедленно сообщил об этом своему руководству. В ответ последовал звонок от Берии, который предупредил, чтобы о состоянии Сталина никуда больше не звонили и никому не сообщали. Маленков и Берия не замедлили прибыть на дачу. Они вошли в кабинет, где лежал на диване Сталин. В это время Сталин сильно захрапел, отчего Берия сделал вывод, что он спит, и они уехали.

Врачи были вызваны к Сталину с большим опозданием, лишь к полудню 2 марта, т. е. спустя примерно тринадцать часов после наступления болезни. 3 марта в газетах было опубликовано первое сообщение о том, что он болен. Врачи делали все возможное, однако они находились в весьма затруднительном положении. Дело в том, что у них не было никаких данных о состоянии здоровья Сталина, ибо он ни разу не обращался за медицинской помощью. На основе установленного диагноза было назначено интенсивное лечение.

В то время вся страна, затаив дыхание, следила за сообщениями о болезни И. В. Сталина.

Почти постоянно на даче находились Маленков, Берия, Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян, Хрущев. Молотов был болен, но и он иногда приезжал туда. Там же все время были сын Василий и дочь Светлана. Василий, как обычно, был сильно пьян.

5 марта весь день шла борьба за жизнь Сталина. В 21.50 он скончался. Когда консилиум врачей установил это, в комнату, где лежал Сталин, вошли члены Политбюро, дети, сотрудники охраны.

Примерно около получаса все стояли молча, не двигаясь. Горько плакала Светлана. Василий на даче еще держался, но, когда приехал домой, напился и поносил всех врачей и членов Политбюро. Смерть отца потрясла его. Он был уверен, что отца отравили.

* * *

Советский народ тяжело воспринял кончину Иосифа Виссарионовича Сталина, который в течение 28 с лишним лет был признанным его руководителем и организатором всех его дел, свершений и побед. Нескончаемым потоком шли в Колонный зал Дома Союзов советские люди, иностранные делегации, представители партийных и советских организаций, предприятий и труженики села, чтобы проститься со своим вождем. Люди не скрывали слез, с болью в сердце говорили о великой утрате. Вся страна пришла в движение, многие простые люди ехали в Москву с дальних окраин, чтобы увидеть и проводить в последний путь товарища Сталина. Все поезда были забиты, в связи с чем было отдано распоряжение милиции оградить Москву от этого потока людей. Их высаживали за сто километров от Москвы, но они пробирались в столицу на машинах, в электричках, товарных поездах и даже пешком. Все эти массы людей дополняли огромные толпы москвичей, рвавшихся к Дому Союзов, стремившихся попасть туда, чтобы отдать дань уважения и посмотреть хотя бы на мертвого Сталина.

С целью установить сравнительно нормальный порядок в городе, центр Москвы был огорожен милицией и внутренними войсками по Садовому кольцу. На улицах Горького, Пушкинской, Неглинной, Трубной площади и площади Дзержинского движение было перекрыто грузовыми автомобилями с песком. Эти меры были вызваны прорывом многочисленных масс людей к центру города. Все стремились проникнуть туда по крышам домов, через подземные коммуникации, сутками выжидая удобного случая, чтобы проскочить к Дому Союзов. Из-за огромного скопления людей началась давка. Люди падали, их топтали ногами, прижимали к грузовикам и стенам домов. Это привело к жертвам, насчитывающим несколько тысяч москвичей и приезжих в столицу граждан.

В то время, когда весь мир скорбел в связи с кончиной И. В. Сталина, единственными, кто радовался этому событию, были югославские руководители. Вот как описывает это в своей книге «Проигранное сражение И. В. Сталина» Владимир Дедиер, летописец Тито, известный югославский авантюрист. «4 марта 1953 года ТАНЮГ мне сообщило, что Сталин тяжело болен. Я позвонил Джидо. Он тоже ничего не знал. По специальному телефону он сообщил об этом Старику, Бевцу и Марко[9].

Я оделся и направился к Вукмановичу Темпо, чтобы сообщить радостную весть… Я ворвался в его канцелярию, и мы обнимались от радости.

Всюду по Белграду виднелись сияющие лица. Неуместно радоваться болезни великого и кровного противника, но народ не

забыл, как он нас оскорблял.

Пришел Джидо. Он сказал мне: «Я очень рад, что мы били Сталина, когда он был в полной силе… И в благодарность за радостную весть подарил мне золотые часы, когда-то подаренные ему самим Тито»[10].

«5 марта 1953 года, когда вся Советская страна и мир были накануне траура, Старик уезжал в Англию. Он был весел… Мы обсуждали значение его поездки в Англию. Для нас было самое подходящее время не только из-за событий в России, в связи с болезнью Сталина, но и потому, что он ехал в Лондон с Балканским пактом в кармане. А этот пакт хорош не только в случае возможной агрессии с Востока, но и ввиду аппетитов Италии с Запада»[11].

Несмотря на нескрываемое злорадство по поводу болезни, а затем и смерти Сталина, высокие югославские руководители все же не могли не признать того, что «хорошо он вел войну». Говоря о положении в СССР, Дедиер в кругу соратников Тито сделал заявление: «Мы еще пожалеем о Сталине… И будем создавать в СССР тайные сталинские ячейки». Это было сказано по поводу того, что в СССР могут прийти к власти деятели хуже, чем был Сталин.

* * *

Похороны Иосифа Виссарионовича Сталина вылились в грандиозную манифестацию единства советского народа, всеобщей признательности и уважения к этому великому гражданину, гиганту человеческой мысли и свершений, выдающихся дел. В минуты траурного шествия, митинга на Красной площади и символического захоронения И. В. Сталина, с ним прощалась вся страна, весь народ, все прогрессивное человечество. На пять минут остановилась жизнь Советского государства от берегов Балтики до Тихого океана, от Большой земли до самой южной точки СССР — Кушки. Затем страна вздрогнула от рева заводских гудков и сирен. С горьким комком в горле, со слезами на глазах и нескрываемой печалью и скорбью провожали в последний путь граждане великой многонациональной Советской державы Иосифа Виссарионовича Сталина, своего вождя и учителя, верного соратника и продолжателя дела Ленина.

Ушел из жизни еще один выдающийся советский государственный и политический деятель, мыслитель, посвятивший всю свою жизнь торжеству марксизма — ленинизма

и социализма.

Ушел из жизни человек, чье материальное богатство состояло из одного комплекта военной формы, растоптанных ботинок, полушубка и подшитых валенок.

Имя Иосифа Виссарионовича Сталина, славного сына грузинского народа, самородка российского, творца общесоюзного объединения свободных социалистических наций, останется в истории страны и человечества на века. С его именем еще долго будут связывать и грандиозные достижения и великие потрясения. Каким он останется в памяти потомков, будет зависеть от того, насколько окажется верна его теория дальнейшего развития классовой борьбы. Одно бесспорно — это величие И. В. Сталина.

Кто убил Сталина

После смерти Сталина Хрущев инициировал дело, связанное с Лаврентием Берия. Судя по его мемуарам, он начал готовить почву среди членов президиума по ликвидации и устранению Берии еще до смерти Сталина: он боялся его и считал опасным для партии и Советского государства человеком, занимавшим ключевое положение в системе органов госбезопасности.

Хрущев не сомневался, что Берия ждал смерти Сталина, был заинтересован в ней и что после Сталина начнет убирать их всех поодиночке в целях захвата власти в партии и стране. По полученным Хрущевым от И. А. Серова, заместителя министра госбезопасности, и С. Круглова, министра внутренних дел, данным, Берия направил органам госбезопасности на местах директиву о переходе на режим боевой готовности. Они доложили Хрущеву оперативный план вооруженного путча, назвали имена заговорщиков. По их мнению, Берия готовил почву для смены высшего руководства, рассчитывая на помощь Маленкова.

Из разговоров в окружении Хрущева сотрудникам охраны тогда стало известно, что Берия намеревался арестовать всех членов президиума на торжественном собрании в Большом театре. За пять дней до этого он был сам арестован.

Тайно Хрущев провел беседы со всеми членами президиума и заручился их поддержкой. Все подготовительные мероприятия велись в отсутствии Берии, когда он находился в Берлине и наводил там порядок в связи с волнениями, послужившими причиной ввода туда советских войск. Берия тогда успешно справился со своей миссией и вернулся из Берлина на коне.

По намеченному плану арест Берии был приурочен к расширенному заседанию Президиума Совета Министров СССР, назначенному на 26 июня 1953 года. В это время предусматривалось поднять по тревоге военные академии и подтянуть к Москве особо надежные воинские соединения. Намечалось также блокировать дивизию МВД под Москвой и отдельный полк внутренних войск в Хамовниках.

Была подготовлена группа военных во главе с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым, в которую входили ряд маршалов, генерал К. С. Москаленко, первый заместитель командующего войсками ПВО генерал П. Ф. Батицкий, начальник штаба МВО генерал А. И. Баксов, начальник политуправления войск МВО полковник И. Г. Зуб и другие.

Все они прибыли в Кремль в ходе заседания президиума и

разместились в соседней комнате с приемной зала заседаний Совмина СССР. По условному сигналу Хрущева военные должны были войти в зал заседаний и арестовать Берию. Все они были вооружены, причем генерал Батицкий — трофейным немецким парабеллумом, а Москаленко — вальтером. Не забыл взять на всякий случай свой пистолет и сам Хрущев. Все члены президиума и военные были готовы и пребывали в ожидании сверхъестественного развития событий.

Единственным человеком, который был беспечен и крайне спокоен, был Берия. Он пришел на заседание последним, тихо занял свое место и спросил о том, какие вопросы предстоит на нем решать. Он был просто одет, без галстука, имел при себе портфель. Никакого оружия у него не было, и по всему было видно, что он и не предполагал, что над ним нависла угроза ареста.

На вопрос Берии о повестке дня Хрущев ответил: «Вопрос стоит о Лаврентии Берии». По этому поводу Маленков сделал краткое сообщение, после чего Хрущев дал условный сигнал военным. Они вошли, встали сзади Берии, обыскали его, вывели из зала заседаний и доставили в военную комендатуру г. Москвы.

Во время объявления Берии обвинения в качестве английского агента и врага советского народа он, опустив голову, внимательно слушал и что-то писал на листке бумаги. Позднее этот факт толковали по-разному. Одни уверяли, что он более десятка раз написал слово «тревога». По другим источникам, Берия в это время рисовал чертиков, и ничего больше.

Особенно активно вел себя при аресте К. С. Москаленко, только что назначенный командующим Московским военным округом. Он отдавал все распоряжения, хотя старшим являлся маршал Г. К. Жуков. Позже Москаленко грубо и высокомерно вел себя по отношению к министру внутренних дел Круглову и замминистра госбезопасности Серову, прибывшим на следующий день для ведения следствия. Он не допустил их к Берии и выдворил с территории военной комендатуры.

* * *

Берия был переведен в штаб Московского военного округа, где следствие по его делу проводил Генеральный прокурор Союза ССР Р. А. Руденко. В ходе следствия Берия ни в чем себя виновным не признавал, соглашался с выдвинутыми против него обвинениями только под тяжестью улик. Следствие длилось полгода. Вместе с Берией по делу проходили его ближайшие

подручные: В. Деканозов, В. Меркулов, Б. Кабулов, С. Гоглидзе, Л. Владзимирский, П. Мешик.

В это время Берия дважды обращался к Маленкову с записками, но они попали к Хрущеву. Берия не желал слушать обвинительного заключения под тем предлогом, что его арестовали случайные люди, и настаивал, чтобы его выслушали члены президиума ЦК КПСС. Это послужило причиной применения против него прокурором Руденко строгих санкций, после чего Берия вынужден был выслушать обвинение.

Суд над Берией состоялся с 18 по 23 декабря 1953 года и проходил при закрытых дверях в штабе Московского военного округа. Председателем специального судебного присутствия Президиума Верховного суда СССР был Маршал Советского Союза И. С. Конев, государственным обвинителем — Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко.

Берия и его подручные были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в бункере штаба МВО, где и проходил суд. С Берии сняли гимнастерку, скрутили ему руки и привязали к крюку. Главный обвинитель зачитал приговор. Не дав сказать Берии ни единого слова, генерал Батицкий расстрелял его из немецкого парабеллума в присутствии маршала Конева и арестовавших его военных. В то же время на Лубянке были расстреляны шесть других сподвижников Берии.

Спустя некоторое время с материалами следствия, обвинения и приговора по делу Берии знакомили коммунистов в первичных партийных организациях. Все единогласно поддержали и одобрили решение советского руководства об аресте Берии и суде над ним как над врагом народа. Однако при этом многие заметили, что в материалах резко выделялись моменты, связанные с актами насилия и половыми сношениями Берии с женщинами, и слишком слабо выглядела его работа на английскую разведку. Даже по «Ленинградскому делу» Берия стоял в тени, по-видимому, умно переложив в свое время всю ответственность на тогдашнего министра госбезопасности Абакумова. Чувствовалось, что у следствия не было достаточных улик, чтобы обвинить его в государственных преступлениях, поэтому больше подчеркивалась аморальная сторона его поведения. Приводились списки женщин, которых Берия насиловал, описывались методы и средства, которые он применял для этих целей. Многие коммунисты, хотя и питали ненависть к Берии, все же в то время делали вывод, что арест, следствие и суд над ним были поспешными, не принесли нужных результатов, так как были доверены неопытным в этих делах людям. Да и вообще, вся затея Хрущева в отношении Берии выглядит наигранно и

похожа на сведение с ним личных счетов.

Но дело было сделано, а Берия унес с собой очень многие данные о событиях 30-х и 50-х годов, факты, которые могли бы пролить свет на смерть Сталина и действительное положение, сложившееся тогда в высшем эшелоне советского руководства.

* * *

Высказанная мысль о положении в руководстве партии и страны не случайна. Дело в том, что скоропостижная смерть Сталина, который раньше ничем не болел и чувствовал себя перед этим достаточно сносно, породила разные кривотолки. Одной из версий смерти Сталина было преднамеренное убийство.

Сталин, находясь длительное время во главе КПСС и советского правительства, являлся, несомненно, постоянным объектом покушений на него со стороны троцкистов, репрессированных, агентуры немецко-фашистского гестапо и абвера, разведок иностранных государств и, наконец, сионизма. Предполагать, что этот гнусный акт совершил кто-то из ближайшего окружения, было бы не логично, но в то же время это предположение остается поводом для определенных размышлений. На это наталкивают многочисленные заявления сына Василия, которые он начал делать сразу же после смерти отца.

По рассказам полковника С. В. Гусарова, в то время служившего в охране И. В. Сталина, такая возможность существовала. Сталин обычно работал допоздна. Приезжая на дачу, он и там продолжал просматривать документы, читал или что-то делал. В это время иногда он пил чай, для чего в кабинете на столике в углу постоянно стоял электрический чайник и находилось все необходимое для приготовления чая. Сталин сам это делал, чтобы не поднимать ночью горничную или официантку. Поэтому во время поздних обедов или в другом удобном случае кто-то мог зайти в кабинет Сталина и бросить в чайник специально приготовленный препарат, способный вызвать болезнь или медленную смерть.

В ночь с 28 февраля на 1 марта Сергей Васильевич Гусаров стоял на посту у входа в главный дом дачи, видел, как выходили примерно в 4.00 часа утра Маленков, Берия и Хрущев. Ему запомнилось, что Маленков тогда облегченно вздохнул и все они разъехались по домам.

Когда Молотову был задан вопрос: «Могло быть, что они (имеются в виду Маленков, Берия и Хрущев. — ***Прим. автора)***

отравили Сталина, когда выпивали с ним в последний день перед болезнью?» — он прямо ответил: «Могло быть. Могло быть. Берия, Маленков были тесно связаны, Хрущев примкнул к ним и имел свои цели. Он всех перехитрил»[12].

* * *

Естественно, встает вопрос: «Кто же убил Сталина?»

Маленков не мог пойти на такой шаг, ибо не обладал для этого необходимыми качествами. Булганин был такого же склада характера. Молотов, Микоян, Каганович были далеки в то время от Сталина и никогда не решились бы совершить что-либо против него. Остаются два человека из числа ближайшего окружения Сталина — это Берия и Хрущев. Остальные члены и кандидаты в члены президиума являлись новыми людьми и не входили в орбиту доверенных лиц вождя.

В своих мемуарах Хрущев утверждает, что единственным человеком, заинтересованным в смерти Сталина, был Лаврентий Берия. Несмотря на то, что он не был непосредственным в то время руководителем МГБ и МВД, он «по-прежнему контролировал окружение Сталина… Знал всех чекистов. Они все стремились снискать его расположение, и ему было легко использовать этих людей в своих целях"[13].

Далее Хрущев пишет: «Как только Сталин умер, Берия засиял. Он словно переродился и помолодел. Тело Сталина еще в гроб не уложили, а он уже, громко говоря, стал отмечать свою победу. Берия был уверен, что момент, который он так долго ждал, наконец наступил. Никакая сила в мире не могла теперь его сдержать, ничто не могло ему помешать достичь своей цели»[14].

Хрущев затем как бы заключает: «Я уже предчувствовал, что Берия теперь возьмется за всех нас, и это может стать началом конца. Я уже давно знал, что никакой он не коммунист… Он был палачом и убийцей»[15].

Этим заявлениям Хрущева можно было бы поверить исходя из намерений, устремлений, планов и конкретных действий Берии. Об этом достаточно ясно было сказано выше, но, к сожалению, это не нашло подтверждения в ходе следствия по его делу и в вынесенном ему обвинительном заключении. В данном случае остается непонятным, почему не привлекли внимание следствия такие факты, как непосредственная ответственность Берии за личную безопасность Сталина. Он был куратором этой службы и мимо него не должно было пройти ничего подозрительного. Он был законодателем этой службы и оказывал на нее долгие годы

самое действенное влияние. Но почему-то сразу после смерти Сталина он грубо, бесцеремонно и жестоко расправился с его охраной, которая на протяжении многих лет верно, не щадя своей жизни, обеспечивала безопасность великого вождя. Некоторые из сотрудников охраны были тогда арестованы, двое покончили жизнь самоубийством, остальные были высланы из Москвы в разные отдаленные города Советского Союза и вернулись оттуда к своим семьям лишь спустя несколько лет. То же самое произошло и с обслугой Сталина, врачами, которые когда-либо имели отношение к нему.

По-видимому, не это было главным в расследовании дела Берии. Да и трудно поверить, чтобы человек, в первую очередь ответственный перед партией и государством за жизнь Сталина, за деятельность своих подчиненных, охранявших Сталина, мог сам решиться на его убийство. Он боялся Сталина, но и был обязан ему своим высоким положением. Без Сталина Берия был бы ничто. Это он хорошо осознавал еще и потому, что видел презрительное отношение к себе других высокопоставленных советских руководителей, а возможно, и располагал достоверными данными об их сговоре против Сталина.

* * *

Последнее как раз и наводит на мысль о том, что Берия знал об истинных исполнителях акции против Сталина, в связи с чем его первым в ускоренном порядке и убрали с дороги. За ним последовал Маленков.

Непродолжительной была жизнь и Василия Сталина. 28 апреля 1953 года, после очередной попойки с иностранцами, он был арестован и осужден за разбазаривание государственных средств, превышение своих служебных прав при жизни отца. Мало того, как утверждает в своих мемуарах его сестра С. Аллилуева, «обнаружились и интриги на весьма высоком уровне[16]. В результате он был осужден на 8 лет тюремного заключения.

Даже в тюремных условиях, продолжает Светлана, Василий не мог успокоиться и считал; что их отца убили. В тюрьме он заболел, и его поместили в госпиталь, где его стали посещать друзья-спортсмены, неизвестные грузины, и он окончательно спился. Тогда его отправили во Владимирскую тюрьму, где он пробыл до 1960 года. Освободили Василия досрочно, и якобы в этом сыграл определенную роль Н. С. Хрущев.

Несколько оправившись, Василий вновь запил с грузинами, пропадал в ресторане «Арагви» и опять «ощущал себя наследным

принцем»[17].

Его снова посадили, но уже в Лефортовскую тюрьму, чтобы он отсидел до конца данный ему срок заключения. Когда его освободили, то определили, что он может жить всюду, кроме Москвы и Грузии. Василий поселился в Казани, где в марте 1962 года умер в возрасте 41 года.

Недолго прожила в Москве и дочь Сталина Светлана. Она нашла повод выехать в Индию, а оттуда в США, бросив в Союзе сына и дочь. Ее поступок был расценен как предательство по отношению к отцу и детям. Однако Светлана нигде не говорила о причинах совершенного ею. Можно предположить, что на это у нее были весьма веские основания. В США она вышла замуж, но вскоре разошлась. Там у нее родилась дочь. Она вернулась затем в Союз, жила с дочерью в Тбилиси, но вновь была вынуждена уехать в США.

* * *

Однако остается открытым вопрос, кто же все-таки решился на такой рискованный шаг, как покушение на человека, стоявшего первым в тройке гигантов мирового значения? Этот вопрос задавали многие после смерти Сталина, но не находили ответа. Тень подозрений падала и на Хрущева, и этому способствовали существенные факты.

Главным из них был тот, что Хрущев, если внешне и вел себя лояльно по отношению к Сталину, стремился быть ближе к нему, в действительности не мог простить ему гибели своего сына Леонида, расстрелянного по приговору военного трибунала. Это могло быть кровной местью, хотя и безрассудной.

После Сталинградской битвы, примерно в начале марта 1943 года, Сталину позвонил с фронта Хрущев. В то время он был членом Военного совета Юго-Западного фронта, которым командовал Н. Ф. Ватутин. В эту горячую пору Хрущев настоятельно просил Сталина принять его в любое время. Сразу же после звонка Хрущев вылетел в Москву. Ему недолго пришлось ждать приема, который состоялся в кабинете Сталина в Кремле.

Иосиф Виссарионович предполагал, что Хрущев обязательно обратится к нему по личному вопросу. Дело в том, что незадолго до этого ему доложили, что сын Хрущева Леонид, военный летчик в звании старшего лейтенанта, в состоянии сильного опьянения застрелил майора Советской Армии. Подробности инцидента Сталина не интересовали. Он твердо был уверен, что виноват в свершившемся сын Хрущева. Это не первый случай, когда в

порыве алкогольного угара он выхватывал пистолет и налетал на кого-то.

В начале 1941 года с ним уже произошло подобное, он должен был предстать перед судом, но благодаря отцу избежал не только наказания, но и суда. Хрущев со слезами на глазах просил тогда Сталина простить сына и сделать так, чтобы он не был сурово наказан. Обстоятельства дела позволяли пойти на такой шаг, учитывались при этом отношения с Хрущевым в течение долгих лет, совместная борьба с оппозиционерами, вся дальнейшая его деятельность в Москве и на Украине.

Однако на сей раз, как считал Сталин, разговор предстоял тяжелый. Он знал, что Хрущев будет просить, добиваться и умолять о снисхождении к сыну. Сталин понимал Хрущева как отца, но партийная и гражданская совесть не давали ему права пользоваться своим положением в угоду убийцам. Он знал, что решение суда будет категоричным — высшая мера наказания, т. е. расстрел. Никаким сынам, считал Сталин, не позволено пользоваться положением родителей и причинять ущерб другим советским людям. У убитого майора также есть родители, родственники, дети, которым он дорог не меньше, чем сын Хрущеву.

Несомненно, что в это время Иосиф Виссарионович подумал и о своих детях. Светлане было уже 18 лет, за ней надо смотреть в оба. Матери нет, а ему не до детей в это бурное и суровое военное время, когда на его плечах лежит вся страна, партия, народ, армия и война. Василий уже командовал истребительной дивизией, но поведение его не радовало. Вокруг него собрались подхалимы и пьяницы, которые до хорошего не доведут. Зная слабости характера сына, некоторое высокомерие и появившуюся склонность к спиртному, Иосиф Виссарионович решил поинтересоваться состоянием его дел и принять меры к исправлению положения.

Очень тяжело было думать о Якове. Сталин знал, что он в плену, попал к немцам еще в 1941 году, и полагал, что с ним могут обходиться бесчеловечно. Несомненно, это послужило причиной того, что в последнее время он все больше проникался любовью к Якову. Он мало делал для него до войны, не имея возможности окружить отцовским теплом, и теперь, по-видимому, очень сожалел об этом.

Несколько дней назад Сталину доложили, что по линии Красного Креста добиваются обмена Якова на фельдмаршала Паулюса. Он категорически отверг такую сделку, заявив: «Я фельдмаршалов на рядовых не меняю». Заявить-то заявил, а у самого в душе появилась такая тревога и боль, которая с каждым

днем все разрасталась.

Сталин считал, что не имеет права поступаться своей совестью. Обменять сына — значит дать повод другим спекулировать его чувствами. Могут сказать, если не прямо, то за спиной, а почему сын Сталина лучше других, почему не осуществляется обмен многих попавших в плен известных генералов, командиров и советских граждан.

Пойти на такой шаг, вероятно, полагал Сталин, значит, получить подачку от Гитлера. А какой спекулятивной ценой она может еще обернуться против него, Сталина, против Советского Союза, оставалось при этом неизвестным. Одно было для него несомненным: отныне Якову будет еще тяжелее, и останется ли он после этого в живых, трудно предположить.

* * *

В таких тревожных раздумьях и застал Иосифа Виссарионовича Поскребышев, доложивший о том, что «товарищ Хрущев прибыл и ожидает в приемной».

Когда Никита Сергеевич Хрущев вошел в кабинет, Сталин его не узнал. Он осунулся, выглядел бледным и гораздо старше своих лет. По всему было видно, что предстоящая судьба сына легла на него тяжелым бременем. Очевидным было также и другое: он провел несколько дней в состоянии большого беспокойства и переживаний.

Сталин вышел навстречу Хрущеву, они поздоровались и сели друг против друга в мягкие кресла. Чтобы как-то сгладить напряжение и хотя бы на некоторое время отвести мысли Хрущева от того, что привело его сюда, Иосиф Виссарионович стал расспрашивать его о делах на Юго-Западном фронте, о том, как Ватутин справляется со своими обязанностями командующего фронтом, и о перспективах освобождения Донбасса и Украины.

Никита Сергеевич отвечал на вопросы со знанием дела, но чувствовалось, что думы его были о другом. После того как Поскребышев принес чай и вышел, Хрущев решил, что настал момент, когда он может излить душу и изложить свою просьбу.

— Дорогой Иосиф Виссарионович, товарищ Сталин, — начал он, а к горлу подкатил комок горечи, и слезы выступили у него на глазах. Поборов озноб и нервное состояние, Хрущев продолжил: — Вы знаете меня долгие годы. Все это время я отдавал все свои силы, способности, не жалел ни себя, ни здоровья ради дела партии и социализма. Я весьма благодарен вам за оценку моего труда, считаю вас самым близким человеком

нашей семьи, учителем, который сделал многое в моем идейном, нравственном и партийном совершенствовании. — Хрущев перевел дыхание, посмотрел на Сталина глазами, полными слез, и вновь, подавив чувство смятения и нервозности, продолжил: — Вся наша семья безмерно благодарна вам, товарищ Сталин, за то, что однажды вы оказали нам огромную помощь и душевное облегчение. Сейчас у нас снова страшное горе. Мой сын Леонид вновь совершил преступление и должен предстать перед судом. Как мне сообщили, ему грозит смертный приговор. Если это случится, то я не знаю, как переживу эту трагическую весть. Своим родным я об этом ничего не говорил и не думаю сообщать. Для них это тоже будет большим ударом.

Иосиф Виссарионович внимательно слушал Хрущева, понимал его состояние, видел, как ему тяжело, но не находил слов, чтобы успокоить его. Поэтому ему ничего не оставалось, как только молча слушать Хрущева.

— Дорогой Иосиф Виссарионович, — при этих словах Хрущев заплакал, а потом стал рыдать. Он все же нашел в себе силы продолжить: — Вся наша надежда на вас, прошу вас, помогите. Мой сын виноват, пусть его накажут сурово, но только не расстреливают. — И он снова зарыдал, уткнувшись лицом в ладони.

Сталин молчал. Он не мог найти слов, чтобы успокоить сидящего перед ним и рыдающего Хрущева. В то же время он мысленно представил себе, что будет с тем, если он скажет ему всю правду и откажет в помощи.

Придя немного в себя, Хрущев вновь стал умолять Сталина о снисхождении к сыну, о смягчении приговора.

Иосиф Виссарионович встал с кресла, подошел к столу, взял трубку и, поднеся зажженную спичку, принялся раскуривать ее. Ему нужно было время, чтобы Хрущев пришел в себя, а он собрался с мыслями и смог сказать ему горькую правду о предстоящей судьбе его сына.

Встал с кресла и Хрущев. Он обтирал лицо платком и ждал ответа на свою мольбу.

Раскурив трубку, Сталин еще некоторое время молчал, глядя с сочувствием на своего товарища по партии. Чтобы не начинать с главного, он сначала сказал:

— Мне доложили о случившемся с вашим сыном. Я не сомневался, что у нас состоится встреча и разговор о нем. Только из-за большого уважения к вам, товарищ Хрущев, я разрешил вам приехать с фронта в Москву. Партия высоко ценит ваш вклад в строительство социализма, в борьбу с правотроцкистскими и другими оппозиционерами, ваши дела по укреплению советской

власти на Украине и сейчас в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Сталин перевел дыхание. Он видел, как Хрущев ловит каждое его слово и ждет, что же он скажет дальше.

— Мне очень хотелось бы помочь вам, Никита Сергеевич, но я бессилен сделать это. Однажды я поступился своей партийной и гражданской совестью, пошел вам навстречу и просил суд помиловать вашего сына. Но он не исправился и совершил еще одно, подобное первому, тяжкое преступление. Вторично нарушать советские законы мне не позволяет моя совесть и горе родственников, советских граждан, явившихся жертвами преступных действий вашего сына.

Сталин мельком взглянул на Хрущева. Тот стоял бледный как полотно. Трудно было представить, что творилось в его душе и сознании. И когда Сталин сказал: «В сложившемся положении я ничем помочь вам не могу, ваш сын будет судим в соответствии с советскими законами», Хрущев упал на колени, умоляя, он стал ползти к ногам Сталина, который не ожидал такого поворота дела и сам растерялся.

Сталин отступал, а Хрущев полз за ним на коленях, плача и прося снисхождения сыну. Сталин просил Хрущева встать и взять себя в руки, но тот был уже невменяем. Сталин вынужден был вызвать Поскребышева и охрану.

Когда те влетели в кабинет, то увидели стоявшего у стола Сталина и валявшегося в судорогах на ковре Хрущева.

Иосиф Виссарионович попросил вынести Хрущева в одну из соседних комнат, пригласить врачей и привести его в чувство, после чего сопроводить до места, где он остановился.

Когда сотрудники охраны и врачи приводили Никиту Сергеевича в чувство, он все время твердил: «Пощадите сына, не расстреливайте. Неужели нельзя этого сделать?»

* * *

Этот случай дал повод хождению разговоров среди приближенных Сталина и работников Кремля о трагедии в семье Хрущева и отказе И. В. Сталина в его просьбе о помиловании сына. Происшедший инцидент на встрече Хрущева со Сталиным до сих пор всплывает в разговорах сотрудников безопасности, особенно, когда речь заходит об отношениях между Сталиным и Хрущевым. В частности, утверждается, что в этом заключается главная причина всех нападок Хрущева на Сталина, породивших теорию его культа личности. При этом делаются ссылки на

неосторожное заявление Хрущева в присутствии своих приближенных, когда он сказал: «Ленин в свое время отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына, покажу, где живет «кузькина мать».

Красноречиво свидетельствует об этом и В. М. Молотов: «Хрущев в душе был противником Сталина… Озлобление на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли… Сталин сына его не хотел помиловать… после такого озлобления он на все идет, только бы запачкать имя Сталина»[18].

На такое поведение Хрущева толкало не только желание отомстить за сына, но и то, что Сталин был прав, не пошел против своей совести и закона и тем самым оказался выше его, Хрущева, в моральном и гражданском отношении. Сталин предстал перед ним скалой, о которую разбились надежды Хрущева повлиять на Сталина и спасти своего сына.

Когда в первичных партийных организациях зачитывали доклад Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина и его последствиях», коммунисты задавали себе вопрос: «Как это так, человек, который вместе со Сталиным вершил дела в Московской партийной организации, подписывал документы на аресты и расстрелы, вдруг оказался таким морально чистым после смерти Сталина?»

Видимо, смерть Сталина ему была очень нужна для очистки своей совести. Опорочив всех соратников Сталина и его самого, боясь собственных разоблачений за прошлую деятельность, Хрущев взялся за чистку государственных и партийных архивов, в чем ему активно помогал бывший председатель КГБ И. А. Серов.

Поднимали в ту пору все документы, касающиеся деятельности Хрущева в Москве и Киеве. Специальный самолет особого авиаотряда Министерства гражданской авиации часто курсировал в то время между Москвой и Киевом, доставляя Хрущеву нужные документы. Тогда же родилась идея скомпрометировать Сталина как агента царской охранки. В киевских архивах на этот счет появилась фальшивка, которая позже получила огласку в газете «Московская правда» от 30 марта 1989 года и была представлена как подлинный документ.

Для чего все это нужно было Хрущеву? По-видимому, для того, чтобы скрыть следы своих преступных деяний, отвести от себя подозрения и создать условия, позволяющие нанести удар по Сталину и его соратникам. По его воспоминаниям выходит, что даже при жизни Сталина он ставил себя в позу ему, строил свои действия вразрез с мнением Сталина, особенно когда дело касалось арестов и вынесения коллективных решений по важным

вопросам. Он выглядит таким героем и чистеньким человеком, как будто он и не был первым секретарем МГК ВКП/б/ в период с 1934 по 1938 год, когда в основном имели место массовые репрессии и без санкции Хрущева не мог быть исключен из партии арестован ни один московский коммунист. Он вновь занимал этот пост с 1952 года по день смерти Сталина и не мог не знать существа дела, связанного с арестом группы врачей-евреев.

Все это он знал, но в мемуарах пытается обратить это на пользу себе, выгораживая себя всюду, где можно, и сваливая всю вину на Сталина и Берию. После смерти Сталина, освободив из-под следствия врачей и объявив амнистию в основном уголовникам, Хрущев предстал перед всеми героем, которого с благодарностью вспоминают, возносят и поднимают на щит как великого демократа. А заслуживает ли он этого? Здесь есть вопрос!

Конечно, прямых улик, обвиняющих Хрущева в том, что он способствовал физической смерти Сталина, нет. Но то, что он являлся в последующем инициатором жестокой борьбы против мертвого Сталина, могильщиком его политической и гражданской личности, человеческого достоинства, дискредитатором его как выдающегося руководителя партии и советского народа, лидера международного коммунистического и рабочего движения и даже осквернителем его могилы, не делает чести Хрущеву и ставит его в один ряд с теми, кто пожелал бы убрать Сталина задолго до его смерти.

Все это весьма ярко характеризует Хрущева и показывает его намерения в отношении Сталина. Нужно сказать, что свое слово о том, что он и после смерти Сталина покажет ему, где живет «кузькина мать», Хрущев сдержал. Однако жизнь коварна, и Хрущев не избежал своего позорного конца. По меткому выражению У. Черчилля: «Хрущев начал борьбу с мертвым и вышел из нее побежденным».

* * *

В наши дни, когда идет разнузданная кампания против Сталина, против всего, что связано с ним, против тех, кто под его руководством строил в тяжелейших условиях социализм, победил фашизм и восстановил разрушенное войной огромное народное хозяйство, когда под сомнение ставится история великого советского государства, имя и учение бессмертного Ленина, не следовало бы забывать, что на мертвых историю не делают и

политический багаж не наживают.

Политика любого государства, партии, большого деятеля должна строиться на решении насущных проблем с перспективой на будущее. Прошлое в таких случаях остается для истории, которую надо уважать, а не извращать и не перечеркивать все ее ценности задним числом. В прошлом тоже были неплохие и умные люди, которые по-своему решали стоящие перед ними задачи и проблемы, и подчас не хуже, а даже умнее и практичнее, чем новые поколения руководителей. При этом они не забывали о своей гордости, патриотизме и классовой борьбе, которая приобрела в настоящих условиях самые острые формы. Поэтому Иосиф Виссарионович Сталин был на сто процентов прав, утверждая, что с развитием социализма будет обостряться и классовая борьба. В этом заключается сила и гениальность его предвидения и мышления, все его величие.

Таким он и останется в памяти народной, несмотря на то, что разные силы экстремизма и неофашизма стремятся очернить его имя, устранить с политической арены истории.

Сам Сталин сказал во время войны: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет ее»[19].

То же самое Сталин высказал и Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому, когда провожал его в Польшу на должность министра обороны Войска Польского. Он сказал тогда: «Я знаю хорошо, что после моей смерти меня безжалостно дискредитируют. Но я и знаю отлично, что после меня реабилитируют и восстановят в правах истории».

Такой расправы, какую устроили над Лениным и Сталиным, не было и нет ни в одном другом государстве мира. Даже Гитлер, ввергнувший народы мира в мясорубку второй мировой войны, принесшей им более 50 миллионов жертв, в глазах своих соотечественников выглядит куда лучше, чем изображают Ленина и Сталина в нашей стране.

О президенте Соединенных Штатов Америки Г. Трумэне, отдавшем приказ сбросить атомные бомбы и уничтожить население двух мирных японских городов Хиросимы и Нагасаки и тем самым совершить чудовищный акт вандализма в глазах человечества, предпочитают молчать, не считают нужным не только привлекать его к политической и юридической ответственности, но и подвергать открытому осуждению.

Только у нас в стране высокие руководители и бездарные политиканы, а в упряжке с ними диссиденты и потомки репрессированных хлещут направо и налево всех выдающихся предшественников, стремясь строить на этом свое благополучие и

политическую карьеру, одновременно отвлекая народные массы от насущных проблем их жизни, к которым они сами их привели.

Можно только напомнить всем этим злопыхателям, что история все хранит в своей памяти и не прощает тех, кто ее извращает и очерняет своих мертвых предков. Их ждет та же участь, какая постигла многих, в том числе и Хрущева. За десять с лишним лет своей деятельности Хрущев надоел не только всему народу, но и своим близким соратникам, которых он приближал, выдвигал на руководящие должности и на которых возлагал надежды. Они же его и убрали 14 октября 1964 года. Это был по существу «дворцовый переворот», самый бескровный, бесшумный и воспринятый всеми с удовлетворением.

Охрана Н. С. Хрущева

Н. С. Хрущев предстает в памяти сотрудников безопасности совсем другим государственным деятелем в сравнении со Сталиным. Хрущев беспрестанно ездил по стране и за границу, а это требовало кропотливой подготовки, чрезмерных физических нагрузок. Мало того, Никита Сергеевич всегда был недоволен службой охраны, строго, порой грубо обращался с ней. Он никогда не проявлял заботы об этих людях, которые, не щадя своей жизни, готовы были защищать его в любых условиях и местах его пребывания.

Одной из причин такого отношения Хрущева к своей охране могло быть само положение ее сотрудников, которые много видели, знали, слышали и до поры до времени являлись хранителями сокровенных семейных и государственных тайн, в частности, и тайн его семьи. Хрущев, по-видимому, не забыл, как его выносили сотрудники охраны из кабинета Сталина, о чем я расскажу ниже, и это запало ему в душу.

Охрану Хрущева составляли сотрудники безопасности, которые работали с ним еще до войны: Егоров, Столяров и сменившие их затем Л. Т. Литовченко, И. Х. Коротков, В. И. Бунаев, Н. Ф. Васильев, В. М. Божко. В основном это были киевляне, к которым присоединились после приезда в Москву И. А. Балашов, Н. А. Козин, М. П. Солдатов и другие.

В Москве Хрущев жил на улице Грановского, затем в особняках на Ленинских горах, на загородной даче Горки-IX, а последнее время в Петрово-Дальнем.

К охране Никита Сергеевич относился с недоверием, кроме старшего прикрепленного Л. Т. Литовченко, с которым решал все служебные и хозяйственные вопросы. Порой он ругал охрану, вернее, отыгрывался на ней, если что-то у него не получалось или когда следовало отчитать кого-то из высоких руководителей. В этих случаях он бывал резок — доходил до оскорблений.

Во время визита в Венгрию он посетил военный завод. В состав делегации тогда входил первый секретарь ЦК Компартии Украины Шелест. Когда Хрущев попросил директора завода рассказать о состоянии дел, тот ответил, что все хорошо, но вот Украина не поставляет во время комплектующие детали. После беседы Хрущев, вместо того чтобы спросить об этом Шелеста, стал резко отчитывать прикрепленного Короткова, будто он был виноват в этом.

Хрущев не любил, чтобы около него было много сотрудников охраны, вернее, требовал, чтобы они не мешались под ногами, не

раз указывал им на это, в связи с чем приходилось строить тактику обеспечения его безопасности исходя из складывающихся условий и обстановки.

Хрущев был весьма наблюдателен, следил за действиями сотрудников охраны, придирался к ним за малейшие сбои в делах и поведении. Требовал, чтобы они были чисто и аккуратно одеты и, главное, всегда в белых рубашках. Летом разрешал носить рубашки с короткими рукавами или тенниски.

Охрана Хрущева была немногочисленной, и ее, как выяснилось, внимательно изучали при поездках за границу в целях совершения против него провокационного или террористического акта. Свидетельством этого может служить возникшая по вине сотрудников американской службы безопасности ссора с сотрудниками его охраны. Наши ребята оказали тогда американцам сопротивление, что стало предметом шумной кампании в прессе. Когда Хрущеву был задан на пресс-конференции вопрос, почему так ведут себя сотрудники его безопасности, он впервые поддержал свою охрану и заявил, что, раз они так поступили, значит, сделали правильно.

При поездках по стране он, как правило, предупреждал заранее местные власти о местах посещения и маршрутах следования, любил показуху и очень хотел видеть советских людей, живущих при коммунизме. С этой целью в места его посещения в магазины завозили продукты, создавая видимость изобилия, однако их не продавали населению до его отъезда. То же самое делали со скотом, который перегоняли из других областей, чтобы показать рост его поголовья и продуктивности.

* * *

Против Хрущева не было ярко выраженных террористических актов, кроме как в Киеве, когда во время большого совещания работников сельского хозяйства в сторону его и Н. В. Подгорного кинулась буфетчица с ножом.

Еще один случай произошел в Вене в 1961 г., когда он прибыл туда поездом с официальным визитом. Выходя с вокзала вместе с канцлером Бруно Крайским, Хрущев заметил, что в их сторону летит пакет, брошенный из толпы. Когда пакет упал на землю, к нему кинулся сотрудник охраны М. П. Солдатов, тот самый, с которым разговаривал в свое время Сталин. Он упал на пакет и накрыл его собой, полагая, что в нем могло быть взрывное устройство. В пакете этом оказалось письмо с просьбой к Хрущеву помочь одному румынскому гражданину вернуться на

Родину.

В ряде городов, которые он посетил, ему пришлось столкнуться с возмущением народа. Так, в Новосибирске и Караганде пришлось убегать от разбушевавшихся людей. Из Горького после митинга, на котором народу объявили о замораживании облигаций, пришлось уезжать ночью. В Тбилиси били стекла автомашины. В Киеве, Новороссийске, Ташкенте на улицах собралось много недовольных по поводу запрета содержания скота в рабочих поселках. Большое число жалобщиков каждый раз собиралось в Пицунде и Ливадии, когда Хрущев приезжал туда на отдых.

В Крыму Хрущев отдыхал на даче, расположенной между Ливадией и Нижней Ореандой. Это очень удобное и красивое место, выбранное еще Сталиным во время Ялтинской конференции глав государств и союзников по антигитлеровской коалиции, проходившей в Ливадийском дворце. В свое время царская семья построила этот дворец после долгого изучения мест в Крыму, где имелось наибольшее число долгожителей. Может быть, по этой причине Сталин и выбрал для своего отдыха это место.

Хрущев, как правило, отдыхал дважды в году: в апреле, с тем чтобы 17 апреля отметить день своего рождения, и в конце лета. На отдых всегда ездил со всей семьей. Следовал поездом до Симферополя, а далее до Ялты на автомашинах. Обычно к поезду прицепляли четыре вагона для Хрущева и членов его семьи, сопровождающих лиц и охраны.

В отличие от других высоких руководителей охрана Хрущева на даче в Ливадии была очень слабая, в связи с чем по периметру территории она не охранялась. Охрана велась непосредственно у главного дома и с моря, что и послужило причиной для одного неприятного случая. Одна супружеская пара как-то ночью перелезла через забор и спряталась в кустах, дожидаясь, когда Хрущев пойдет купаться. На следующий день, утром, охрана не заметила их и вместе с Хрущевым расположилась на пляже. При Хрущеве на пляже на Ливадийской даче было все очень просто. Разбивалась легкая парусиновая палатка для переодевания, стоял стол, два плетеных кресла, и больше ничего. Это позже понастроили там бассейны, гроты, лифты и т. д. После купания Хрущев вышел на берег и стал обтираться полотенцем. Сотрудники охраны еще выходили из моря, когда заметили, что к Хрущеву с криком бегут мужчина и женщина. Охрана бросилась навстречу, но было поздно — мужчина и женщина оказались около Хрущева раньше, и он очень испугался неожиданного их появления. Оказалось, это были простые жалобщики, которые

передали ему письмо с просьбой ускорить предоставление им квартиры. Жалобщиков немедленно выдворили, но после этого начался настоящий переполох. Хрущев ругал охрану, как только мог. Грозился отдать под суд некоторых ее сотрудников. Из Москвы немедленно прилетели председатель КГБ В. Е. Семичастный и начальник 9-го управления Н. С. Захаров. Часть охраны немедленно заменили и отправили в Москву, а затем уволили.

Дело бы кончилось еще хуже, если бы не дочь Хрущева Рада, которая в таких случаях всегда выступала в роли примирительницы и защитницы провинившихся и пострадавших.

* * *

Никита Сергеевич любил плавать с надувным кругом — далеко в море не заплывал, а плавал вдоль берега. Иногда он приплывал на городской пляж и запросто беседовал с отдыхающими. С народом он всегда говорил свободно, быстро находил общий язык с собеседниками. Главной задачей для себя считал заботу о простых людях, хотя в жизни это у него не всегда получалось.

Хрущев любил голубей и вместе с внуком Никиткой развел их на даче под Москвой. Однажды, после возвращения с юга, Никитка обнаружил, что голуби другие. Он пожаловался деду, тот стал выяснять, куда делись прежние. Оказалось, что по недосмотру кошка съела тех голубей и вместо них комендант Божко купил новых. Вот тут Никита Сергеевич разошелся, задал охране такого жару, что стены дачи, наверное, были горячие.

Подчас охране доставалось и за хозяйственные дела. На даче Горки-IX Хрущев имел участок, засеянный кукурузой, за которой смотрели лучше, чем за самим Никитой Сергеевичем. Он сам ее выхаживал или осуществлял контроль за своевременным уходом. Его любимым местом на даче также был огород. Обычно по утрам он шел туда, вытаскивал морковь, обтирал ее о росистую траву и о брюки и ел. На замечания охраны говорил, что в детстве очень любил таким способом есть морковь и так и не смог расстаться с этой привычкой. По утрам он регулярно пил морковный сок, независимо от того, был на огороде или нет. Иногда ходил за грибами, и бросалось в глаза, как он очень бережно подрезал их при сборе. Увлекался пешими прогулками.

Любимым занятием Никиты Сергеевича была стрельба по движущимся тарелкам. Для этого за забором дачи был устроен тир, где он стрелял, тренируясь для охоты на дичь, особенно на

уток.

У Никиты Сергеевича было несколько ружей, подаренных туляками и другими оружейниками. Иногда он выезжал в Беловежскую пущу, которая полюбилась ему с первого посещения. Охотился на кабанов, лосей, но редко. Больше стрелял уток. Два-три раза Хрущев выезжал на охоту под Киев, в Залесье. Стрелял он хорошо, с ходу, как заядлый охотник, а если промахивался, то находил виновного, кто попадался под руку, и выдавал ему как следует.

Хрущев не любил излишеств, шик и все броское. Это отражалось и на его взглядах на некоторые государственные дела, особенно в строительстве жилых и административных зданий. Зимой, как правило, носил шапку-пирожок, которую народ метко окрестил «хрущевкой», летом надевал соломенную шляпу. Терпеть не мог новых ботинок, чему, несомненно, причиной была болезнь ног. Никита Сергеевич не упускал случая, чтобы почитать художественную литературу, обычно делал это вместе с супругой Ниной Петровной, большой любительницей книг. Равнодушно относился к спорту, поэтому редко бывал на футбольных матчах, хоккей не знал вообще. По-видимому, на это влияла занятость в работе. В последнее время, когда он был не у дел, увлекся фотографией и, конечно, занимался огородом.

Противоречивость его натуры отразилась и в его отношении к искусству — он не любил оперу, балет, особенно оперетту. Зато души не чаял в народных песнях, особенно украинских. У него был кем-то подаренный маленький транзисторный приемник «Сони», по которому он всегда слушал программу «Маяка», и главным образом песни в исполнении хора Пятницкого, Воронежского и Омского. Из певцов его кумиром был Гмыря, которого он от расстрела за то, что в годы войны тот выступал перед немцами.

Хрущев был строг не только с охраной, но и в первую очередь с членами своей семьи. В доме был установлен твердый порядок: ничто не делалось без разрешения. Даже Рада должна была просить автомашину, чтобы доехать до работы.

* * *

Никита Сергеевич был женат дважды. Первая супруга умерла рано, и от нее остались сын Леонид и дочь Юла. Вторая его жена, Нина Петровна, подарила ему Раду, Сергея и Елену. Последняя дочь умерла в 28 лет от «волчанки». Вторая хозяйка дома также была строга. Дети и обслуживающий персонал не так боялись

Хрущева, как ее. Она мало говорила, но требовательно относилась ко всему и ко всем. Обычно в обществе Нина Петровна старалась держаться в стороне и вести себя скромно. Она выезжала с Никитой Сергеевичем за границу всего лишь один раз — в США и старалась не попадать в объектив фотоаппарата или кинокамеры. Неплохо владела английским языком, но лучше в этом преуспела Рада.

Дисциплина в доме отражалась и на подборе обслуживающего персонала. Водители автомашин были, как правило, люди пожилые, повара, горничные, официантки, садовники — среднего возраста и немного старше. В доме запрещалось курение, и в этом отношении доставалось прикрепленному И. Х. Короткову. Все должны были заниматься своим делом и поменьше попадаться на глаза Хрущеву и хозяйке.

Хрущев очень любил внучку Юлу, дочь Леонида, которая была замужем за известным экономистом Н. П. Шмелевым, но с которым развелась еще до ухода Никиты Сергеевича на пенсию. О Леониде в семье старались разговоров не вести, и все считали, что он погиб на фронте.

У Хрущева была сестра Ирина Сергеевна, добрая старушка, которая иногда приезжала к нему в гости из Калиновки. Она любила собирать на даче яблоки и всех угощала ими. О Никите Сергеевиче она говорила: «Если, бывало, Никита в чем-либо заупрямится, то его всем домом не свернешь».

Особое место занимал в доме Аджубей. Про него ходило много слухов, анекдотов и крылатых выражений. Самое яркое из них — «Не имей сто рублей (или друзей), а женись, как Аджубей». Главным его пороком было то, что он много пил, и особенно после того, как попал в дом Н. С. Хрущева. Видимо, парень дорвался до спиртного и до своих последних дней отказаться от этой привычки никак не смог.

По характеру Аджубей был неплохим человеком, простым, за спиной тестя был хорошим организатором и журналистом. Он часто выезжал за границу, выполнял различные поручения Никиты Сергеевича, но, насколько это удавалось ему, трудно сказать. Беда заключалась в том, что он не просыхал от спиртного. Мне несколько раз пришлось видеть его за границей, и обычно, как принято говорить, он не вязал лыка. По этой причине он допускал иногда такие высказывания, которые могли бы кончиться большим шумом в прессе, но выручало его то, что он являлся зятем высокого советского руководителя.

* * *

Хрущев был очень жадным до всего человеком. Это проявлялось у него от малых до великих дел. Он хотел обогнать как можно быстрее Соединенные Штаты Америки по производству продуктов питания и товаров широкого потребления на душу населения, построить коммунизм в течение двух десятилетий, заниматься реорганизацией всего и вся, засеять всю страну кукурузой, экономить даже на таких добрых делах, как ускоренное обеспечение жильем населения, и готов был в этих случаях, как говорили, сравнять потолки с полом.

Эту сторону характера Хрущева хорошо подметил Н. В. Подгорный, бывший Председатель Президиума Верховного Совета СССР, который долгие годы работал с ним на Украине, а потом в Москве. Будучи в Ташкенте, он рассказал в узком кругу, где присутствовал и автор этой книги, что когда он с семьей проживал в летние месяцы на даче под Киевом рядом с семьей Хрущева, то мать Подгорного, старая женщина, очень любила на озере ловить на удочку рыбу. Хрущев тоже был заядлым рыболовом. Он заметил, что мать Подгорного всегда с хорошим уловом, а у него что-то не ладилось. Хрущев даже садился с ней рядом, брал у нее насадку, бросал удочку в то же место, но у него рыба не клевала. И наоборот, к матери Подгорного шла удача. Она по-прежнему была с хорошим уловом.

Хрущев на этой почве разругался даже с самим Подгорным, а мать его возненавидел и сказал, чтобы она прекратила ловить рыбу, когда он бывает на озере. Хорошо, что им пришлось разъехаться по работе, а то бы могло кончиться скандалом.

В подтверждение этому можно привести еще один пример. Хрущев любил показать себя перед другими, особенно иностранцами, умелым рыболовом. И, чтобы закрепить за собой это звание, приказывал охране заранее подкармливать рыбу в тех местах, где он будет ловить. Это подметило руководство службы безопасности и, чтобы удовлетворить его тщеславие, создало группу аквалангистов, которые, находясь в воде, так наловчились подставлять рыбу к его удочке, что он всегда был с хорошим уловом и радовался этому до безумия. Хрущев знал об этой затее, но не выдавал ее никому. Так он стал первым в соревнованиях по улову рыбы в Семеновском под Москвой, где однажды устроил пикник для иностранных дипломатов и журналистов. На этом пикнике присутствовал известный советский актер-кукольник Образцов. Он, видимо, догадывался о такой рыбалке, ибо когда его спросили: «А вы что не ловите рыбу?», он ответил: «Разве это рыбалка, когда тебе на крючок насаживают рыбу?» Нужно сказать, что сотрудники охраны такие «рыбалки» устраивали многим высоким иностранным гостям, в частности, посещавшим Иссык-

Куль и другие места, пригодные для рыбной ловли.

Хрущев отличался незаурядным волюнтаризмом в своих планах, прогнозах и делах. Он много говорил, обещал, всем стремился помогать, даже в ущерб советскому государству и его народам. Все это породило массу едких анекдотов на него и на нашу действительность. Например, в народе говорили: если хочешь жить при коммунизме, подключи к радио свой холодильник во время выступления Хрущева, и твои мечты сразу сбудутся.

Он сделал немало в плане начала демократизации общественной жизни в стране, хотел быстро поднять сельское хозяйство, поднял молодежь на освоение целинных и залежных земель, провел большую работу по улучшению жилищных условий населения. Но одновременно он ликвидировал подсобные хозяйства, личный скот в рабочих поселках, при нем же дело дошло до того, что Советский Союз стал закупать зерно за границей.

Меткую характеристику в этом плане дал Хрущеву Черчилль. Когда его спросили: «Кто является самым умным в мире человеком?», то он ответил: «Несомненно, Хрущев. Нужно же суметь оставить двести миллионов человек без хлеба».

* * *

Период деятельности Хрущева на посту руководителя партии и советского правительства был бурным, смутным и противоречивым, как сам Хрущев. Не случайно поэтому скульптор изобразил его на памятнике двуликим Янусом. Только за 1957 и 1958 годы он хотел решить все возникшие проблемы и провел три важные реформы, касающиеся промышленности, сельского хозяйства и образования.

Он много занимался сельским хозяйством. Не было такой области, о состоянии этой отрасли в которой он бы не знал. В этой связи очень любил учить других, часто проводил кустовые совещания по вопросам сельского хозяйства. На обвинения в его адрес в том, что он заставляет сеять кукурузу даже на Севере, заявлял, что это самодеятельность местных руководителей.

Что касается кукурузы, то за нее ему доставалось от народа очень здорово. Однажды Хрущев ехал с работы на дачу. В районе Огарева местный колхоз засеял кукурузой участок. Проезжая мимо него, Хрущев попросил остановиться. На нем копалась старая женщина и не видела, как подошел Хрущев. Он спросил ее: «Ну, как дела? Кукуруза растет?» Женщина, не оборачиваясь,

ответила: «Один дурак придумал кукурузу. Скоро весь скот подохнет». Что было после этого на даче, трудно описать. Досталось опять-таки охране. И лишь Рада успокоила его.

Ему принадлежат многие инициативы в области межпартийных и международных отношений. При нем возродилась традиция созыва международных форумов коммунистов, что вылилось в представительные совещания коммунистических и рабочих партий, которые не проводились со времен Коминтерна. Однако эта идея в конечном счете не дала положительных результатов.

Хрущев был новатором в урегулировании отношений с Югославией. Примирение с югославами после сталинского разрыва произошло в 1955 году. Были достигнуты соглашения, началось развитие связей, но они так и не стали искренними и дружественными по отношению к нам. Мало того, югославы со своей ревизионистской политикой стали камнем преткновения в советско-китайских отношениях.

На совести Хрущева и разрыв отношений с Китаем, который нанес огромный ущерб престижу СССР и КПСС. Свою отрицательную роль в этом сыграл и доклад Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». Хрущев пошел тогда на этот рискованный шаг вопреки здравому смыслу и советам старых и опытных коллег по партии. Этим шагом он как раз и подтвердил слова своей сестры Ирины Сергеевны о его упрямстве.

Он был не только упрям, но и до крайности самолюбив. Эту его черту подметили другие члены Политбюро и боялись его. Проявлялось это в том, что он с позором выгнал из партии и снял с занимаемых постов таких испытанных руководителей, как Молотов, Каганович, Маленков и другие. За ними убрал Булганина и, наконец, Жукова.

Народу тогда было непонятно, за что освободили от должностей двух последних. Оказалось, что когда в 1956 году проходило совещание по сельскому хозяйству во Дворце спорта, то Булганин опоздал на него. Появление его в зале было встречено бурей аплодисментов. Это страшно задело Хрущева, и вскоре Булганин был снят с поста Председателя Совета Министров СССР. Жуков же поплатился за бонапартистские замашки, выразившиеся в том, что якобы хотел занять пост Председателя Совета Министров СССР. Хрущев усмотрел в его лице тогда соперника, и, когда Жуков был в Югославии, он сместил его с поста министра обороны СССР и вскоре сам стал главой советского правительства.

Хрущев выступил также инициатором значительного, почти

на два миллиона человек, сокращения Вооруженных Сил СССР. Это был первый акт беспрецедентной расправы с военнослужащими, который отравил сознание многих офицеров. Уволенные военнослужащие вынуждены были начинать свою жизнь заново, нести лишения и чрезмерные материальные трудности. К сожалению, на них по примеру Хрущева отыгрываются и до сих пор, принимая решения о сокращении, чтобы затем вновь готовить офицерские кадры.

Хрущев вольно решал территориальные вопросы, что выразилось в передаче ряда военно-стратегических баз другим странам. Порт-Артур, Дальний, Порккала-Удд и другие военные объекты, которые имели весьма важное политическое и военное значение, были безвозмездно отданы Китаю и Финляндии. Хрущев хотел доказать этим свои мирные стремления, полагая, что США последуют его примеру в ликвидации своих военных баз в Европе и Азии.

Используя свое положение в стране и партии, он втихомолку присоединил Крым к Украине, что является камнем преткновения и раздоров между Россией и Украиной и по сей день.

* * *

Как глава правительства и партии, Хрущев был тверд в проведении внешней политики СССР, о чем наглядно свидетельствует Карибский кризис. Он явился самым серьезным испытанием для Хрущева, достиг своего апогея в напряженности отношений между США и СССР. В этой войне нервов, в которой, нужно сказать, верх одержали американцы, а Хрущев, хотя и проявил до конца свою настойчивость, все же потерпел поражение. Однако ради мира на земле это поражение было равноценно победе.

Хрущев был настоящим отцом космических побед. Он воспитал плеяду советских космонавтов, пестовал их и лелеял. Достижения СССР в освоении космического пространства были настоящим триумфом советской науки и техники, они поставили американцев и весь мир в положение отставших и догоняющих. Запуск в космос спутников, ракет в исследовательских целях, вывод космического корабля с человеком на борту, выход в открытый космос, групповые полеты на ракетах-носителях и т. д. — это были достижения всемирно-исторического значения. СССР был пионером, а советская наука Колумбом и новатором в этом деле. Эти достижения имели и огромный политический резонанс. На СССР смотрели как на страну передовой науки и

технического прогресса. Все это придавало вес и самому Н. С. Хрущеву.

Впервые на своем уровне Хрущев осуществил визит в Соединенные Штаты Америки. Это был нелегкий шаг. Хотя он и носил больше протокольный характер, все же он сыграл роль в улучшении советско-американских отношений. Хрущев выступил тогда в ООН. Его выступление там было встречено бурно и неодобрительно со стороны представителей этой всемирной организации, на что Хрущев ответил не менее резко, проявив свою несдержанность. Он снял тогда с ноги ботинок и стал им стучать по трибуне, чтобы утихомирить разбушевавшихся слушателей. Впоследствии этот партизанский поступок Хрущева расценивался как героический подвиг советского лидера.

Таким был Хрущев. У него много было полезных инициатив и противоречивых действий. Он зарекомендовал себя как поборник мира и большой новатор, но из-за своей волюнтаристской демагогии предстал перед советским народом как великий болтун и стяжатель. Он нахватал руководящих должностей, против чего сам же вел борьбу, наград и золотых звезд и, по существу, развивал в себе такие же качества «культа личности», какие он приписывал Сталину.

Охрана Л. И. Брежнева

Леонид Ильич Брежнев начал свою деятельность активно, бурно и плодотворно. Он сразу же выступил с широкой программой подъема сельского хозяйства, которую выдвинул на мартовском 1965 года пленуме ЦК КПСС. Все надеялись на быстрый скачок в этой сфере экономики.

В области внешней политики все было направлено на улучшение отношений с Западной Европой и Соединенными Штатами Америки. Шагом вперед в этом направлении было заключение договора об ограничении гонки стратегических ядерных вооружений. Медленно, но шло продвижение к созыву конференции по европейской безопасности. Брежнев сделал возможной разрядку, и первоначальный период его деятельности был обнадеживающим, если взглянуть на исторический промежуток после второй мировой войны. И этот период нельзя назвать застойным, как его окрестили некоторые неблагодарные потомки.

Леонид Ильич с ранних лет был трудягой и прожил нелегкую жизнь. Куда только не бросала она его! Он был на самых горячих участках деятельности советских людей. Уже в предвоенный период руководил одной из крупных партийных организаций промышленного Днепропетровска. Затем война, фронт, ранения. После войны он вновь на руководящей работе в Днепропетровске, а впоследствии в Молдавии, Казахстане и Москве. Повсюду он активно работал, успешно справлялся с возложенными на него задачами и пользовался большим авторитетом и уважением.

Значительную часть его жизни с ним рядом прошел начальник его охраны Александр Яковлевич Рябенко. Более 35 лет отдал он службе обеспечения безопасности Л. И. Брежнева. Вместе со своими помощниками: В. Т. Медведевым, Г. Федотовым, В. Собаченковым, В. Н. Филоненко, В. П. Кирилловым, В. В. Богомоловым, В. М. Лукиным и другими, он делал все, чтобы охрана Леонида Ильича повсюду была надежной, обеспечивающей нормальные условия его деятельности. Он пользовался в семье Брежневых непререкаемым авторитетом, был как родной, ему доверяли все сокровенные семейные тайны. Леонид Ильич и Виктория Петровна называли его Шурой, дети — дядей Сашей, внуки — Александром Яковлевичем.

С уважением и доверием Леонид Ильич относился и к другим сотрудникам охраны, видел в них своих верных помощников и защиту в сложных обстоятельствах, и они никогда не подводили его.

Леонид Ильич по характеру был весьма добрым человеком, никому не делал, да и не умел делать, зла. Он всегда привык опираться в работе и в жизни на людей, которые окружали его. Он не заменил никого из работников, когда его избрали секретарем Днепропетровского обкома партии. Никаких перестановок не было ни в Кишиневе, ни в Алма-Ате, ни в Москве. Наоборот, он всех заставлял работать на своих местах. В должности Первого секретаря, потом Генсека он не производил никаких чисток, перемещений министров, секретарей партийных организаций всех уровней.

Л. И. Брежнев отличался хорошими организаторскими способностями, до определенной поры был энергичен, активен, но в то же время ценил и берег кадры. После заседания Политбюро, на котором его избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС, он ехал в машине вместе с А. Н. Косыгиным, и прикрепленный А. Я. Рябенко слышал их разговор. Леонид Ильич тогда говорил Косыгину, что главная задача на данном этапе деятельности ЦК партии и советского правительства — обеспечить спокойную жизнь для советских людей. Он сказал, что «при Сталине люди боялись репрессий, при Хрущеве — реорганизаций и перестановок. Народ не был уверен в завтрашнем дне. Поэтому, заключил Леонид Ильич, «советский народ должен получить в дальнейшем спокойную жизнь для плодотворной работы».

* * *

Своей работоспособностью Брежнев мог увлекать других. Главное — он умел рационально и продуктивно использовать рабочее время. Об этом может свидетельствовать график его полетов по стране и за границу. Ежегодно он совершал от 15 до 33 таких поездок с налетом полетного времени от 50 до 110 часов. Поэтому утверждения академика Е. И. Чазова о том, что Л. И. Брежнев осуществлял активную деятельность до 1975 года, совершенно неправильны.

Да, Брежнев старел, как все люди, как его окружение, но он продолжал работать и выдерживал при этом не меньшие нагрузки. Он оставался верным себе и шел вместе со своими соратниками до конца своих дней. Верно, в последние годы у него возникли определенные шероховатости в отношениях с Косыгиным, хотя раньше они вместе бывали на охоте и на отдыхе, что, по всей вероятности, было делом рук и влияния других деятелей партии, таких, как Суслов, Кириленко, Черненко.

Л. И. Брежнев заметно сдал примерно за три года до кончины. В апреле 1979 года он вдруг пригласил к себе А. Я. Рябенко и сказал, что плохо себя чувствует. «Хочу на отдых» — заявил он тогда, и Рябенко понял, что надо готовиться к поездке на отдых. Но Леонид Ильич уточнил, что «надо уходить в отставку». Он попросил позвонить К. У. Черненко и собрать всех членов Политбюро. На заседании Л. И. Брежнев сделал заявление о своем уходе на пенсию. Все члены Политбюро в один голос возразили ему. Они заявили, что создадут ему необходимые условия для нормальной работы и отдыха. Постановили, чтобы он в пятницу уезжал в Завидово, отдыхал там и возвращался в Москву не раньше вечера воскресенья. Этого распорядка Брежнев придерживался в дальнейшем, проработав еще три года.

В своей книге «Здоровье и власть» Е. И. Чазов слишком много внимания уделяет медсестре Н., которая якобы вошла в доверие к Леониду Ильичу и лечила его своими методами, что ему пришлось принимать меры, чтобы отвести Н. от Брежнева. Вообще, читая книгу Евгения Ивановича, этого удивительного, энергичного и прекрасного специалиста и человека, поражаешься его самовлюбленности. Как будто только он один лечил все советское руководство и не было при этом других врачей, которые постоянно следили за состоянием здоровья руководителей КПСС и советского правительства. В частности, речь идет о Михаиле Титовиче Косареве, который был личным врачом Леонида Ильича и первый поставил вопрос об Н.

Дело в том, что Леонид Ильич с возрастом начал страдать бессонницей. По словам А. Я. Рябенко, Брежнев попросил у сестры снотворного и та, чтобы угодить ему, стала пичкать его таблетками. По утрам Брежнев еле вставал, чувствовал себя разбитым и был не в состоянии нормально работать. Это было замечено не только близкими людьми, но и коллегами по Политбюро. Тогда-то начальником охраны и был поставлен вопрос о компетентности Н. в медицинском обслуживании Брежнева и отстранении ее от своих обязанностей. Чазов выступил против и защищал Н., чем она не замедлила воспользоваться в своих личных целях. Охрану в то время поддержал врач Леонида Ильича Косарев.

Дело зашло так далеко, что Н. стала вести себя вызывающе даже по отношению к супруге Брежнева Виктории Петровне. По этому поводу у нее был серьезный разговор с Рябенко, которой, в свою очередь, не замедлил обратиться к Леониду Ильичу и высказать отрицательное мнение о Н. Вот тогда только все понял и стал принимать со своей стороны меры Е. И. Чазов. Когда же дело дошло до Ю. В. Андропова, то было принято твердое

решение об отстранении Н. от исполнения своих обязанностей.

Случай с Н. наглядно показывает, что с такими людьми бороться очень сложно, они умеют войти в доверие и использовать свое положение в личных целях. И таких людей в окружении руководителей нашего государства и правительства было и есть немало. Они будут и в дальнейшем.

* * *

Леониду Ильичу помогала в работе и преодолении старости физическая и нравственная закалка, привычки, которые сопровождали его всю жизнь. Он был большой любитель охоты, хорошо стрелял, почти каждую неделю выезжал в Завидово (Козлово) Тверской (ранее Калининской) области. Он бывал на охоте в Залесье под Киевом, в Астрахани, в Переславле-Залесском, в Беловежской пуще и других местах. Охотился на кабанов, лосей, других зверей, но больше любил охоту на дичь. На охоте он загорался, становился веселым, бодрым, восстанавливал быстро активную работоспособность.

Его страстью была любовь к автомобилям. Он прекрасно водил их, и его любимым автомобилем был подаренный ему американский «форд». Нередко он садился за руль автомашины и вел ее от Завидова до Москвы. Любил очень быструю езду и, как правило, гнал машину со скоростью 160–180 км/час. Принимая во внимание состояние наших дорог, можно представить, что это была за езда. В таких случаях сидевший рядом с ним начальник охраны деликатно предупреждал его о недозволенной скорости, на что получал вразумительные ответы.

После смерти Брежнева осталось десять личных автомашин, подаренных ему различными иностранными фирмами и государственными деятелями. Четыре из них остались у родственников, в основном у внуков, три сдали в ЦК КПСС и три — в КГБ. Сдано было также большое количество охотничьего оружия, которое позднее продали музеям и частным лицам.

Слабостью Леонида Ильича были шахматы. Он играл хорошо и азартно. Играл до тех пор, пока не выигрывал. Обычно играли на отдыхе, начинали с 22.00 вечера и кончали далеко за полночь, а то и к утру.

Леонид Ильич был отличным пловцом. В московских условиях он ежедневно плавал в небольшом бассейне на даче. Во время летнего отпуска в Крыму он уплывал, как правило, в море на 2–3 часа и возвращался с купания только к обеду. В таких заплывах с ним рядом постоянно находились два сотрудника

охраны, недалеко шла шлюпка с охраной и катер с аквалангистами. Такие меры принимались не случайно, ибо возраст был не тот, чтобы оставлять его одного, да и однажды был случай, когда у него случилось головокружение и он стал тонуть. Вообще же он держался на воде очень легко и подолгу.

В народе ходило много слухов и пересудов о том, что Брежнев был склонен к употреблению спиртного. Все это не соответствует действительности. Автору хорошо известно, что у Брежнева была старинная граненая рюмка, емкостью 75 грамм, которая являлась нормой употребления водки или коньяка. Он выпивал одну рюмку и на этом ставил точку. На официальных торжествах, приемах ему всегда ставили бутылку из-под коньяка, в которую наливали густо заваренный чай. К таким способам приема спиртного прибегали почти все советские руководители, и делать это их заставляли возраст и большие нагрузки в работе.

Леонид Ильич запрещал употреблять спиртное и своему окружению, особенно перед выездами на охоту, при подготовке к большим мероприятиям. Он не выносил застолий в республиках и шумных встреч, скрепя сердце, терпел, когда ему устраивали такие приемы, как, например, в Баку. Алиев тогда вывел на улицы полтора миллиона человек и явно переборщил с азербайджанским гостеприимством.

Не в привычках Леонида Ильича было изысканно обставлять квартиры и кабинеты. Нравились ему простота и простор. Только поэтому он не переехал в специально подготовленную для него бывшим управляющим делами ЦК КПСС Павловым квартиру на улице Щусева. Он приезжал, посмотрел ее и сказал, что в таких хоромах жить не намерен. Семья Брежнева осталась в четырехкомнатной квартире по Кутузовскому проспекту, в которой проживала с 1952 г.

* * *

Леонид Ильич всю жизнь много работал и не имел возможности уделять достаточного внимания воспитанию детей. Виктория Петровна была слишком мягкой женщиной и не могла держать их в руках. Условия жизни и возможности их портили.

Все это привело к тому, что дочь Галина и сын Юрий стали увлекаться выпивкой. Такое случилось не у одного Леонида Ильича. Сыновья Сталина, Ворошилова, Андропова, Кулакова, внучки маршала Гречко, зять Хрущева и многие родственники других руководителей страдали такими же пороками. Сын Леонида Ильича Юрий Леонидович Брежнев, бывший

заместителем министра внешней торговли, был хроническим алкоголиком и оставался в должности только благодаря отцу.

До прихода в семью Брежневых Ю. М. Чурбанова Галина не была так пристрастна к вину. Он виноват в том, что она стала увлекаться спиртными напитками. Чурбанов так же, как и Аджубей, не понял своего места в семье руководителя такого высокого ранга. Ему незаслуженно присваивались высокие звания до генерала-полковника, его повышали в должности, подняв до первого заместителя министра внутренних дел. Потом он вошел во вкус, стал брать взятки за протекционирование, за что в конце концов и попал в тюрьму.

У Леонида Ильича есть внучка и два внука. Внучка Витуся, дочь Галины от циркового артиста Милаева, очень спокойная, в отличие от матери, женщина, имеет дочь. Внуки от сына Юрия — Андрей, умный парень и хороший семьянин, и Леонид, который пошел по стопам отца.

О Галине одно время по Москве ходило много слухов: что она была связана с артистом цыганского театра «Роман», которого называли «князь Бриллиантовый»; что у нее был роман с ним, что она занималась скупкой бриллиантов. Однако, по категоричному заявлению А. Я. Рябенко, все это не соответствует действительности.

Нужно сказать, что у нас, особенно среди женщин, любят перемывать кости женам руководителей высокого ранга. Досталось и Виктории Петровне. Утверждалось, что она очень сильно влияла на Леонида Ильича в государственных и партийных делах. Это также неправда. Виктория Петровна не могла быть таковой в силу своего характера и постоянной болезни. Несколько раз она находилась в критическом состоянии, но выходила из этого положения и пережила мужа. Она часто выезжала на лечение в Карловы Вары. Единственным ее вмешательством в дела супруга было то, что она сделала Леониду Ильичу замечание по поводу награждения его орденом «Победа». Она заявила, что ему не следовало принимать этот орден, ибо он вручается за выдающиеся достижения в военной области. Брежнев тогда ответил, что на этом настояли члены Политбюро, а он не дал должной оценки их действиям.

* * *

Это как раз и говорит о том, что начиная с 1975 года Л. И. Брежнев стал страдать старческой болезнью, называемой манией величия. Нарастал культ личности Брежнева, который затем

превзошел культ Сталина и Хрущева, вместе взятых. Он выразился в незаслуженном его награждении орденами и медалями, присвоении ему высоких воинских и государственных званий. За его спиной на высшем уровне в этот период процветал фаворитизм. Каждый тянул своих родственников, друзей, знакомых, как правило, бездарных и наглых. Украина и Днепропетровщина стали преобладать в высоких сферах руководства страны, возраст которого превышал пенсионный на 10–15 лет. В когорту руководителей партии, правительства и государства не допускались молодые, перспективные и талантливые работники. Все вопросы решались только инстанциями ЦК КПСС, Верховным Советом, Советом Министров СССР, что привело к утверждению закоснелых бюрократических порядков. В свою очередь это породило бездеятельность в низших эшелонах государственного и партийного аппарата. Ловкачи, воспользовавшись этим, стали заниматься очковтирательством, показухой, приписками, что не отражало реального положения экономики и жизненного уровня народа. В итоге все это парализовало активную деятельность партийного и государственного аппарата, нанесло огромный ущерб экономике страны.

Самодовольство руководителей, боязнь потерять свое положение и в то же время стремление использовать его в своих корыстных целях привели к служебным злоупотреблениям, рвачеству и взяточничеству в крупных размерах. На периферии, куда не доходил глаз верховной власти, обстановка складывалась и того хуже.

Брежнев был тогда в ореоле мнимой славы. Превозносились его военные заслуги как начальника политотдела 18-й армии и участие этой армии в боях, особенно на Малой Земле. Ему было четыре раза присвоено звание Героя Советского Союза и один раз звание Героя Социалистического Труда. Он стал Маршалом Советского Союза, был награжден высшим военным орденом «Победа», удостоен звания лауреата Ленинской премии. Его мемуары оказались величайшим достижением литературы и важным событием в общественной и политической жизни страны. Его стали называть «Дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев», чего не было никогда в истории советского протокола.

Однако в оправдание Л. И. Брежнева следует сказать, что его культ создавали опять-таки работники ЦК партии, близкое ему окружение и всевозможные работники культуры, литературы и журналисты. Вряд ли он сам писал свои мемуары и оделял себя высокими наградами. Мои личные наблюдения подтверждают, что Леонид Ильич был человеком добрым, общительным, он

никогда и никому не сказал грубого слова, ни с кем не обошелся бестактно. Трудно поверить, что он столь сильно страдал такими пороками.

На все лады превозносили тогда успехи в строительстве социализма, который окрестили «развитым», «зрелым» и т. п., хотя ничего нового не было внесено в развитие обществоведения, философии, диалектики. Социальные процессы в советском обществе не только не изучались глубоко, но и подчас игнорировались. Этот период в деятельности партии, руководства страны, в развитии ее экономики был не столько застойным, сколько застольным. Руководители всех степеней использовали свое положение и возможности, устраивали пышные банкеты, праздновали и отмечали юбилеи, организовывали выпивки по случаю и без случая. Вино тогда лилось рекой наряду с борьбой против алкоголизма.

Особенно процветал обычай получать и преподносить весьма дорогие подарки. Получали от других, а дарили за счет государства. Пример в этом показывал сам Брежнев.

* * *

В последние годы жизни Брежнев страдал недугом. Он плохо говорил и стеснялся этого дефекта, хотя жизнь и положение требовали от него выступлений с длинными докладами. Кроме этого, он еле передвигался и не мог подниматься по лестницам. Все это создавало массу проблем для сотрудников протокола и безопасности. Это видели иностранные представители, посещавшие Советский Союз с визитами, и особенно журналисты, которые буквально охотились за ним, фотографировали его и изучали, чтобы дать свой прогноз о возможной его смерти. Они понимали, что это событие может привести к серьезным переменам в жизни советского общества.

И, будто назло всем, и особенно иностранцам, Л. И. Брежнев продолжал жить, работать и активно отдыхать. Как правило, в пятницу, во второй половине дня, он уезжал на охоту в Завидово. Он не пропускал футбольные и хоккейные матчи, особенно с участием команды ЦСКА. Постоянным его спутником в этих мероприятиях был К. У. Черненко, которого он прочил в наследники.

Иногда к ним присоединялся Д. Ф. Устинов. Мне часто приходилось бывать на этих матчах и обеспечивать безопасность Брежнева и его ближайших коллег, и у меня сложилось впечатление, что на них он отвлекался и отдыхал. Ежегодно он

собирал своих однополчан-ветеранов 18-й армии в зале ЦДСА, где устраивал для них приемы. В кругу близких он часто предавался военным воспоминаниям.

По всему было видно, что Брежнев в последние два-три года на посту главы Советского государства и партии не вникал глубоко в насущные дела, а больше полагался на свое окружение. У него были весьма опытные и знающие свое дело помощники, такие, как А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов и другие, которые зарекомендовали себя как прекрасные организаторы и здравомыслящие руководители.

С другой стороны, не следует отрицать, что внутри руководства партии и страны имели место острые разногласия и неприязнь отдельных лидеров друг к другу, хотя на людях их отношения казались дружественными и уважительными.

Как уже говорилось выше, в это время шло усиленное насаждение в центральные правительственные организации выходцев с Украины, и особенно из Днепропетровска. По существу, период после Сталина вплоть до Андропова, то есть с 1953 по 1982 год, или в течение 28 с лишним лет, характеризовался засильем в центре украинских представителей, с чем, естественно, не могли мириться другие руководители.

Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин

Со временем определенные противоречия и недружелюбие стали проявляться между двумя ведущими лидерами: Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным, главой партии и государства и главой правительства. Такое положение было хорошо известно близкому окружению, которое стремилось использовать его в своих целях. Убедиться в этом можно на одном, очень показательном примере.

В марте 1978 г. А. Н. Косыгин совершал поездку по Тюменской области и Красноярскому краю. С большой группой ведущих работников Совмина и Госплана он побывал в Тюмени, Сургуте, Нижневартовске, Красноярске, на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС и в Норильске. Основной целью его поездки было знакомство с новостройками этих регионов. В ходе поездки решались также вопросы благоустройства городов и их снабжения, прокладки дорог в отдаленные северные районы и организации доставки туда строительных и других материалов.

На меня тогда возлагались обязанности по обеспечению безопасности А. Н. Косыгина, в связи с чем мне приходилось выступать в роли координатора всех мероприятий с местными властями.

Поездка была плодотворной, и в ходе ее встал вопрос о посещении Свердловска на обратном пути в Москву. Естественно, все вопросы пребывания А. Н. Косыгина и сопровождавших его лиц в Свердловске были своевременно согласованы мною с местными руководителями и доложены в Москву. Никаких встречных вопросов или предложений не поступило.

Однако, несмотря на такую согласованность, я решил накануне вечером позвонить своему руководству и еще раз доложить о времени вылета из Норильска и прилета в Свердловск. Начальника управления в это время на месте не оказалось, и я решил выйти на связь с его первым заместителем генерал-майором В. П. Самодуровым. После доклада о полете в Свердловск я услышал в трубке крик удивления: "Как, вы летите в Свердловск и будете там завтра в 12 часах? Вы что, ничего не знаете?" Я подтвердил сказанное и добавил, что все детали поездки А. Н. Косыгина согласованы со Свердловским обкомом партии и управлением КГБ по этой области, что об этом сообщалось в Совмин и другие инстанции.

Тогда генерал Самодуров сказал мне: «Слушай, я тебе сообщаю, но на наш разговор нигде не ссылайся. Считай, что я тебе этого не говорил. Завтра, в 14 часов, в Свердловск прибывает

из Москвы Брежнев. Отсюда он полетит дальше, а потом поедет поездом во Владивосток. Что означает их стыковка в Свердловске, ты сам понимаешь. Принимайте там решение на свое усмотрение».

В ответ я сказал, что мне картина ясна и я начинаю действовать. Мысленно же я представил себе, что будет с Косыгиным, если он прилетит в Свердловск и узнает, что туда спустя 2 часа прилетает Брежнев. Мне также пришла в голову мысль о том, как этот факт воспримут в Москве и Свердловске, как это будет выглядеть в глазах советской общественности и особенно как это расценит пресса. Одновременно передо мной встал вопрос, почему о поездке Брежнева не предупредили Косыгина как члена Политбюро и Председателя Совета Министров СССР.

* * *

Нужно было немедленно докладывать об этом самому Алексею Николаевичу, который в это время проводил большое совещание в горкоме партии. Мне было неудобно входить в зал заседаний, но и дело не терпело отлагательства. Помогло то, что как раз оттуда вышел Н. К. Байбаков, и я обратился к нему с убедительной просьбой срочно вызвать Алексея Николаевича, чтобы довести до него весьма важное сообщение.

Через некоторое время Косыгин вышел с совещания и я рассказал ему о предстоящей поездке Брежнева по районам Сибири и Дальнего Востока. Когда я сообщил ему, что завтра, в 14 часов, Брежнев будет в Свердловске, Косыгин побледнел. Он сказал: «Почему я ничего об этом не знаю?» Он переспросил меня снова и очень хотел узнать, из каких источников исходит моя информация. Я ответил ему, что эти данные получил только что из 9-го управления, но уклонился от ссылки на конкретный источник.

Косыгин был человеком мудрым, любил советоваться с другими по любым вопросам, знать их мнение и только тогда принимал и высказывал свое решение. Вот и на сей раз он прямо задал мне вопрос: «Что вы думаете по этому поводу?» Вопрос не застал меня врасплох, и я ответил: «Мне трудно вникать в существо дела, но мне кажется, что нам необходимо срочно вылетать в Москву и прибыть туда завтра до отлета Брежнева. У нас мало времени, но мы успеем. В Свердловск нам ехать нельзя, — добавил я, — ибо этим можно вызвать недоумение у советской общественности. Кроме того, мы зададим много хлопот

руководителям Свердловска».

Я не договорил при этом, но подумал, что отсутствие Косыгина при проводах Брежнева в Москве также может быть расценено как неуважение к первому лицу в партии и государстве и может стать предметом кривотолков о том, кто же остался вместо Брежнева в Кремле.

Алексей Николаевич сразу же распорядился готовиться к отъезду в Москву. Было около полуночи, и на сборы оставалось мало времени. Были подняты по тревоге все необходимые службы, и машина сработала весьма четко и быстро.

Когда я прибыл в резиденцию, чтобы взять свои вещи, мне сказали, что в моем номере не смолкает телефон. Вызывал Свердловск. Начальник УКГБ по Свердловской области тонко и деликатно спросил меня о том, как проходит поездка и когда мы думаем завтра вылететь к ним. Я ответил, что мы вылетаем по графику, и доверительно добавил, что летим не к ним, а в Москву.

Я услышал в ответ вздох облегчения и слова благодарности за информацию. Со своей стороны начальник УКГБ сообщил мне, что звонит по просьбе секретаря обкома, который в большом раздумье и не знает, что ему делать, как организовывать встречу, где поселять Косыгина в связи с приездом Брежнева и, главное, почему такая встреча должна произойти в Свердловске.

«У нас сложилось мнение, — добавил он, — что Косыгин приезжает в Свердловск раньше, чтобы встретить Брежнева и затем вместе следовать дальше на Восток. Но при этом странно, что никто из ЦК и Совмина не дает в обком никакой информации по этому поводу. Теперь, — добавил мой свердловский коллега, — у нас свалилась гора с плеч, и я сейчас же доложу обо всем секретарю обкома».

Через два часа мы были уже на аэродроме, а в 10 часов прилетели в Москву. В определенное по протоколу время А. Н. Косыгин прибыл во Внуково-2 на проводы Брежнева. И не нужно было обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить, с каким удивлением встретили его появление некоторые члены Политбюро и работники ЦК партии. Особенно кислая мина была у Суслова. Всем своим видом он давал понять, что участие Косыгина в церемонии проводов явно нежелательно, поскольку в таком случае Суслов оказывается на втором месте среди провожающих.

Этот эпизод, который, надо полагать, был не единственным в жизни и деятельности А. Н. Косыгина, показывает, что во времена Брежнева имела место скрытая междоусобная борьба среди руководителей высшего эшелона власти и выживал в ней сильный

и ловкий. Поэтому-то, наверное, А. Н. Косыгин, будучи больным, вынужден, был подать в отставку. Он оказался первым в то время высоким советским руководителем, который по своей воле ушел на пенсию с поста члена Политбюро, Председателя Совета Министров СССР. Видимо, у него были весьма веские на то основания.

Обострение обстановки

Следует сказать, что период руководства Л. И. Брежнева государством и КПСС был тревожным и с той точки зрения, что в советском обществе назревали бурные события, которые должны были вот-вот произойти. Они были связаны с тем, что в результате устоявшихся и закоснелых бюрократических методов руководства и отношения к народу советские люди не могли решать своих личных проблем, которые для них были важнее любых государственных. К тому же тогда все решала Москва. К ней обращались все взоры и надежды, но она отталкивала их и оставляла рассмотрение просьб и жалоб на усмотрение местных властей. Все это породило массу недовольства, которое перерастало в акции открытого протеста, а то и террора. Так было на Красной площади, у Боровицкой башни, в Мавзолее и в других местах. Всполошились ранее перемещенные народы и народности, такие, как крымские татары, турки-месхетинцы, немцы Поволжья, и другие.

Антисоветские выступления захватили и советских руководителей, и главным образом во время их поездок в зарубежные страны. Как правило, их встречали там и провожали крупными демонстрациями, погромами советских учреждений, плакатами и карикатурами, листовками и шумными пропагандистскими кампаниями в прессе, на радио и телевидении. Не обошлось без угроз и даже попыток осуществить террористические акции.

Особенно много сигналов о терроре имело место против Л. И. Брежнева, в частности, во время его последних поездок в ФРГ и Францию. Зачастую это были ложные сигналы, поступавшие по телефону или письменно, но по ним службами безопасности принимались самые неотложные и действенные меры с привлечением значительных сил и средств.

Автору этих строк пришлось готовить визиты Л. И. Брежнева в эти страны. По программе визита в Париже он должен был возложить венок к вечному огню у Триумфальной арки. За день до этого мероприятия по линии советской разведки были получены данные о том, что в момент возложения венка Брежнев будет обстрелян из винтовок с оптическим прицелом со зданий улиц, выходящих к Триумфальной арке.

Немедленно была организована встреча с префектом Парижа, который заверил, что примет все меры по обеспечению безопасности высокого советского гостя. Однако сложность предотвращения этой акции заключалась в том, что к

Триумфальной арке выходят двенадцать улиц, и откуда террористы намеревались стрелять, трудно было предположить. Поэтому руководство парижской полиции бросило на ликвидацию угрозы и предотвращение террористического акта 12 тысяч полицейских (по одной тысяче на каждую улицу), 6 тысяч пожарников (по 500 человек на крыши домов каждой улицы) и одну тысячу полицейских (особый резерв префекта) для обеспечения безопасности в окрестностях площади.

Мероприятие по программе визита прошло нормально, но какой большой ценой!

О подобной акции против Брежнева был сигнал в Бонне во время официального обеда, который устраивал в честь его канцлер Г. Шмидт. Было заявлено по телефону, что при выходе из Редута (здание, где проходил обед) Брежнев будет убит. Советской службе безопасности пришлось тогда применить свой метод, чтобы скрыть от наружного наблюдения выход из Редута Л. И. Брежнева, посадить его в машину и быстро увезти в резиденцию.

В ходе этого же визита во время посещения Брежневым Гамбурга на аэродроме чуть было не произошла чудовищная авиационная катастрофа. Когда самолет с Брежневым и главными членами советской делегации выруливал к взлетной полосе, буквально перед ним без предупреждения осуществил посадку громадный транспортный самолет ВВС США. Это произошло в то время, когда нашему самолету было дано разрешение на взлет и когда в акватории воздушного пространства над аэродромом не должно было находиться других летательных аппаратов. Катастрофа была предотвращена только благодаря бдительности командира корабля А. Г. Майорова и членов его экипажа.

Как правило, в течение каждого визита Брежнева поступало до 30–40 сигналов по различным каналам о совершении против него террористических актов.

Аналогичные сигналы и даже террористические акции имели место и против других советских руководителей. Так, в Канаде во время официального визита туда Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина против него была совершена попытка покушения. После переговоров в парламенте по предложению канадцев было решено совершить прогулку вокруг его здания с целью осмотреть достопримечательности. Входе осмотра на Алексея Николаевича бросился человек, который входил в число сопровождавших его местных корреспондентов. Умелыми действиями сотрудников безопасности, и в частности полковника Е. С. Карасева и подполковника Н. Н. Горенкова, нападавший был локализован и передан местной полиции. Им оказался член

венгерской эмигрантской фашистской организации, у которого была изъята финка. Он был специально внедрен в группу корреспондентов, а целью его акции было сорвать визит советского премьера в Канаду.

* * *

Сотрудники безопасности не раз спасали жизнь своим охраняемым в различных непредвиденных обстоятельствах. Так, Л. И. Брежнев, будучи в городе, где находится завод по созданию космических кораблей «Буран», решил посетить его. Он предупредил об этом руководителей предприятия, а те объявили всему коллективу о том, что к ним прибывает Брежнев. У службы безопасности не было времени на подготовку этого мероприятия. Она даже не могла предостеречь администрацию завода от такого шага, как сбор огромной массы людей для встречи Брежнева. Когда же он прибыл туда, то на территории завода и в цехах собралось не менее 15 тысяч рабочих и служащих.

Все, естественно, хотели попасть в центр этого события, к «Бурану», поэтому на его стапелях и вокруг разместилось несколько сот человек. При приближении Брежнева к космическому кораблю люди стали переходить по стапелям с одной стороны на другую, где его было бы хорошо видно. В результате такой перегрузки стапели рухнули и вместе с людьми стали падать на Брежнева и сопровождавших его лиц. В этой ситуации не растерялись лишь сотрудники охраны, которые прикрыли его собой и защитили от ударов падающих балок и людей. Они сумели вынести Брежнева из-под этой кучи дерева и людской свалки, но сами получили сильные удары и серьезные травмы. Сильно пострадал тогда и Брежнев. После визита он сказал: «Меня спасли чекисты».

Во время прогулки на байдарках по Москве-реке 1 августа 1976 года с Алексеем Николаевичем Косыгиным стало плохо, он потерял сознание, перевернулся и стал тонуть. Следовавшие за ним на байдарках сотрудники охраны бросились к нему на помощь и на себе, вплавь дотащили до берега, где ему оказали первую медицинскую помощь. Он был на волоске от смерти. Своевременная помощь офицеров безопасности позволила ему прожить еще несколько лет.

Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников должен был на вертолете совершать полет в один из труднодоступных районов. При подлете туда их застал густой туман. Неожиданно вертолет стал падать. Сотрудники

безопасности прижали своего охраняемого к сиденью и прикрыли собой. В момент удара о землю вертолет разбился, пострадали члены экипажа и офицеры охраны, но они спасли своего охраняемого, выполнили свой служебный долг.

И таких случаев было немало, особенно во время автомобильных аварий, в которые попадали К. Ф. Катушев, Н. В. Подгорный, В. В. Гришин и другие. Не обошлось и без жертв, как это случилось с П. М. Машеровым. Петр Миронович был очень добрым человеком, не послушал совета руководства службы безопасности и оставил у себя водителем ветерана, которому было за шестьдесят лет. Они возвращались по автомагистрали в Минск, когда навстречу им вывернул из колонны грузовик. Не среагировал вовремя водитель и — в результате катастрофа.

* * *

Анализ мирового террора в последние два десятилетия показывает, что он не был столь действенным против советских руководителей только потому, что их безопасность обеспечивала надежная, хорошо оснащенная и подготовленная служба. Это в первую очередь касается Л. И. Брежнева, в отношении которого было наибольшее количество сигналов о террористических актах.

Служба безопасности в тесном сотрудничестве с нашей медициной создавали ему все необходимые условия для плодотворной деятельности и нормального отдыха, что позволило Л. И. Брежневу под конец своей жизни 24 мая 1982 года выступить с десятилетней продовольственной программой, в которой вновь ставился вопрос о поднятии сельского хозяйства страны. На эти цели выделялись колоссальные средства — 160 миллиардов рублей от всех капиталовложений в советскую экономику. Программа должна была послужить основой развития всей экономики страны и обеспечения в первую очередь населения сельскохозяйственной продукцией. Почему-то впоследствии эту программу предали забвению.

Более 19 лет находился Л. И. Брежнев у руля руководства партией и государством. 10 ноября 1982 года он скончался. Он немало сделал, но оставил после себя и много проблем, главным образом в области экономики. Конечно, судить о высоких руководителях задним числом легче всего, труднее входить в их положение. Поэтому не следует слишком громко и негативно осуждать его время и руководство. Все же оно было действенным, при нем совершено немало хороших дел, а главное — советский народ около двадцати лет жил мирной и в целом неплохой

жизнью.

Ю. В. Андропов

После смерти Л. И. Брежнева около полутора лет КПСС и Советское государство возглавлял Юрий Владимирович Андропов. До этого, с мая 1982 года, он ведал в партии вопросами идеологии, сменив на этом посту М. А. Суслова. По-существу, уже с этого времени он направлял из-за кулис всю политику СССР. Большим подспорьем ему в этом являлось длительное руководство органами государственной безопасности.

Опыт комсомольской и партийной работы, дипломатическая деятельность в трудный период венгерских событий, пятнадцатилетнее пребывание в должности председателя КГБ СССР, затем секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро — все это давало ему полное право занять место лидера страны и партии.

С первых же дней своего восхождения на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропов изменил брежневский протокол и стиль работы. Это проявилось в том, что после похорон Брежнева он не стал проводить совещания руководителей социалистических стран, а обошелся встречами с вице-президентом США Дж. Бушем, президентом ФРГ Карстеном и министром иностранных дел ФРГ Геншером, руководителем Афганистана Бабраком Кармалем, премьером. Пакистана Зия Уль-Хаком и министром иностранных дел КНР Хуан Хуа.

На всех советских людей Юрий Владимирович сразу же произвел самое приятное впечатление. Все увидели в нем жизнеспособного государственного и политического деятеля, о каком они мечтами долгие годы.

Для советских чекистов это событие являлось весьма значительным. Впервые за всю историю Советского государства руководитель ведомства государственной безопасности встал у руля управления страной.

Следует сказать, что решение Политбюро и Верховного Совета СССР о назначении Ю. В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР было абсолютно правильным, ибо только он в то время понимал и чувствовал внутреннее состояние страны и проблемы, которые оставили после себя Хрущев и Брежнев.

Все это он хорошо усвоил, будучи еще в КГБ, потому что его оперативные возможности позволяли получать самую достоверную информацию о положении в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и во всех других областях экономики, не говоря уже о коррупции, взяточничестве и безвластии в советских республиках. Еще больше информирован

он был в делах международного плана.

Огромный авторитет Юрий Владимирович приобрел в связи с наведением порядка и укреплением дисциплины в рабочих и трудовых коллективах. Страна сразу же подтянулась, люди перестали использовать свое положение и возможности для личных целей и наживы. Сократилось пьянство в рабочее время, борьба с алкоголизмом велась не призывами, а действенными мерами. Советские люди давно ждали такого поворота дел, и он настал.

В целях поднятия экономики был выдвинут лозунг увеличить на полпроцента производительность труда рабочих и служащих и снизить на полпроцента себестоимость производимой продукции. Это были минимальные нормы, но они дали определенный толчок к улучшению работы каждого советского человека. В области внешней политики проявилась активность в установлении более тесных отношений с ведущими странами мира.

Юрий Владимирович выступил с большой и очень серьезной работой в области философии и диалектики. Чувствовалось, что он глубоко разбирается и в этих вопросах. По существу, он первый сделал шаг к иному подходу в обществоведении и истории, в деле определения фазы современного развития советского социалистического общества. Им было высказано уже тогда сомнение в том, что мы жили в стации развитого и зрелого социализма.

Однако при всем большом объеме работы он постоянно уделял внимание органам государственной безопасности. Шло дальнейшее их укрепление, расширение, активизировалась их деятельность. Главная их задача заключалась в глубоком вскрытии планов спецслужб империалистических государств по подрывной работе против СССР и стран народной демократии, в своевременном вскрытии и предупреждении симптомов возникновения ядерной катастрофы. Значительное место в их деятельности в то время занимали вопросы обеспечения безопасности советских руководителей в связи с поступлением многочисленных сигналов о попытках проведения против них террористических акций внутри страны и особенно за границей.

Юрий Владимирович, будучи в КГБ, много сделал в наведении порядка в самих органах. Была проделана значительная работа по конкретизации задач и разграничению функций между подразделениями, по их закреплению за ними в соответствии с советским законодательством. За этот период структура и техническое оснащение органов госбезопасности были доведены до определенного совершенства, хотя они и стали

несколько громоздкими. Главная его заслуга в том, что он сумел поднять их роль и авторитет в Советском государстве. Основным средством борьбы чекистов в 60–70-е годы с диссидентством стала профилактика. Чекистские органы в эти годы буквально спасли многих деятелей советской культуры, искусства и науки, сотни советских граждан, оказавшихся по воле случая в сложной для них жизненной ситуации.

* * *

Одним из таких примеров может служить О. Д. Калугин. Он был назначен во внешнюю контрразведку примерно в конце 1972, в начале 1973 года. Прибыл он из Соединенных Штатов и, естественно, возглавил американское направление. Вскоре его назначили заместителем начальника управления внешней контрразведки, через два-три месяца первым заместителем, а еще примерно через три месяца начальником управления. Ему сразу же присвоили воинское звание генерал-майор, и в 38 лет он оказался самым молодым генералом в КГБ.

Это был невиданный взлет по служебной лестнице. У многих тогда невольно возникла мысль, что у Калугина есть «мохнатая рука» среди высоких советских руководителей. Поговаривали, что он близкий человек Д. Ф. Устинову, в то время кандидату в члены Политбюро, министру оборонной промышленности.

Однако никто не сомневался, что Калугин соответствовал своему назначению. Он обладал опытом оперативной работы в стране главного противника, имел светлую голову и определенные ораторские способности. Это был эрудит и руководитель, который способен был мыслить перспективно.

Все это позволило Калугину не только утвердиться в своем положении, но и выступить с некоторыми прожектами в работе. Он завел связи в кругах МИД СССР, среди журналистов и начал упорно продвигаться в окружение Андропова. Это не осталось незамеченным и примерно с 1975 года он уже находился «под колпаком» своей же службы внешней контрразведки. Мне лично не пришлось заниматься этим делом, я только догадывался об этом, а вскоре забыл о нем в связи с переходом на новую работу.

Через несколько лет Калугин был переведен по службе в Ленинград на должность первого заместителя начальника управления КГБ. Считалось, что он поехал туда с повышением и с перспективой на замещение должности начальника управления, так как его настоящий руководитель генерал-полковник Д. П. Носырев был в годах и подлежал увольнению на пенсию.

Вскоре после перевода Калугина в Ленинград мне случилось оказаться в кругу близких к Ю. В. Андропову лиц. В разговоре один из них прямо заявил, что Калугин — агент ЦРУ, что имеются достоверные данные, подтверждающие это. Эта новость поразила меня. Услышав такое заявление из уст весьма серьезного человека, я стал колебаться в порядочности Калугина. Я подумал, какой же громадный ущерб он мог нанести советской разведке, будучи руководителем одного из важных направлений ее деятельности.

Мало того, в этом же разговоре было сказано, что с Калугиным провел серьезную беседу Ю. В. Андропов, после чего его отправили в Ленинград. Цель была одна — удалить его подальше от центрального аппарата и особенно внешней контрразведки. Вдобавок в Ленинграде его также поставили на такой участок деятельности управления КГБ, который был далек от его дел. Он курировал МВД, причем областные его подразделения. Все это было сделано очень мудро по указанию Ю. В. Андропова, который полагал, что Калугин исправится и станет на путь честного отношения к порученному делу и к своим гражданским обязанностям.

Меня долго тревожила мысль о нем, и хотелось найти подтверждение, что это не так, что на него возведена клевета, как это часто бывает с разведчиками. И вот в 1985 году я прибыл в Ленинград в связи с подготовкой поездки туда Горбачева.

Моя встреча с Калугиным состоялась в одном из залов Петродворца, завязалась беседа старых сослуживцев. Тогда-то я и задал ему вопрос: «Олег, за что тебя отправили в Ленинград?» Он явно не хотел отвечать на мой вопрос, на его лице появился румянец. Я настаивал, и он наконец выдавил из себя: «На меня навалил кучу грязи зятек». Речь шла о зяте бывшего первого заместителя председателя КГБ генерала армии Г. К. Цинева. Меня ответ его не удовлетворил, я почувствовал неискренность в его ответе и неестественность в его поведении.

В то же время мне стало известно от Даниила Павловича Носырева о поведении Калугина в Ленинграде. Он много писал в инстанции о том, что его притесняют, о вскрытых им непорядках в местных органах власти. Он всячески стремился вырваться из Ленинграда, и ему в конце концов удалось это сделать.

Сейчас много говорят и спорят о Калугине, но бывшие коллеги не желают о нем и слышать.

Его поведение, громогласное раскрытие перед противником фактов, наносящих ущерб нашей разведке и государству, — это ли не доказательство того, что он активный помощник американских спецслужб. Он не оправдал доверия к нему Ю. В.

Андропова, предал его и весь коллектив славных разведчиков.

* * *

При Юрии Владимировиче повысились роль и авторитет службы безопасности советских руководителей. Он лично следил за ее деятельностью и направлял в русло активной борьбы с проявлениями террора в нашей стране. Постоянно держал под контролем безопасность своих коллег при поездках за рубеж и по стране. Ему ежедневно докладывалась информация по этим вопросам. О боевой готовности 9-го управления он судил по своей охране, которую возглавляли на разных этапах его деятельности В. И. Никитин, Ю. И. Спорыхин, В. А. Иванов.

Вместе с тем в целях укрепления органов госбезопасности опытными кадрами шло насаждение на руководящие должности лиц, пришедших с партийной и административной работы, или лиц из числа его близкого окружения.

В годы руководства им комитетом госбезопасности на руководящую работу туда пришли: В. М. Чебриков и В. А. Крючков — будущие председатели КГБ, Г. Е. Агеев и В. П. Емохонов, которые затем стали первыми заместителями председателя, В. П. Пирожков, М. И. Ермаков, В. А. Пономарев — будущие зампреды и другие. Многие из этой плеяды выдвиженцев стали начальниками главных и самостоятельных управлений, органов на местах. И лишь незначительную часть руководства КГБ составляли опытные работники, прошедшие снизу школу оперативной работы. Это — первые заместители председателя Г. К. Цинев, Ф. Д. Бобков, заместитель председателя — начальник Главного управления контрразведки Г. Ф. Григоренко, заместитель председателя — начальник Главного управления погранвойск В. А. Матросов и некоторые другие. По существу, принцип преимущества номенклатурного партийного работника при выдвижении на руководящую должность не только сохранился, но и возрос в еще большей степени, когда Юрий Владимирович стал генсеком. Его стиль выдвижения руководящих кадров превратился из ведомственного в общегосударственный и принял еще большие масштабы.

Он хорошо понимал, что очень болен и что дни его жизни сочтены. Поэтому он очень торопился укрепить все звенья государственного и партийного аппарата людьми, верными партийному долгу, прошедшими определенную жизненную школу, преданными социализму. В числе таких он в первую очередь привлек людей из своего окружения, которые работали с

ним долгие годы, которых он привел в органы госбезопасности и возвел в ранг высоких деятелей КГБ. Среди них выделялись В. А. Крючков, Г. Н. Агеев, Ю. С. Плеханов, В. Ф. Грушко, И. И. Назаров, большинство зампредов, начальников подразделений и многие другие.

Работники этой категории были у Андропова на особом счету, и в последний период жизни он определял их на самые острые участки не только КГБ, но и других министерств и ведомств. По существу, это был пролог создания будущей элиты, проявившей себя в августовских событиях 1991 года.

Так, во главе советской политической разведки был поставлен В. А. Крючков, который до этого не имел ни малейшего представления о ее конкретной деятельности; начальником 9-го управления КГБ, то есть службы безопасности советских руководителей, — Ю. С. Плеханов, который никогда ранее не занимался этими вопросами. То же самое наблюдалось и на других участках деятельности КГБ, особенно в руководстве подразделениями на периферии.

Однако нельзя не отдать должного этим людям: они были способными, знающими хорошо структуру государственной власти, руководителей центрального аппарата, являлись подлинными активистами в проведении линии партии через органы госбезопасности и общительными людьми. Но большинство из них не обладало опытом оперативной работы, хотя они и должны были решать в первую очередь вопросы такого порядка. В этом был их существенный недостаток, который приводил к ошибкам и просчетам в работе на всех этапах их службы. Мало того, они стали тянуть за собой людей такого же склада, наделять их должностями и званиями, чем вызывали в подразделениях определенную неприязнь к себе и этой категории руководителей.

Принимал меры, но не устранил кадрового фаворитизма и В. М. Чебриков, сменивший на посту Председателя КГБ СССР В. В. Федорчука, хотя призывов с его стороны к этому было много. Виктор Михайлович прошел суровую школу войны, участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками с первых до последних дней в качестве командира взвода, роты, батальона, был несколько раз ранен. Пришел он в органы с должности секретаря Днепропетровского обкома партии, по-видимому, по рекомендации Брежнева. Он отличался некоторой суровостью, но в то же время и общительностью. Глубоко партийный человек, он, по всей вероятности, не пошел на сделку со своей совестью, когда был председателем комиссии по реабилитации, и был снят бесшумно с занимаемой должности.

На его место вступил по рекомендации М. С. Горбачева Владимир Александрович Крючков, занимавший до этого в КГБ должность зампреда — начальника Главного управления политической разведки. Он был постоянным спутником Юрия Владимировича Андропова со времен венгерских событий, когда был третьим секретарем посольства. Затем он являлся его помощником в ЦК КПСС, а позднее работал в секретариате Председателя КГБ. В 1973 году он был назначен заместителем, а через два-три месяца начальником советской разведки. По тому времени это было сенсационное назначение.

Нужно сказать, что, имея такого высокого покровителя, как Ю. В. Андропов, дело он повел неплохо. Кое в чем ему помогало знание дипломатической службы. Поэтому в первый период у него наблюдались замашки свести в определенных сферах разведывательную деятельность к дипломатической, что не замедлило сказаться на результатах агентурной работы.

В дальнейшем В. А. Крючков справился с этими недостатками и поставил в разведке дело сравнительно хорошо. У него установились через посредство Ю. В. Андропова весьма близкие отношения с высокими советскими руководителями и зарубежными государственными и политическими деятелями. Он отличался деловитостью, шел на контакты, умел положительно влиять на других и располагать к себе. Автору этих строк не раз приходилось бывать в кругу его собеседников, слышать его выступления и беседы, и нужно сказать, что он постоянно рос и весьма солидно выглядел в последнее время.

Эти качества позволили ему быть избранным членом Политбюро ЦК КПСС и дважды назначаться на должность Председателя КГБ СССР. Владимир Александрович продолжил дело Ю. В. Андропова в системе госбезопасности, и, если бы не та кадровая политика, о которой говорилось выше, он бы пользовался еще большим уважением у личного состава КГБ СССР.

Все вышеперечисленные лица были верны и преданы Ю. В. Андропову, и, когда он стал генсеком и главой государства, они еще выше подняли головы. В нем они видели своего кумира и составляли ядро его приверженцев. Они оберегали имя и честь Юрия Владимировича Андропова, который это заслужил.

* * *

Юрий Владимирович был разносторонне развитым человеком. Он очень любил живопись и по возможности посещал

выставки художников. Много читал. Мало кто знает, что он увлекался поэзией, но писал только для себя и лишь иногда читал свои стихи близкому окружению. Не любил фотографироваться. Избегал съемок во время выступлений на больших мероприятиях.

Он очень интересовался спортом. Любимыми видами для него были футбол и хоккей. Болел он за команды «Динамо» и всегда был осведомлен об их успехах и поражениях. Когда у той или иной команды что-то не ладилось и она сдавала в своем мастерстве, он приглашал к себе тренеров и игроков и имел с ними беседы о том, как исправить положение.

Его супруга — Татьяна Филипповна, умная, скромная женщина, не стремилась появляться на людях и осталась малоизвестной для советских людей. Сын Игорь был послом в Греции, но был отозван оттуда по болезни.

Юрий Владимирович взвалил на свои плечи государство и партию, когда был уже болен. Вначале он еще выступал с докладами, ездил по стране и даже за границу. Однако болезнь давала о себе знать. Он мало ел, не пил, стал плохо ходить, с трудом поднимался по ступенькам лестницы. В последнее время он больше находился дома и усиленно работал с документами.

Он много уделял внимания Афганистану, пару раз летал туда, изучал на месте обстановку и решал возникавшие проблемы. Это было связано с тем, что он был одним из пятерки, которая принимала решение о вводе туда советских войск. Считал этот акт абсолютно правильным, даже не не сомневался в этом. Подтверждением этому служит сложившееся позднее положение в республиках Средней Азии. Если бы мы не ушли из Афганистана, там не было бы сейчас кровавых столкновений и больших человеческих жертв. Афганистан сохранял в целостности и спокойствии Среднюю Азию. Сейчас этого гарантировать нельзя.

Юрий Владимирович запомнился советским людям, и особенно чекистам, как пламенный оратор, чуткий и отзывчивый человек, способный организатор и талантливый руководитель. Хочется выразить сожаление, что он так недолго побыл во главе нашего государства и партии. Если бы он пожил еще несколько лет, это наверняка имело бы положительные последствия для нашей страны.

Охрана М. С. Горбачева

Личность Михаила Сергеевича Горбачева стала высвечиваться на политическом горизонте, когда он с должности первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС был назначен Брежневым на пост секретаря ЦК партии и возглавил в нем отдел сельского хозяйства. Это воспитанник М. А. Суслова и Ю. В. Андропова. Первый в свое время работал в Ставрополье и постоянно шефствовал над этим краем. Второй родился на Северном Кавказе, иногда бывал там, и на этой почве у него и возникло хорошее отношение к Горбачеву.

Горбачев же стал особенно проявлять себя в период, когда партию и страну возглавлял К. У. Черненко. Это был больной человек, малоизвестный советскому народу, стоявший в тени политической жизни страны, но которого по завещанию Брежнева и предложению В. В. Гришина избрали на высокие посты в партии и государстве. И вот на фоне бездеятельного Черненко стала выдвигаться фигура молодого, энергичного, обладающего определенным опытом партийной и хозяйственной работы М. С. Горбачева.

Во время его поездки за границу, в частности, в Англию в 1984 году, весь мир начал шуметь о том, что это будущий преемник генсека. До этого Горбачев побывал в Канаде, где интересовался постановкой дела в сельском хозяйстве, но тогда он был малозаметной личностью. Сейчас же с ним связывалось будущее Советской страны и ему уже пророчили на Западе большие перспективы и успехи. Черненко еще находился на больничной койке, а о Горбачеве взахлеб трубила западная пресса как о будущем первом лице в Советском Союзе. И эти прогнозы, как ни странно, сбылись. Видимо, на то были твердые основания у западных почитателей Горбачева. В Лондоне как раз и стало вырисовываться политическое лицо Горбачева. Уж слишком он понравился мадам Тэтчер. К тому же отказался от посещения могилы Карла Маркса, что было запланировано программой визита. Последнее вызвало удивление местной прессы.

Мне не раз приходилось видеть М. С. Горбачева на различных партийно-правительственных мероприятиях до его назначения генсеком. Он неплохо держался, старался привлекать к себе внимание, был прост в обращении, но в то же время знал себе цену. Свой темперамент проявил лишь однажды на выставке сельскохозяйственного домостроения, где присутствовали Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, его заместители и многие министры. Министр сельскохозяйственного

строительства давал тогда объяснения, и беседа шла ровно, спокойно и интересно.

В это время туда приехал М. С. Горбачев. Ему чем-то не понравилось объяснение министра, он резко осадил его и начал сам давать пояснения о новых типах и планировке домов и сельских поселков. Бросилась в глаза бесцеремонность секретаря ЦК КПСС, но все промолчали и слушали его со вниманием. Я лично тогда подумал, что этот молодой партийный руководитель далеко пойдет и будет расталкивать всех на своем пути так же, как упомянутого министра.

* * *

В день смерти К. У. Черненко состоялось заседание Политбюро, на котором решалась судьба М. С. Горбачева. С предложением о выдвижении кандидатуры на пост Генерального секретаря ЦК КПСС первым тогда выступил Г. В. Романов и, согласно завещанию К. У. Черненко, выдвинул В. В. Гришина. После этого встал А. А. Громыко и заявил, что хватит нам носить гробы, пора выдвигать молодые кадры с перспективой на ближайшие десять и более лет. Он настоял на кандидатуре М. С. Горбачева, который и был избран на пост Генерального секретаря большинством в один голос.

Нужно откровенно сказать, что коммунисты и весь советский народ восприняли его назначение весьма одобрительно. Он был молод, но уже с достаточным стажем партийной и хозяйственной работы, пообтерся к тому времени в верхних эшелонах руководства, имел соответствующие внешние данные, хотя очень стеснялся показывать родимое пятно на голове. Со временем он и к этому станет относиться спокойно.

Перед партией и народом по-прежнему стояли огромные проблемы, и в первую очередь связанные с экономикой и поднятием ее на уровень современности на базе дальнейшего развития научно-технического прогресса. До этого были приняты две весьма содержательные программы: продовольственная и экономическая, однако они здорово пробуксовывали и дело шло крайне плохо. Промышленность вышла тогда на нулевой цикл, сельское хозяйство, как и прежде, работало с перебоями, что вынуждало закупать зерно за границей. Нужны были новые веяния, новый толчок, чтобы двинуть советское общество вперед, особенно в области его обеспечения продовольственными и промышленными товарами.

Тогда и возникла у партии идея перестройки, глашатаем

которой стал М. С. Горбачев. Она пронизала всю жизнь советского социалистического общества. Народ вначале воспринял ее как продолжение дела Ю. В. Андропова, поверил в нее и ждал с надеждой конкретных и самых положительных результатов. Обнадеживающими в этом отношении были и заверения самого Горбачева. Он стал неустанным проповедником перестройки, не мог без нее жить ни днем, ни ночью.

Суть ее заключалась в том, что перестройка стала назревшей необходимостью, возникшей из глубинных процессов развития советского социалистического общества. Перемены назрели, а идейным их источником являлось обращение к В. И. Ленину, к его диалектической и политической мысли, творческому богатству и политической прозорливости. Как пишет Горбачев: «В первую очередь встал вопрос об оздоровлении экономической ситуации… Это наведение порядка в хозяйстве, укрепление дисциплины, повышение организованности и ответственности, подтягивание отстающих участков. Но, конечно… такими средствами динамизм экономике придать невозможно. Главные глубинные резервы, как известно, лежат в серьезной структурной перестройке экономики, реконструкции ее материальной базы, в новых технологиях, изменении инвестиционной политики и высоком уровне управленческих систем»[20].

Экономика стала главной заботой, но вскоре была развернута также работа по изменению нравственно-психологической обстановки в обществе и в первую очередь борьба с нарушителями принципов социалистической справедливости, провозглашен курс на гласность, плюрализм и демократию. Исходной задачей перестройки, ее обязательным условием стала необходимость разбудить инициативу человека, сделать его активным и заинтересованным, чтобы он чувствовал себя хозяином страны, предприятия, учреждения.

В области международных отношений курс был взят на отход от конфронтации и обращение в сторону сотрудничества и ядерного разоружения.

* * *

В первые годы деятельность М. С. Горбачева была плодотворной и насыщенной огромным количеством различных мероприятий как внутреннего, так и внешнего характера. Он подавал пример в делах перестройки и призывал к участию в них всех способных на то партийных, государственных и общественных деятелей, тружеников города и села. Он много

ездил по стране и ежегодно совершал три-четыре важных поездки за границу. Его примеру следовали ближайшие соратники по перестройке. Это придало новый импульс в работе службе безопасности, разведке и контрразведке.

Свою первую поездку по стране М. С. Горбачев осуществил в июне 1985 года в г. Ленинград. Ей предшествовала серьезная подготовка. Группа сотрудников КГБ, которую поручили возглавить мне, заранее прибыла в Ленинград, проработала в плане безопасности все места посещения их Горбачевым и доложила о готовности города к приезду. Дополнительно была проработана и программа посещения Ленинграда Р. М. Горбачевой.

После прилета кортеж машин направился в город. При возложении венка к памятнику городу-герою Горбачев отошел от традиционного протокола и решил побеседовать на улице с жителями города. Беседа продолжалась около десяти минут — собралось несколько сот человек. Охрана не ожидала такого напора на нее, но натиск выдержала.

Вторым пунктом программы было возложение венка к памятнику В. И. Ленина на Октябрьской площади. Повторилась та же картина. Несмотря на то, что безопасность на площади обеспечивали более двухсот милиционеров и несколько десятков офицеров безопасности, сложилась весьма критическая обстановка.

Горбачев, Зайков и супруга Горбачева после возложения венка к памятнику Ленина должны были сесть в машину и следовать в резиденцию. Однако они подошли к угловому зданию напротив станции метро и стали беседовать с ленинградцами. Они находились там около получаса. За это время массы людей из метро, с Москов-ского вокзала и других улиц хлынули к месту нахождения Горбачева, и началась давка. Всего скопилось не менее десяти тысяч человек. Охрана призывала их к спокойствию и порядку, но задние давили, стремясь двинуться вперед, и создавали угрожающую ситуацию.

Несмотря на то, что служба безопасности огородила автомашинами место, где находились Горбачев, Зайков и Р. М. Горбачева, люди начали лезть через них, прижали к ним женщин и детей. Начали раздаваться крики о помощи и плач детей, но Горбачев стоял и мирно беседовал о перестройке и антиалкогольной кампании.

Надвигалась непредвиденная катастрофа, и все по вине Горбачева. Тогда сотрудники безопасности, видя создавшееся положение, оттеснили Горбачева и сопровождающих его лиц к машине, втолкнули их туда и еле выбрались из толпы. Многие

сотрудники охраны, в том числе и я, вырвались из неуправляемой массы людей в порванной одежде, с вырванными с корнями на плащах и костюмах пуговицами. Хорошо, что в этой суматохе у них осталось в целости личное оружие.

Когда кортеж прибыл в резиденцию, М. С. Горбачев, выйдя из машины, заявил, что он больше так поступать не будет. Однако на фабрике «Большевичка», в объединении «Электросила» и на Кировском заводе он повторил то же самое, ставя тем самым службу охраны в очень сложное, тяжелое положение и подвергая опасности собственную жизнь.

Предстояло посещение выставки, связанной с развитием Ленинграда и Ленинградской области на период с 1985 по 1990 год. Изучив заранее обстановку и предвидя, что М. С. Горбачев, несомненно, будет встречаться с населением, мы на сей раз задействовали все имевшиеся в городе и области силы милиции, подразделения внутренних войск и сотрудников КГБ. В общем, в обеспечении этого мероприятия участвовали все, кого смог собрать начальник управления КГБ по Ленинградской области генерал-полковник Д. П. Носырев.

Выставка находилась на площади, напротив которой располагались два новых громадных универсальных магазина, где обычно собирались многочисленные массы людей. Учитывая, что о приезде туда Горбачева узнал весь Ленинград, то там уже заранее скопилось не менее 20–25 тысяч человек. Как и ожидалось, после трехчасового осмотра выставки, выйдя оттуда, Горбачев, Зайков и другие ленинградские руководители направились к народу. Две тысячи дюжих молодцев еле сдерживали напор неорганизованной массы людей, которая сжала кольцо безопасности до предела. Из толпы стали выкрикивать и слова одобрения политике перестройки, и нецензурные ругательства, даже бросали камни и твердые предметы в сотрудников милиции и безопасности.

На следующий день у Политехнического института инициатива Горбачева поговорить с народом натолкнулась на брань в адрес руководства партии и страны одного ветерана войны, чей сын был осужден, а ходатайство о незаконности действий суда в течение долгого времени не рассматривалось.

Вдобавок при встрече с ветеранами партии, труда и войны один из них огорошил Горбачева вопросом о том, а хватит ли у него пороху осуществить перестройку в тех масштабах, в каких он ее задумал. Так Ленинград, первый город, который посетил М. С. Горбачев в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС, встретил его своим гостеприимством.

* * *

Поездка М. С. Горбачева в Ленинград внесла существенные коррективы в деятельность службы его безопасности. Необходимо было отходить от старых канонов, которых придерживались другие высокие советские руководители в связи со своим возрастом и состоянием здоровья, искать новые формы и методы осуществления надежной личной охраны и задействовать для этих целей более крупные силы. Поэтому в последующих поездках сотрудники безопасности стали более тщательно прорабатывать программы посещений им предприятий, учреждений, колхозов и совхозов, определяя своим оперативным чутьем места, где бы он мог остановить на трассах проезда автомашину, выйти из нее и начать беседу с населением. В таких местах, как правило, расставлялись работники местных аппаратов КГБ, милиции, курсанты военных школ и МВД, активисты, которые могли на первый случай, до подтягивания резервов, сдержать напор масс и не позволить создать очаг осложнения обстановки.

Во всех этих охранных мероприятиях весьма большую нагрузку выдерживали сотрудники личной охраны. Каждая поездка по стране доставалась им все труднее и труднее, но они стойко выдерживали эти испытания приобретая с каждым разом новые навыки, осваивая новые методы несения службы.

Мы тогда не представляли, как будет вести себя Горбачев во время поездок за границу. Дело в том, что такое его поведение было чревато очень опасными последствиями. В это время в мире был широко развит террор. «Красные бригады», различные «Альфы», «Омеги» и подобные им террористические организации продолжали совершать террористические акты в отношении видных государственных и политических деятелей. Поэтому перед нашей службой безопасности стояла ответственная задача по недопущению каких-либо актов насилия или попыток покушения на советских руководителей и главным образом на М. С. Горбачева.

Ряд его поездок в соцстраны мы в расчет не принимали, ибо там была близкая нам обстановка, хотя мы не исключали и там проведения теракций против него, и готовились к этим визитам так же тщательно. К этому времени Горбачев стал в мире если не первым лицом, то, по крайней мере, вторым. Популярность его перестройки не всем была по душе и несла коренную ломку не только общественных, государственных, но и частных и даже личных устоев, а это всегда влекло за собой ответную реакцию.

Первый его визит в капиталистическую страну был осенью

1985 года во Францию. Прошел он неплохо, к нему было привлечено достаточно большое внимание мировой, местной и советской прессы. Горбачева, можно сказать, изучали до мелочей и ловили на каверзных вопросах. К его чести, он справился со своими обязанностями вполне нормально. Не обошлось, правда, без эксцессов со стороны французских спецслужб и различных антисоветских организаций, но они оказались слишком слабыми и даже наивными.

После Парижа супруги Горбачевы осмелели и стали выезжать в зарубежные поездки все чаще и чаще. В ходе их для службы безопасности появились новые проблемы, связанные с личной амбициозностью как самого М. С. Горбачева, таки его супруги. Они наотрез отказались от поездок в ходе визитов на местных автомашинах, хотя по протоколу любой страны гости обязаны совершать все поездки на транспортных средствах только того государства, в котором они находятся. По-видимому, примером в этом для Горбачева послужили поездки президента и госсекретаря США, которые разъезжают везде на своих самолетах и в своих автомашинах.

Даже в соцстраны, где имелись наши отечественные машины «ЗИЛ-115», Горбачев приказывал направлять для них автомашины гаража особого назначения. Это подчас вызывало недоумение у друзей, возражения, но приходилось настаивать, убеждать, просить, доказывать, что так надо. Обычным доводом в таких случаях был тот, что М. С. Горбачев является Председателем Государственного Комитета Обороны и обязан находиться в своей машине со специальной связью. Для мадам такой довод не подходил, но она всегда ставила вопрос ребром: будет ездить только на советской автомашине и со своим водителем. Нужно было как-то скрыть это мещанство, и поэтому решили наши автомашины предоставлять и другим членам Политбюро, а также охране.

Дело заключалось не столько в самих машинах, сколько в их транспортировке. Каждая загранпоездка при такой постановке дела требовала доставки в страну визита до двадцати автомашин марки «ЗИЛ-115». Под них необходимо было семь транспортных самолетов Ил-76, каждый из которых берет на борт три автомашины. Учитывая, что перелеты осуществлялись также и по стране, в которую наносился визит, то порой переброска автомашин требовала до 30 и более полетов самолетов. Если представить себе визиты в Вашингтон, Нью-Йорк, на Кубу, в Дели, то нетрудно подсчитать, во что обходилась эта переброска автомашин, да еще при нашем дефиците горючего.

С другой стороны, с каждым разом увеличивалось число

членов делегаций, сопровождающих лиц, сотрудников охраны и связи и обслуживающего персонала. В общей сложности все это в последнее время достигало 400–500 человек, для которых также требовалось не менее пяти-шести самолетов. Таким образом, каждый визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а затем Президента СССР обходился Советскому государству и народу в весьма круглую копеечку.

Нам, сотрудникам безопасности, порой было странно наблюдать, как президенты и главы правительств других государств прилетали к нам с визитами в самолетах типа «Фалкон», рассчитанных всего на десять-двенадцать пассажиров. Да и наши руководители до Горбачева никогда не злоупотребляли своими возможностями. Обычно под делегацию, возглавляемую Л. И. Брежневым, выделялось два самолета. О доставке своих машин не было и речи. Ездили на том транспорте, который предоставляла принимающая сторона, и не показывали своего расточительства и барства.

Встречи с Рейганом и Бушем

При Горбачеве началось заметное сближение и улучшение отношений с Западом и особенно с США. В этом отношении встреча глав двух великих держав М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Женеве явилась выдающимся событием мирового значения. К ней было приковано внимание всего мира и, естественно, велась большая и кропотливая подготовка. С этой целью передовая группа четыре раза вылетала в Женеву, проделала громадный объем работы совместно с американской стороной, швейцарскими властями и женевскими спецслужбами.

Представители американских спецслужб принимали тогда сверхнеобходимые меры обеспечения безопасности своего президента, ибо располагали данными о возможности проведения против него в Европе террористического акта. Будучи искушенными в этом отношении, они направили в Женеву большое число своих криминалистов и опытных сотрудников секретной службы США[21]. Возглавлял всю эту команду помощник президента по безопасности Белого Дома Хинкель, весьма энергичный и опытный в этих делах человек.

У нас тоже было много проблем в деле обеспечения безопасности М. С. Горбачева и сопровождавших его советских руководителей, ибо в то время в Швейцарии находилось немало антисоветских организаций и отдельных террористически настроенных элементов, а также более четырехсот афганских боевиков. Поэтому в интересах общего дела мы плодотворно сотрудничали с американскими коллегами по подготовке встречи в верхах и безопасному ее проведению.

До сего времени я с благодарностью вспоминаю эти дни совместной работы, которые положили начало большому взаимопониманию между нашими службами и решению в последующем многих общих проблем.

* * *

Встреча в верхах проходила тогда в советском представительстве при ООН в Женеве и в резиденции президента США Р. Рейгана на берегу Женевского озера. Там же состоялись официальные обеды от имени глав делегаций. Беседы велись в очень свободной обстановке, главы несколько раз уединялись, чтобы с глазу на глаз поговорить между собой о назревших проблемах. В ходе официальных обедов и после них завязывались

новые беседы и продолжались переговоры, которые длились допоздна.

Не обошлось и без эксцессов, грозивших большими неприятностями. В то время, когда президент Рейган и его супруга выехали из своей резиденции на обед, который давали в их честь М. С. Горбачев и его супруга, была прекращена подача электроэнергии в советское представительство, В ходе подготовки визита мне не раз приходилось настойчиво убеждать главу советской миссии в том, чтобы немедленно были доставлены из Москвы резервные генераторы. Я исходил из опыта визитов в другие страны, когда подобные выходки имели место со стороны местных антисоветски настроенных служб. Наш представитель тогда успокаивал меня: мол, в Женеве за последние сорок лет ни разу не моргнула ни одна электрическая лампочка. Однако генераторы все же пришлось доставить, и они-то и выручили в тот критический момент.

Представьте себе состояние Г. Н. Коломейцева, ответственного за приготовление обеда, когда у него на электроплитах на кухне жарились и варились разные кушанья, а в холодильниках находились приготовленные заливные блюда и десертные яства, и в это время отключили свет. Он погас на всей территории миссии, и она потонула во мраке. Некоторые иностранные корреспонденты, собравшиеся около резиденции М. С. Горбачева для того, чтобы запечатлеть встречу глав двух государств и их супруг, начали злорадствовать. Но через полминуты вступили в строй резервные генераторы, которые и поддерживали освещение в помещениях и на территории представительства. И интересно, что через сорок минут, как только президент США Р. Рейган с супругой подъехали к советской миссии, возобновилась подача электроэнергии.

То же самое недоброжелатели сделали и в ходе ответного обеда в резиденции президента США, но всего лишь на несколько минут. Пришлось обходиться свечами. Однако в ходе этого обеда разгорелись бурные дебаты, которые продолжались далеко за полночь. Автору этих строк пришлось присутствовать на них около получаса и видеть всю картину происходивших переговоров. Участники обеда разместились в гостиной кто. где мог, переводчики сидели на полу и внимательно следили за сутью разговоров и переводили их. Главное внимание в этих горячих беседах уделялось дальнейшим отношениям между СССР и США, сокращению ядерных вооружений и итоговому документу, который, по мнению советской стороны, должен быть подписан после этой встречи. Горбачев упорно настаивал на этом и наседал на Рейгана. Шеварднадзе и Щульц внимательно следили за

оживленным спором Горбачева с Рейганом.

Дело в том, что американцы стремились свести встречу в верхах только к переговорам, без принятия каких-либо обязательств в виде итогового соглашения или заявления.

Горбачев же убедительно доказывал, что без заключительного документа встреча окажется безрезультатной, никому не нужной и мировая общественность будет разочарована в политике глав США и СССР.

И он одержал верх. Встал вопрос о подготовке заключительного акта и месте его подписания. Было поручено экспертам под руководством Шульца и Шеварднадзе в течение ночи подготовить такой документ, а помощнику президента по безопасности Хинкелю и мне в течение часа определить место проведения заключительной встречи и подписания итогового соглашения.

До этого мы прикидывали с американцами, как бы нам не пришлось столкнуться с проблемой подписания такого документа, который будет венцом встречи. Мы предлагали сделать это в здании представительства ООН в Женеве, но американцы наотрез отказывались. Они выдвинули в качестве варианта оперный театр, где в просторном и красивом холле можно было организовать это мероприятие. Мы категорически ответили нет. До последнего момента этот вопрос оставался открытым. В своем же кругу мы на всякий случай решили, что нейтральным вариантом может послужить Женевский пресс-центр, располагавший залом на 1800 мест и многими другими необходимыми помещениями.

Когда мы получили задание определиться с местом подписания заключительного соглашения, Хинкель спросил меня, есть ли у нас на этот счет какие-либо предложения. Я ответил однозначно — пресс-центр, и мы немедленно выехали туда, заранее предупредив о наших намерениях представителей местных властей.

Времени у нас на раздумье не было, и в течение двадцати минут все вопросы со швейцарской стороной были оговорены. Ровно через час мы доложили, что заключительную встречу и подписание соглашения можно было бы провести в конференц-зале Женевского пресс-центра. Наша идея была одобрена, и было решено провести это мероприятие в 10.00 утра.

Надо отдать должное швейцарской стороне, которая за несколько часов сделала все необходимое, чтобы к намеченному времени подготовить залы, помещения и даже устроить прощальный прием после подписания соглашения и выступлений президента США Р. Рейгана и Генерального секретаря ЦК КПСС,

Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева. Кроме того, за считанные часы было подготовлено, согласовано и достигнуто соглашение о недопустимости войны и стремления к ядерному превосходству. Это уже значило многое: мир получил гарантии, что разрядка международной напряженности пойдет успешно.

* * *

За Женевой последовали Рейкьявик, Вашингтон, Москва, Нью-Йорк и другие встречи с высокими государственными и политическими деятелями стран Европы и Азии.

Визит в Индию не только послужил укреплению дружбы между двумя великими народами, но и был связан с новым явлением в деятельности служб безопасности. Впервые по линии разведки были получены данные о готовящемся террористическом акте против супруги Горбачева, для чего в Дели забрасывались из Пакистана и Непала две группы боевиков. Расчет делался на то, что охрана Р. М. Горбачевой во время визитов, как правило, составляла несколько человек и было легче осуществить против нее теракт, хотя эффект в данном случае мог быть таким же, как и против самого Горбачева.

По нашей информации, индийские спецслужбы усилили тогда охрану границ, в результате чего ими была уничтожена одна группа боевиков, намеревавшихся прорваться в Пенджаб. Другая группа в то же время прорывалась через границу из Непала, но была рассеяна и представляла определенную опасность. В связи с этим охрана Р. М. Горбачевой при осмотре ею древнего памятника Кутаб-Минар в Дели была значительно усилена. Это не осталось незамеченным западными корреспондентами, а радиостанция «Свободная Европа» посвятила этому даже специальный репортаж. Визит в Дели прошел нормально, хотя и здесь Горбачев не изменил своей привычке выйти из автомашины на трассе проезда для беседы с местными жителями.

Особенно яркой и результативной была встреча на высшем уровне в Вашингтоне. Это был третий за всю историю визит советского лидера в столицу США. К нему тщательно, усиленно готовились, особенно в плане обеспечения его безопасности. Мы тогда предусмотрели все, предупредили американских коллег о том, что могут быть выходы Горбачева и его супруги из автомашины в городе и что они должны быть готовы к этому. Такая встреча с американцами произошла по пути из нашего

посольства в Белый Дом, а затем во время второго визита, на Бродвее в Нью-Йорке. Руководители секретной службы США заявили нам тогда, что Горбачев поступает опрометчиво, что он играет с огнем. Сами они не разрешают своему президенту выходить из автомашины на улице без предварительного предупреждения, чтобы они могли заранее принять необходимые меры безопасности. По-видимому, у Горбачева были на то определенные основания. К этому времени, как по мановению волшебной палочки, против него прекратились выступления антисоветских организаций, особенно Лиги защиты евреев. Большинство западной прессы взахлеб восхваляло его инициативы. Горбачев стал популярен как новатор перестройки и улучшения отношений с Западом, и прежде всего с США.

На второй день пребывания в Вашингтоне по существующему протоколу вице-президент США Дж. Буш прибыл в советское посольство, чтобы сопровождать М. С. Горбачева в Белый Дом. Буш в ожидании Горбачева находился в комнате, отведенной для офицеров секретной службы. Там-то меня и представил ему начальник американской охраны Горбачева Ричард Гриффин. Я сказал Бушу, что являлся ответственным за его безопасность во время пребывания в Москве на похоронах Л. И. Брежнева и Ю. В. Андропова. Он ответил, что хорошо помнит меня и благодарен за службу по его безопасности. Он тут же снял с галстука заколку и подарил мне.

Я оказался в весьма деликатном положении. В ответ мне дарить было нечего. Единственное, что у меня было, это часы, но они были именным подарком министра обороны СССР. Буш заметил мое смущение и сказал, что в ответ ничего дарить не надо. Тогда я вспомнил, что осенью будущего года должны состояться президентские выборы и Буш будет баллотироваться как кандидат на пост президента США. Это и спасло меня. Я от всей души пожелал ему успехов на предстоящих выборах и выразил твердое убеждение, что он будет президентом Соединенных Штатов Америки. Буш с нескрываемым удовлетворением принял мои пожелания и под аплодисменты сотрудников безопасности сказал, что он этого пожелания не забудет. Впоследствии через посла США в Москве Мэтлока Буш прислал мне фотографию, запечатлевшую нашу встречу.

* * *

Следует признать с большой благодарностью, что во время визита в Вашингтон руководством секретной службы США в лице

ее начальника Дж. У. Симпсона, других руководителей и сотрудников было сделано все, чтобы надежно обеспечить безопасность М. С. Горбачева, его супруги и советских руководителей. Их охрану осуществляли опытные агенты безопасности во главе с Р. Дж. Гриффином, Р. Дигеном и другими коллегами, с которыми у нас установились не только отличные служебные, но и просто дружеские отношения. Со своей стороны мы ответили им самыми добрыми и искренними отношениями, когда потребовалось решать вопросы обеспечения безопасности во время визитов в Москву президентов Р. Рейгана и Дж. Буша.

Визит М. С. Горбачева и его супруги в Нью-Йорк прошел успешно, но завершился не совсем благополучно. Состоялась встреча с президентом США Р. Рейганом на острове Губернаторов. Во время следования туда на пароме Горбачева срочно попросили к телефону, установленному в специальной автомашине. Он разговаривал минут пять. Когда он вышел из машины, то был бледен — мы поняли, что произошло что-то очень тревожное.

Он провел встречу с Рейганом и Бушем, совершил поездку с ними по острову, сфотографировался на фоне статуи Свободы, однако чувствовалось, что Горбачев чем-то серьезно озабочен. Когда мы вернулись в здание постоянного представительства СССР при ООН, то узнали страшную весть о землетрясении в Армении. На следующий день М. С. Горбачев и вся советская делегация вылетели в Москву.

Кто стоял за «августовским путчем»

В это время в стране резко изменилась политическая ситуация, с новой силой развернулась кампания клеветы на прошлое Советского государства. Верховная власть погрязла в болтовне, и народ перестал ей верить. Все увидели, что перестройка стала давать серьезные сбои и осуществлялась больше на словах, чем на деле. Горбачев сам себе противоречил, всем надоел и стал именем нарицательным в житейских делах.

На глазах у всех разваливался социалистический лагерь, трещали по швам советское социалистическое общество и государство, оказались развенчанными Ленин, Октябрь, КПСС. Экономика страны зашла в тупик. Повышения цен на продукты питания и товары широкого потребления довели жизненный уровень до самого низкого предела, внесли в народные массы озлобленность, нервозность и крайнее недовольство. Советский народ стал жить в обстановке беспокойства за свое будущее, которое представлялось теперь непредсказуемым, трагическим и даже страшным. В этой обстановке ликовали лишь демократы во главе с Ельциным, только что избранным Президентом России, вели себя надменно, не считаясь с решениями Президента СССР Горбачева. Ельцин почувствовал силу, начал создавать свои государственные институты, ведя дело к сепаратизму и главенству в решении общесоюзных проблем и вопросов. Советский народ с возмущением наблюдал за дележом портфелей, земель и вотчин, видел, как Горбачев сдавал свои позиции, выражал недовольство его внутренней и внешней политикой.

Одновременно происходил заметный спад влияния КПСС, которая в недалеком прошлом была ведущей политической силой страны и народа. Руководители КПСС бездействовали, много говорили, но не предложили рядовым коммунистам и народу реальной и действенной программы выхода из складывавшейся и постоянно ухудшавшейся ситуации. Коммунистическая идеология была предана Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе и их подручными. Партия потеряла несколько миллионов своих членов, лишилась опоры в массах и переживала период прогрессировавшего распада.

Все это творилось перед лицом мировой общественности, под легкие аплодисменты президентов, премьеров, канцлеров ведущих капиталистических государств. Они с удовольствием наблюдали за тем, что происходило в нашей стране, которая еще несколько лет назад была для них грозой и авторитетом,

противником и соперником. Все честные, любящие свою Родину и народ советские люди стрепетом в душе и смятенными чувствами следили за происходившими в стране событиями и не могли мириться с политикой и действиями лжедемократов, игравших своими выступлениями и демагогическими заявлениями на руку империализму и спецслужбам ведущих капиталистических стран. Это и явилось основной причиной зарождения в недрах советских служб государственной безопасности, правопорядка и армии антигорбачевских, антиельцинских настроений, протеста против всей демократической компании, которая делала все с оглядкой на Вашингтон, Лондон и Бонн и солидные счета в швейцарских и американских банках.

* * *

В этой обстановке в нашей стране в ночь с 18 на 19 августа 1991 года была предпринята попытка государственного переворота, вернее, «дворцового путча». Во главе его стоял Государственный Комитет по Чрезвычайному положению — ГКЧП, в который вошли восемь представителей высшего эшелона советского руководства: вице-президент Г. И. Янаев, премьер-министр В. С. Павлов, заместитель председателя Государственного Комитета Обороны О. Д. Бакланов, министр обороны СССР Д. Т. Язов, министр внутренних дел Б. К. Пуго, Председатель КГБ В. А. Крючков, председатель Крестьянского союза В. А. Стародубцев и секретарь ЦК КПСС О. Шенин.

Руководители переворота располагали всеми необходимыми силами для успешного завершения начатого дела. Советская Армия в лице министра обороны и начальника Генерального штаба, главнокомандующих и командующих видами Вооруженных Сил и родами войск, почти все командующие военными округами были сторонниками путча. Внутренние войска и милиция, многие службы, воинские соединения и части КГБ были также с ними. Мощная группировка тогда находилась в распоряжении КГБ СССР, т. е. группа немедленного реагирования, которая была создана с санкции Горбачева незадолго до переворота и предназначалась для защиты государственных устоев.

Однако с самого начала путча чувствовалась какая-то нерешительность и неясность в действиях его руководителей. Кроме заявлений и ввода войск в Москву, никаких других подкрепляющих мероприятий с их стороны не проводилось. Пресс-конференция, в которой приняли участие Янаев, Пуго и два

других члена ГКЧП — Стародубцев и Бакланов, была плохо подготовлена и оставляла много неясных вопросов. Сам Янаев вел себя неестественно, давал путаные ответы на вопросы корреспондентов. Все это определило ход последующих событий и придало больше уверенности оппозиции в лице Ельцина и его сторонников в принятии антипутчистских мер. В результате путч продолжался три дня и был ликвидирован самими же путчистами.

История путчизма в СССР знает немало попыток осуществить государственный переворот. Они связаны с именами Троцкого, Бухарина, Тухачевского, Хрущева, Суслова. Поэтому на каждом этапе развития Советского государства его руководители стремились обезопасить себя от подобных явлений. Особенно большое значение этому стало придаваться при Ю. В. Андропове в связи с усилением диссидентского движения. В это время стали создаваться скрытые внутренние структуры на случай возникновения непредвиденных и чрезвычайных обстоятельств. Естественно, что продолжателями этого дела стали близкие к Горбачеву люди, которые вместе с ним провозглашали лозунги перестройки, поддерживали его во всех начинаниях в центре и на местах. Они понимали сложность положения Горбачева и стремились оградить его от смертельного удара со стороны Ельцина и его команды. Все делалось с санкции Горбачева и по его воле, но затем повернулось обратной стороной.

Горбачев же и оказался основной причиной накалившейся накануне августовских событий обстановки. Советские люди и даже близкое ему окружение увидели в нем совсем другого человека, который под лозунгами перестройки деградировал и стал попустительствовать империалистическим кругам в решении острых международных вопросов, не разрешил ни одной внутренней, и особенно национальной, проблемы, а, наоборот, своей инертностью, промежуточностью, центристскими позициями разжег их до междоусобных войн и сепаратизма. Он стал тормозом в дальнейшем развитии социализма и укреплении авторитета Советского государства. На его совести развал социалистического лагеря, СССР, международного коммунистического и рабочего движения.

* * *

Нужно сказать, что как раз в это время со всей наглядностью проявились и другие отрицательные качества и черты Горбачева, такие, как властолюбие, бесцеремонность в отношении коллег,

барство и стяжательство. Немалую роль в подогревании этих качеств у Горбачева играла его супруга. Нам, сотрудникам безопасности, все это было видно, как никому другому.

Проследить это можно на примерах того, как в борьбе за власть он упорно рвался вперед и выше, используя для этого партийную и административную поддержку, но ни в коем случае не поддержку народных масс. В награду за это он убрал потом из своего окружения многих видных деятелей партии, членов Политбюро ПК КПСС, не считаясь с их верностью идеалам перестройки и тем, что именно они способствовали его продвижению к вершинам власти, особенно его избранию на пост президента страны.

Барством Горбачев страдал еще со времен Ставрополья, когда он был первым человеком в этом богатом обширном крае. Уже тогда он частенько наезжал в государственные особняки на Северном Кавказе, предназначенные для отдыха высоких советских руководителей и устраивал там пышные попойки. Затем, будучи в Москве и войдя во вкус власти, он во всей полноте показал себя великим стяжателем. Он стал строить себе особняки и квартиры, приморские дачи, которые обошлись государству в весьма кругленькие суммы.

Горбачев жил на прекрасной государственной даче под Москвой, доставшейся ему по наследству от предшественника Ф. Д. Кулакова, но она почему-то его не устраивала. Ему построили новую дачу на участке земли, когда-то принадлежавшем царскому премьер-министру Витте. Эта дача по прошлым ценам обошлась государству в 6,5 миллиона рублей, не говоря о затраченной валюте.

По распоряжению Горбачева была реставрирована дача в Ново-Огареве под зимнюю резиденцию для приема высоких иностранных гостей. В действительности она стала домом приемов Горбачева и его супруги и обошлась в пять с лишним миллионов рублей. На этой даче принимали всего лишь нескольких глав государств и правительств: Р. Рейгана, Р. Ганди и, кажется, Миттерана. Там отмечались два-три раза новогодние праздники с участием членов Политбюро и их жен. Когда Р. М. Горбачева показывала этот особняк Соне Ганди, та спросила ее: «А это ваш собственный особняк?» Хотя Р. М. Горбачева и ответила, что это государственное здание, в действительности оно находилось только в распоряжении президента Горбачева и его супруги.

Филиал этой резиденции в Ново-Огареве был также отремонтирован, обставлен богатой мебелью и превращен в дом переговоров Горбачева с президентами союзных республик.

В последние годы для Горбачева построили две дачи на Черноморском побережье: в Крыму — в Форосе и на Кавказе — в районе Пицунды. В обоих этих районах уже имелись прекрасные дачи, на которых с удовольствием отдыхали Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов и другие советские руководители, но, видимо, они не пришлись по вкусу супругам Горбачевым.

В Форосе была построена дача (вернее, комплекс современных зданий, в который входят: резиденция, гостиница на 300 мест, бассейн, гаражи, подсобные помещения, пляжные сооружения и т. п.) общей стоимостью в 5,5 миллиона рублей, не считая валютных затрат, а в Пицунде — не меньший комплекс, стоимостью 13 миллионов рублей при дешевой солдатской рабочей силе.

После того как эти дачи сдали в эксплуатацию, несколько сот человек получили в качестве премий крупные суммы денег. Среди них были министры, их заместители, начальники главков, не менее сотни генералов. Когда же Горбачев с семьей впервые прибыл на отдых в Форос, то получился курьез. Его дочь стала открывать занавес в спальной комнате, и гардина сорвалась со стены — видимо, была слабо прибита — и ударила ее слегка по голове. Это послужило причиной снятия с должностей и увольнения со службы десятка двух генералов и офицеров службы безопасности, а также строгого наказания других лиц, причастных к строительству этой дачи.

Имелась прекрасная квартира на улице Щусева, однако Горбачеву и ряду близких ему членов Политбюро построили состоящий из нескольких квартир дом, который также стоил немалых средств.

Следует также сказать, что почти каждый год рабочие кабинеты Горбачева в Кремле и в здании ЦК КПСС основательно ремонтировали, меняли их интерьер и мебель. Можно представить, что такого имперского барства не позволял и не позволяет себе ни один другой глава государства. Немаловажным подтверждением этому являются и поездки супругов Горбачевых в другие страны, о чем говорилось выше, издание ими громадными тиражами за границей и в Союзе книг, за что они получили весьма солидные гонорары.

* * *

То, что Горбачев и его супруга требовали повышенного внимания к себе, можно заключить по изменениям в дипломатическом протоколе. Никто, например, из бывших

руководителей страны не принимал так помпезно высоких иностранных гостей, как это начали делать они в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. К этому времени наглядно проявились и другие личные качества Горбачевых. Они показали себя людьми «в себе», то есть людьми, которые не допускают никого в свою семейную орбиту и тем более не заводят близких и дружественных отношений с другими. Наибольшее сближение у них было с Болдиными, но и то до определенной поры. Не нашли они друзей и среди членов Политбюро, других видных деятелей Советского государства, не говоря уже о простых людях.

Свою общительность они проявляли главным образом в рамках протокольных мероприятий и по служебной линии. Во время визитов за границу они любили по вечерам и даже поздно ночью устраивать обеды с приглашением близкого окружения и известных деятелей науки и культуры. С другой стороны, у них стала проявляться тяга к знакомству с видными людьми в зарубежных странах, к поездкам за границу и иностранным почестям. Последнее подтверждается тем, что Горбачев за время своей деятельности в должности Генерального секретаря и главы государства не получил, даже в честь своего шестидесятилетия, никаких советских наград, зато с огромным удовольствием принимал их от западных государств и различных иностранных организаций.

Горбачев все больше входил во вкус президентской власти, но перед ним уже стояли оппозиционные силы в лице армии, госбезопасности, МВД, КПСС и Ельцина. Представители первых четырех сил и явились к нему в Форос и потребовали подписать заявление об уходе с поста президента по болезни. Гэкачеписты рассчитывали на то, что Горбачев сложит с себя президентские полномочия, и тогда у них руки будут развязаны. Естественно, к этому времени дача президента была блокирована подразделениями пограничных войск, все телефоны и радиотелевизионные установки отключены, чтобы президент не мог знать, что происходит вокруг него и в стране, и не имел возможности связаться с кем нужно. Несомненно, что основную роль в этой драме играл Болдин, как связующее звено всех путчистских сил. Определенное место отводилось и начальнику службы безопасности генерал-лейтенанту Ю. С. Плеханову, без которого путчисты не смогли бы пройти к президенту. По приказу руководства ГКЧП он локализовал его охрану, сменил ее начальника генерал-майора В. Т. Медведева и вместо него назначил своего заместителя — генерал-майора В. В. Генералова. В весьма сложной ситуации оказался тогда генерал Медведев. Он прошел трудную школу в службе безопасности, был заместителем

начальника личной охраны Л. И. Брежнева и всегда отличался преданностью своему делу, которое выполнял с большим достоинством и честью. Около семи лет он обеспечивал безопасность М. С. Горбачева, и тот был доволен его службой. И вот сейчас генералу Медведеву, после того как он доложил Горбачеву о приходе к нему группы высокопоставленных руководителей, заявили об отстранении от должности, не дали возможности даже доложить президенту об этом, отправили в Москву. Это было нарушением всех правил службы охраны. Мало того, ему не представилась возможность передать указания своим заместителям. Он просто был отстранен своим начальником, а вместо него вступил в права Генералов, которого президент не утверждал на эту должность.

В не менее трудном положении оказались и сотрудники охраны. Они несли свою службу и в то же время не знали, что творится в апартаментах президента и его семьи. Однако в этой обстановке они правильно определили свое место и готовы были встать на защиту своего охраняемого, в чем сказалась школа нашей службы безопасности. Процедура обращения к Горбачеву с вопросом об отставке была неплохо разыграна гэкачепистами, но и не продумана до конца. По-видимому, все было рассчитано на быстрый положительный эффект. Однако эта уверенность не оправдалась. Президент отказался подписывать документы об отставке и тем самым спутал их карты. Как заявил Горбачев, началась перепалка, в которой дело доходило до крылатых слов и выражений. Однако, если верить генералу армии Варенникову, стороны хотя и остались при своем мнении, но разошлись мирно, пожав друг другу руки.

Когда делегация ушла, не добившись от него результата, сотрудники безопасности организовали оборону его резиденции, в которой участвовало тридцать два офицера. Они расставили силы с учетом обстановки и возможного вооруженного нападения на здание резиденции. Были предприняты попытки наладить связь с внешним миром. Достали где-то завалившийся радиоприемник и стали слушать передачи Би-би-си, из которых наконец прояснилась картина происходящих событий. В дополнение к этому сотрудники охраны на шлюпке доставили командиру военных кораблей, охранявших Форос с моря, записку президента, которую он должен был передать по назначению.

* * *

Днем 19 августа войска, вошедшие в Москву, взяли под

охрану Кремль и другие важные государственные и правительственные объекты, в том числе и здание правительства РСФСР, которое впоследствии окрестили Белым домом. Воинские части и милиция стояли на страже правопорядка и в условиях чрезвычайного положения в Москве выполняли поставленные перед ними задачи. Путчисты предполагали спокойное развитие событий, наподобие того, как это было при смещении Хрущева, да и чувствовалось, что никто не желал кровопролития и выплескивания бурных страстей на улицах Москвы.

Однако они разгорелись. К Белому дому стали стекаться люди, число которых, по оценке соответствующих служб, составило около 20 тысяч. И всего пять процентов из них являлись представителями тех или иных демократических сил. Речь Президента Российской Федерации Ельцина возымела действие: он призывал к беспрерывным забастовкам, неповиновению ГКЧП и невыполнению его обращений. Страсти накалились до того, что молодчики начали возводить баррикады и поджигать бронетранспортеры, в одном из которых задохнулся член экипажа, а другие чудом остались живы… Бушевала людская масса[22].

Снабжение ее спиртным осуществляли владельцы кооперативов и коммерческих банков, которые в этом случае не жалели никаких средств. Они же после путча выделили несколько миллионов рублей на поощрение хулиганствовавших элементов, ограждавших их милиционеров и тех, кто «защищал» Белый дом. В действительности же подошедшие к дому правительства РСФСР воинские части не предпринимали никаких попыток ворваться и овладеть им.

…В это время Ельцин начал набирать политическую силу. Его призывы достигли своей цели и влияние на массы. Он стал в центре событий, чего не смогло добиться руководство ГКЧП. Комитет начал терять почву под ногами и вынужден был пойти на поклон к Горбачеву.

20 августа открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР, которая прошла под подавляющим влиянием российского президента и под крики бушующей за стенами Белого дома толпы. Маховик антипутчизма вращался все быстрее. Российские парламентарии выразили солидарность с Президентом СССР, постановили послать в Форос свою делегацию и связаться с ним. Такая делегация во главе с бывшим премьером России И. И. Силаевым и вице-президентом Российской Федерации Руцким вылетела в Крым и вернулась оттуда вместе с М. С. Горбачевым и его семьей.

В сложившейся ситуации Горбачев был вынужден

блокироваться со своим главным противником — Президентом России Ельциным, в чем, по всей видимости, сыграл основную роль совет президента США Дж. Буша, с которым Ельцин в то время так усердно вел телефонные переговоры.

По этому поводу в бывших руководящих кругах КГБ ходили упорные разговоры, что союз Горбачева с Ельциным был достигнут задолго до путча и что во всех внутриполитических делах они действовали сообща, но с разными целями. Ради этого сомнительного союза и сохранения президентской власти Горбачев и пошел против своих ближайших соратников.

Каждый здравомыслящий человек может из этого сделать заключение, что эти люди не могли самолично выступить против Горбачева, а он пошел против них, подвел их под арест, предал армию, МВД, КГБ и КПСС. Это был большой сценарий, задуманный заранее и окончившийся тяжелой драмой.

* * *

В этом отношении уместно привести один пример. Во время последнего визита в Москву президента США Дж. Буша мне позвонил Ю. С. Плеханов и сказал, что со мной хотят встретиться американские коллеги, с которыми я готовил встречи на высшем уровне в Женеве, Вашингтоне, Москве и Нью-Йорке. Он добавил, что я приглашен на обед в честь президента США Дж. Буша и его супруги и к 19.00 30 июля должен прибыть в Большой Кремлевский дворец. На обед после речей создалась непринужденная обстановка. Горбачев, Янаев, Лукьянов, Ельцин, Крючков, Язов, Пуго, Шеварднадзе, Яковлев, Попов и другие были любезны, оживленно и весело разговаривали между собой и с гостями, и казалось, что это была одна сплоченная компания политических и государственных деятелей. Это был последний, прощальный обед Горбачева со своими ближайшими соратниками и будущими противниками.

На обеде мне представилась возможность встретиться с американскими коллегами, в частности с начальником секретной службы США Дж. У. Симпсоном и его заместителем Мюллером. У нас завязалась теплая беседа, которая носила характер обмена мнениями представителей двух ведущих служб безопасности. Нам было о чем поговорить и что вспомнить: общих друзей, работу по подготовке встреч на высшем уровне. Говорили об обстановке в нашей стране в связи с перестройкой.

Выходя из Большого Кремлевского дворца, я повстречался с В. А. Крючковым и его супругой. Он поинтересовался, чем я

занимаюсь на пенсии, как живу, и пожелал мне всего доброго. В ответ я также высказал самые добрые пожелания в его адрес, пожелал успеха во всех будущих начинаниях и свершениях КГБ СССР. Я счел возможным выразить свои пожелания в обычном порядке, потому что давно знал Владимира Александровича по разведке, а затем по службе в охране советских руководителей. Но почему-то эти мои пожелания его как-то задели и насторожили. Он внимательно посмотрел на меня и с нескрываемым одобрительным выражением ответил: «Спасибо».

Я не придал этой беседе особого значения до того момента, когда через восемнадцать дней была осуществлена попытка переворота. Мне, разведчику, она сразу же вспомнилась, особенно заключительные ее слова. Мне показалось, что Владимир Александрович, возможно, понял, что я что-то знаю о предстоящих делах Комитета госбезопасности. Это дало мне основание сделать вывод о том, что переворот готовился заранее и к тому времени уже назревал, а в августе сложилась реальная обстановка и появились действительные причины для его проведения. В целом переворот был задуман и в начальной стадии осуществлен неплохо. Он очень похож на восстание декабристов, которые тоже дружно выступили против царского самодержавия, но не пошли в своих действиях дальше вывода войск на Сенатскую площадь, за что и поплатились, отправившись на каторгу, в ссылки и даже на виселицы.

В августовских событиях прослеживается такой же поворот. Несомненно, что гекачеписты являются национальными героями, и об этом еще скажет свое слово история. Но их непоследовательность и нерешительность не позволила им довести дело до конечной цели.

* * *

В ходе подготовки «дворцового переворота» хорошо была поставлена конспирация. До последнего момента многие его активные участники не знали о дне его начала. Это как раз и касается начальника службы безопасности генерала Ю. С. Плеханова, который, проводив президента Горбачева в Форос, вернулся в Москву и 13 августа ушел в отпуск. 18 августа ему приказали выйти на службу, и на следующий день он, выполняя приказ руководства ГКЧП, а вернее В. А. Крючкова, непосредственного куратора этой службы, участвовал с группой руководителей путча во встрече с Горбачевым.

То же самое можно сказать и о генерал-майоре О. И.

Матюшеве, который в течение последних двадцати лет надежно обеспечивал специальной связью руководителей страны и правительства, и главным образом президента Горбачева. Организовав для него в Форосе закрытую и все другие виды связи, он 5 августа вылетел в Москву и ушел в отпуск, так как нормально не отдыхал в течение последних нескольких лет. О путче он узнал, будучи на рыбалке в глухой саратовской деревне. Он немедленно выехал в Москву, но здесь его ждала неприятность. Он сразу же был отстранен от должности, а затем отправлен на пенсию. В последний момент узнал о путче и генерал-лейтенант А. М. Беда, хотя он, как начальник управления правительственной связи КГБ, о всех важных событиях в стране всегда узнавал в первую очередь. Ему было приказано отключить все виды связи президента. Впоследствии он также по приказу и включил их, но чуть было не попал за четкое исполнение приказов в изолятор Матросской тишины. О подготовке и начале путча ничего не знали заместители Плеханова — генералы В. В. Максенков, М. В. Титков, начальник отдела личной охраны генерал В. В. Алейников и многие другие, которых затем тоже безо всяких причин освободили от занимаемых должностей и уволили со службы, несмотря на то, что личная охрана президента Горбачева и все другие сотрудники, обеспечивавшие его безопасность, оказались на высоте положения.

Весьма неблагодарно и грубо обошелся Горбачев с Плехановым, разжаловав его и лишив всех наград. Мало того, он назвал его стяжателем, что является ложью и оскорблением. Восемь с лишним лет Ю. С. Плеханов честно и добросовестно выполнял обязанности начальника 9-го управления КГБ СССР, а затем службы безопасности советских руководителей. Он не раз просился перевести его на другой участок деятельности в Комитете госбезопасности, но Горбачев отказывал ему в этом, Заявляя, что он полностью доверяет ему и желает, чтобы он оставался в этой должности и руководил службой его безопасности и всех других советских высоких руководителей.

Работая с чрезмерными перегрузками, без нормального отдыха, страдая болезнью желудка, Юрий Сергеевич целиком и полностью отдавал себя службе. Об этом свидетельствуют награды, премии, многие другие поощрения и хорошие отзывы самого Горбачева и его близкого окружения. В работе Плеханов забывал себя и никогда не позволял себе ставить личные дела выше служебных. Жил он с супругой очень скромно, в чем убедились те, кто арестовывал его. Кроме холодильника, телевизора и подаренного ему кем-то маленького кинжала, в его квартире нечего было конфисковывать. У него изъяли две

сберегательные книжки: одну — на четыреста рублей, другую — на пять рублей. И этого труженика, честнейшего человека, отдавшего многие годы добросовестному служению делу обеспечения безопасности высоких советских и зарубежных руководителей, Горбачев, не разобравшись в сути дела, охарактеризовал как стяжателя, выгнал с позором и разжаловал.

Плеханов является носителем очень больших секретов и, в частности, личных и семейных дел Горбачева. Это стойкий и мужественный человек, который должен приоткрыть завесу над планами и замыслами Горбачева и его окружения, касающимися августовских событий. Вместе с ним свое слово о Горбачеве и его поведении в это время должны донести до широкой общественности бывшие руководители государства и правительства, министры, видные деятели КПСС, которые оказались в застенках Матросской тишины. Они решительно начали путч, но он застопорился на определенном этапе — кто-то, очевидно, повернул ручку стоп-крана. Это и наводит на мысль, что Горбачев был связан с путчистами, но отошел от них под давлением обстоятельств, сложившейся обстановки и боязни потерять власть. Не малое влияние на Горбачева в этом оказала его супруга, которая вошла во вкус и не хотела утратить положения первой леди страны.

* * *

Такой бесславный, а вернее, позорный исход «дворцового путча» позволил Ельцину и его демократической компании выйти на новые, более высокие позиции в республике и государстве. Он, по существу, подмял под себя после этого Горбачева и стал диктатором. Горбачев понимал свое положение, смирился с диктатом Российского Президента и его парламента и стал покорно выполнять выдвинутые перед ним требования и наказы. Так, бесцеремонно был переименован Ленинград в Санкт-Петербург, осуществлены акты вандализма в отношении КПСС, которая была незаконно запрещена и дискредитирована. Вдобавок Генеральный секретарь ЦК КПСС беспардонно отрекся от своей партии и предал ее, хотя она сделала все, чтобы поставить его во главе государства.

Недолгим оказался также союз Горбачева и Ельцина. Последний остался верен себе и своему плану развала СССР и устранения центральной власти, а точнее — механического отстранения Горбачева от руководства государством. Этому способствовали сговор и заключение в Минске договора о

Содружестве независимых государств — СНГ, а вернее, новый путч славянских президентов. К этому содружеству присоединились затем все бывшие среднеазиатские республики, ныне также суверенные государства.

Этим актом был незаконно ликвидирован Союз Советских Социалистических Республик, на обломках которого теперь существуют суверенные великие княжества. Такой конец является ярким доказательством того, что в своих действиях и стремлениях путчисты были правы, а Горбачев оказался недальновидным политиком и банкротом.

М. С. Горбачев в то время, наверное, немало думал над своим прошлым и будущим. Настоящее ничего хорошего ему не сулило. Он полностью находился под пятой Ельцина. Их уже охраняла одна служба безопасности, с той лишь разницей, что в нее пришли новые люди. Как и при Берии, все ее старые кадры были разогнаны, с позором отправлены на пенсию, а вынужденные выполнять приказы участники путча — арестованы и оказались под следствием. Многие руководители КГБ и его подразделений, которые не имели отношения к попытке переворота, видя сложившееся положение, сами подали рапорта и ушли со службы на пенсию.

Начался развал КГБ, до того весьма мощной организации, долгие годы надежно обеспечивавшей государственную безопасность страны. И этот процесс довел до конца вновь назначенный его руководитель — В. В. Бакатин. Ранее он чуть было не развалил МВД СССР, но вовремя был убран с должности главы этого ведомства. На сей раз он поставил перед собой непомерную задачу — уничтожить до основания и чекизм. Вскоре ему помог в этом российский Президент, ликвидировавший центральный аппарат КГБ СССР и отстранивший тем самым от руководства им и самого Бакатина.

С Бакатина в данном случае не снимается и еще одна весьма тяжкая вина. Он нагло, вызывающе и с неприкрытым цинизмом в отношении всего чекистского коллектива выдал американским спецслужбам сокровенные их тайны, достигнутые величайшим трудом, огромными творческими, научными и оперативными усилиями его сотрудников. Как лакей и холуй империализма, он преподнес послу США в Москве Р. Страусу информацию и документацию, касающуюся оперативно-технических средств, установленных в американском посольстве. Такого хамского предательства со стороны своего руководителя еще не знала ни одна служба безопасности. Несомненно, что за это должна быть и соответствующая расплата.

Оценивая со стороны положение Горбачева в качестве

Президента СССР в ходе путча и после него, можно сказать, что он здорово проиграл в результате своего ренегатского и подлого поведения. Хотя он и представил себя в качестве героя, сопротивлявшегося путчистам, в дальнейшем его авторитет в глазах народа упал до нулевой отметки. Вдобавок он нагло поступил с КПСС и разорвал с ней отношения. В результате его карты оказались биты и ему не оставалось ничего другого, как возглавить никому не понятный фонд. Как политик, он обанкротился и выброшен на свалку истории вместе со своей бесславной перестройкой. Таков логический конец политического авантюризма и лакейского предательства.

notes

Примечания

1

Речь идет о Военно-Дипломатической Академии Генерального штаба Советской Армии, о существовании которой ранее нигде не афишировалось. В ее стенах изучают историю дипломатии, философию, военное искусство Советской Армии и вооруженных сил других стран, их государственное и политическое устройство, практику дипломатического протокола и этикета, страну будущего предназначения, язык, нравы, привычки, обычаи ее народа. Главным профилирующим предметом является специальная подготовка, включающая в себя различные аспекты разведывательной деятельности.

По своему значению и уровню подготовки кадров ВДА занимает одно из ведущих мест в наших Вооруженных Силах. Она располагает высококвалифицированным и опытным начальствующим и преподавательским составом, прошедшим большую школу разведывательной работы.

2

По наблюдениям автора, Киссинждер был привержен философской триаде. По его высказываниям, он обладает тремя слабостями: любит футбол, сладости и женщин. Зная это, советская служба безопасности вдень его рождения, когда он был в Москве, преподнесла ему в подарок торт в виде футбольного мяча. Вручавший ему торт генерал С. Н. Антонов сказал: «Мы удовлетворяем два ваших желания, к сожалению, третьего осуществить не можем». — *Прим. автора.*

3

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым, с. 302.

4

Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Юриздат Наркомюста СССР. М., 1938, с. 506–507.

5

Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Юриздат Наркомюста СССР, М., 1938, с.384 (в дальнейшем при ссылке на этот документ будет указываться только страница).

6

Сайерс М. и Кан А. Тайная война против Советской России, с. 331.

7

Охрана руководителей партии и страны насчитывала тогда 21 тысячу сотрудников. При утверждении бюджета Сталин увидел, что расходы на содержание охраны в те тяжелые послевоенные годы составили 2 миллиарда рублей в год и решил сократить их до уровня минимальной необходимости. В этой связи было уволено 18 тысяч сотрудников охраны. Из оставшихся 3 тысяч человек его личную охрану составляли 26 сотрудников и примерно 370 человек охраняли и обслуживали три его дачи и квартиру. Это было первое существенное сокращение службы безопасности, осуществленное по инициативе самого Сталина.

8

Сайерс М. и Кан А. Тайная война против Советской России, с. 337–340.

9

Старик — псевдоним Тито, Бевц — Эдвард Кардель, Джидо — Милован Джилас, Марко — Александр Ранкович. — *Прим. автора.*

10

Деднер В. Проигранное сражение И. В. Сталина, с. 311.

11

Деднер В. Проигранное сражение И. В. Сталина, с. 312.

12

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым, с. 324.

13

Хрущев вспоминает, с. 296–297.

14

Там же, с. 306.

15

Там же, с. 307.

16

Аллилуева С. Двадцать писем к другу, с. 162.

17

Аллилуева С. Двадцать писем к другу, с. 161.

18

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым, с. 351–352.

19

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым, с. 327–328.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление, с. 22.

21

Секретная служба США является подразделением Министерства финансов США и занимается обеспечением безопасности президента, вице-президента. Белого дома и высокопоставленных государственных деятелей других стран, прибывающих в страну с официальными визитами или по приглашению президента. — *Прим. автора.*

22

Трое суток им беспрерывно подвозили в фургонах спиртное, бутерброды и консервы. Для сооружения баррикад использовались строительные материалы и арматура со строек, за которые платили сразу же огромные суммы денег. Сварщики на месте получали по десять тысяч рублей.